ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ 41-й

№ 33 (4215) 13 АВГУСТА 1969 г. СРЕДА. Цена 15 коп.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СЕГОДНЯ В ШУШЕНСКОМ

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ «ЛГ»

ПИСАТЕЛЬ О СВОЕМ ГЕРОЕ

Михаил САМУНИН

...Владивостокская девушка Анна Щетинина впервые в истории морского флота с достоинством поднялась на мостик и стала капитаном дальнего плавания. Вот что такое дальневосточный девичий характер.

Этот характер выявляется всюду — где бы ни работали мои землячки. В марте нынешнего года я видел, какой трогательной заботой, любовью, идущей от сердца нежностью окружили в госпитале наши девушки — врачи и медицинские сестры — раненых пограничников, героев острова Даманского.

Главный герой моей недавно опубликованной в журнале «Дальний Восток» повести «Ливень» — зоотехник Вера Логинова. Я не фантазировал, я только старался передать характер моих милых землячек.

На этом снимке — одна из дальневосточниц, лаборантка литейного цеха Бурейского механического завода Амурской области Клавдия Скупченко. Она — депутат Верховного Совета СССР.

Это тоже наш — сибирский характер. Такие люди достойны книг, о них — наше писательское слово.

Фото В. ГЕНДЕ-РОТЕ

«Присматривайтесь повнимательнее, дорогие друзья, к земле, по которой ступал молодой Ленин. Найдите достойные слова для большой всенародной книги о нем. А для этого мало одного таланта, нужно еще иметь, как сказал Маяковский, «сердце, полное любовью к Ильичу».

Слова почетного гражданина Шушенского Устина Михайловича Светлолобова, встретившего писателей — участников Дней литературы народов СССР в Красноярском крае, стали девизом их поездки по ленинским местам Сибири.

Сегодня Даниил Гранин, Юлия Друнина, Сильва Капутикян, Лев Кассиль, Евдокия Лось и Мария Прилежаева делятся впечатлениями от этой поездки.

стр. 3

Халхин-Гол! Победа!
Фото участника боев **В. ТЕМИНА.** 30 августа 1939 года

ЭТО БЫЛО НА ХАЛХИН-ГОЛЕ...

«...Разгром японских империалистов на Халхин-Голе, показавший миру силу братского союза советского и монгольского народов, имеет не только историческое, но и глубоко современное значение. Советский Союз всегда был и остается верным боевым товарищем монгольского народа, монгольского социалистического государства... Халхин-Гол является суровым напоминанием всем, кого судьба не наделила достаточно прочной памятью...» — сказал Константин Симонов, выступая в редакции «ЛГ» за «круглым столом» участников боев на Халхин-Голе.

Материалы этой встречи читайте на

стр. 2

Юлия ДРУНИНА

В доме Зырянова

Я навек поняла отныне,
Стало в Шушенском
ясно мне —
Людям надобно
со святыней
Оставаться наедине.

Помолчать,
грохот сердца слыша,
Не умом, а душой понять:
Здесь он жил,
вот под этой крышей,
Эта койка — его кровать.

Здесь невесте писал
про Шушу,
Здесь морщинки легли
у рта...
Я хочу тишину послушать,
А при людях она не та.

И когда все уйдут отсюда,
И затихнет людской
прибой,
Я немного одна побуду,
Я побуду, Ильич, с тобой...

Дмитро ПАВЛЫЧКО

ОТПОВЕДЬ НАЦИОНАЛИСТУ ИЗ СИ-БИ-СИ

Полемические заметки о журнальной критике

стр. 4

КАК СОХРАНИТЬ ДУХ ОРИГИНАЛА?

Человек носил сено возле Мерниса
И понос одолел только наполовину,
Как немец сказал ему: «Пойдем!»
Травой, покрытой росой и пахучей,
Он медленно обтер косу.
Потом, воткнув ее в землю,
Рядом бросил точило...

Подстрочный перевод отрывка из поэмы Ю. Марцинкявичюса «Кровь и пепел»

Шел человек в траве густой,
Он заливную луговину
Скосил всего наполовину,
Когда ему сказали: «Стой!»
Травой росистой лезвие
Протер и косу поднял резко.
На миг зажмурился от блеска
И в шар земной вонзил ее.
И выброшенное точило
Примяло травяной побег.

Этот же отрывок в переводе А. Межирова.

Обмен мнениями о проблемах художественного перевода см.

стр. 5

«...плата за воспитание детей неизбежно приведет к возрождению дискриминации женщины в обществе и в семье», — пишет читательница М. Можина из Новосибирска.

СКОЛЬКО ИМЕТЬ ДЕТЕЙ?

«...такая мера подчеркнула бы общественную значимость материнства в нашей стране», — возражает Г. Фурман из Москвы.

Два письма продолжают спор, в котором уже приняло участие около 600 читателей «ЛГ».

Материалы, завершающие дискуссию «Сколько иметь детей!», читайте на

стр. 12

Литературная неделя

ОТ СРЕДЫ

ЛЕНИНГРАД

Рукопись нового коллективного сборника ленинградских писателей, посвященного Владимиру Ильичу Ленину, получена в Лениздате. Сборник будет называться «Прост, как правда» (как известно, именно так охарактеризовал Ильича рабочий Дмитрий Павлов). Над произведениями для этой книги работало более шестидесяти авторов — прозаики, поэты, драматурги, документалисты.

Главный редактор издательства Д. Хренков сообщил:

— Сборник «Прост, как правда» — одно из наших юбилейных изданий. В него входят главным образом новые произведения, раскрывающие малоизвестные страницы жизни В. И. Ленина, рассказывающие о его ближайших соратниках.

Наш корр.

РИГА

На заседании секретариата правления Союза писателей Латвии обсуждался вопрос о проведении традиционных сентябрьских дней поэзии. Для участия в празднике приглашены писатели из Москвы, из братских республик. Составлены маршруты поездок по малым городам Латвии, намечены выступления в клубах и сельских школах. Хозяева и гости посетят исторические места, связанные с жизнью и творчеством выдающихся деятелей литературы.

Наш корр.

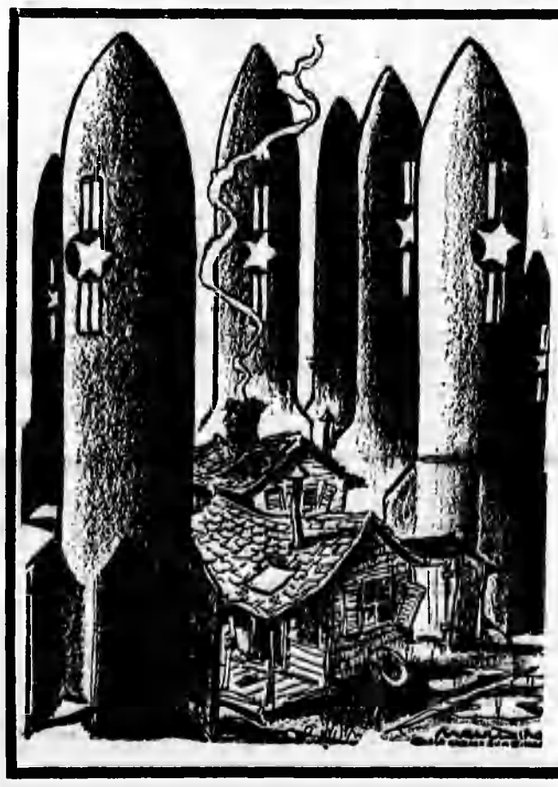
ВИЛЬНЮС

Лучшие образцы «малой» прозы вошли в антологию «Литовская советская новелла», выпущенную вильнюсским издательством «Вага».

Наряду с классиками А. Венуолисом и П. Цвиркой, народными писателями республики А. Венцловой, А. Гудайтисом-Гузявичюсом, Ю. Балтушисом авторами этого сборника являются и молодые литовские прозаики, уже снискавшие внимание читателей.

Наш корр.

ДО СРЕДЫ

Сенат Соединенных Штатов незначительным большинством голосов одобрил правительственную программу создания так называемой системы противоракетной обороны «Сейфгард». Одним из самых ярых защитников новой дорогостоящей эскалации ядерной ракетной техники является министр обороны США Мелвин Лэйрд. Мы перепечатываем из американского журнала «Нью репаблик» рисунок художника Молдина, обошедший многие зарубежные издания, с короткой, но выразительной подписью: «ЛЭЙРДСВИЛЬ» — город Лэйрда. Трущобы в окружении ракет — так представляется художнику будущее американских городов и их жителей.

РАССКАЗ О ГЕРОЕ

Ты помнишь, читатель, довоенную песню? Впрочем, почему только довоенную?

Все выше, и выше,
и выше
Стремим мы полет
наших птиц...

Это песня о героях-летчиках — о Чкалове и Громове, Ляпидевском и Каманине, о Марине Расковой и Валентине Гризодубовой, о многих и многих покорителях пятого океана.

Сегодня в нашей газете прославленная летчица Валентина Гризодубова и ученый Алексей Спекторов рассказывают о Герое Советского Союза Михаиле Михайловиче Громове. Мы публикуем также фоторепортаж специального корреспондента «ЛГ» А. Узляна с Н-ского аэродрома.

стр. 10

Интервью «ЛГ»

— Товарищ председатель, как вы относитесь к идее создания массовой общественной организации, которая заботилась бы о качестве товаров народного потребления?

Председатель Комитета стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР В. В. Бойцов:

— Тут не может быть двух мнений: общественная организация потребителей нужна.

стр. 12–13

КУЛЬТУРА ЗА РУБЕЖОМ

5 СТРОК О СОБЫТИИ

■ **Коллектив театра Лодзинской земли закончил работу над инсценировкой «Судьбы человека» Михаила Шолохова.**

■ **Чилийское издательство «Зиг-Заг» выпустило томик стихов Маяковского, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Чапаева» Д. Фурманова.**

■ **Недавно в Варне состоялась премьера оперы «Под игом». В основу либретто положен ромен-эпопея известного болгарского писателя Ивана Вазова.**

■ **Новый фильм, к работе над которым приступили югославские кинематографисты, создается на основе поэмы известной югославской поэтессы Д. Максимович «Кровавая сказка».**

■ **Премия «Стреге», одна из самых крупных литературных премий Италии, присуждена писательнице Лалле Романе за книгу «Перекидываясь легким словом».**

■ **12 тысяч из общего числа 30 500 рабочих в Голливуде не имеют никакой работы, указывает Джон Леверс, председатель совета киноработников АФТ-КПП.**

■ **Группе видных композиторов и дирижеров Англии начала кампанию протеста против намерений радиовещательной компании Би-би-си резко сократить передачу по радио серьезной музыки для расширения популяризации «поп-музыки».**

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

2

ЭТО БЫЛО НА ХАЛХИН-ГОЛЕ...

За «круглым столом» «Литературной газеты» — участники боев

Халхин-Гол!

Тридцать лет минуло с той поры, когда название этой реки в дружественной Монгольской Народной Республике впервые появилось на страницах газет мира.

Три десятилетия назад сильные, отборные войска японской императорской армии вторглись на территорию МНР. Эта операция была важным звеном далеко рассчитанного агрессивного плана японских милитаристов. Они, разумеется, прекрасно знали о договоре, подписанном правительствами СССР и МНР, в силу которого наша страна обязалась защищать границы монгольского государства, как свои собственные.

Священные узы дружбы связывают наши народы давно, с того незабываемого дня, когда Ленин принял в Кремле вождя монгольской революции Сухэ-Батора. С той поры советско-монгольская дружба ширилась, крепла, и события на реке Халхин-Гол стали наглядным свидетельством нерасторжимого союза двух народов.

История имеет прочную память, и она отлично помнит, как летом 1939 года в полупустынные степи у Халхин-Гола на помощь монгольскому народу и его армии пришла Советская Армия. Выполняя свой интернациональный долг, вместе с монгольскими войсками она окружила и разгромила 6-ю японскую армейскую группу генерале Камацубара, в которую входили дивизии, составлявшие цвет Квантунской армии.

Отмечая 30-летие разгрома японских милитаристов на Халхин-Голе, «Литературная газета» пригласила в редакцию группу участников этих событий.

Боевой летчик генерал Борис Александрович Смирнов принес свою старую карту района боев, на которой сохранились подпись «старший лейтенант Б. Смирнов» и дата «13 июля 1939 г.». Часовой мастер ГУМа Петр Николаевич Ерошкин положил на стол свою солдатскую фотографию халхин-гольской поры. Лев Исаевич Славин развернул чудом уцелевший номер газеты «Героическая-красноармейская» от 12 сентября 1939 года. На третьей странице газеты напечатаны стихи К. Симонова, посвященные Герою Советского Союзе майору Михайлову, — «Баин-Цаган (Рассказ танкиста)» и очерк Л. Славина «Командир броневзвода Соколов»...

Друзья минутой молчания почтили память павших на Халхин-Голе товарищей.

Константин СИМОНОВ

СУРОВОЕ НАПОМИНАНИЕ

— Вы знаете, товарищи, что я «самый кратковременный» халхингольц. Был там, к сожалению, очень недолго, меньше других товарищей, меньше всех. На Халхин-Гол я попал неожиданно. Осенью 1939 года я собирался поехать в нашу воинскую часть на Камчатку, но вот 17 августа в Москве меня вызвали в ПУР и сообщили, что редактор газеты армейской группы войск, воюющей в Монголии, на Халхин-Голе, телеграфно просит «прислать поэта». В скобках, кажется, было написано «одного»... В два часа мне об этом сказали, а в пять я уже выехал. Мои товарищи — писатели Лапин, Хацревин, Славин уже были на Халхин-Голе. Еще до этого туда уехал Ставский...

Все то немногое, что я сам помню о Халхин-Голе, я уже выложил в книжке «Далеко на Востоке». Сегодня здесь, за «круглым столом» «Литературной газеты», в канун 30-летия халхин-гольских событий мне хотелось бы остановиться на некоторых общих и, как мне кажется, важных обстоятельствах.

С той поры прошло много времени — три десятилетия. Халхин-Гол — далекая река в братской Монголии. Пустынные края — степь и солнце, солнце и степь на сотни километров. Тяжелые бои, зной, трудная обстановка и при этом — страшная отдаленность. Не восстановив эту живую картину не только боев, но и жизни солдат, нельзя понять всей меры испытаний и подвигов. Каких усилий, какого напряжения стоила, например, тогда, тридцать лет назад, доставка в район Халхин-Гола войск, боевой техники, горючего, продовольствия... Как много сюда шло своим ходом. Это первое. А во-вторых, монголо-советские войска имели дело с опытной, обстрелянной японской армией, которая воевала на китайской земле уже семь с лишним лет. Если не считать событий на озере Хасан, наша армия именно здесь впервые встретилась в бою с таким сильным противником.

Еще одно важное историческое обстоятельство: только что, 31 августа 1939 года, наши и монгольские войска под общим командованием Г. К. Жукова закончили окружение и разгром японской группировки. А первого сентября, то есть буквально на следующий день, началась вторая мировая война.

Вспомним еще об одном. Когда 23 августа 1939 года наше правительство подписало с Германией пакт о ненападении, то это произошло в самый разгар заключительного сражения на Халхин-Голе. Там, на поле боя, мы читали сообщение о пакте, испытывая совершенно особое ощущение. Ведь у нас не выходило из головы, что, пока здесь, на Востоке, мы воюем с японцами, гитлеровцы тем временем могут напасть на нас оттуда, с Запада. Ощущение угрозы — вот, что испытывали в те дни, размышляя об обострении обстановки в Европе, советские бойцы и командиры, уже сражавшиеся на земле и в небе братской Монголии с японскими милитаристами, чьи провокации на наших дальневосточных рубежах к этому времени продолжались уже семь лет. Это было психологически важное обстоятельство, и о нем не следует забывать.

О Халхин-Голе кое-что написано, но, пожалуй, только в годы Великой Отечественной войны мы до конца поняли то, какое значение имел разгром японских войск в монгольских степях, это вооруженное предупреждение японским агрессорам.

Халхин-гольский разгром сыграл большую роль в последующих событиях, особенно 1941—1942 годов. Именно памятуя о Халхин-Голе, японские генералы не рискнули тогда напасть на Советский Союз, планируя вступление в войну лишь после того, как Гитлер возьмет Москву, чего, как известно, не произошло.

И еще одно: разгром японских империалистов на Халхин-Голе, показавший миру силу братского союза советского и монгольского народов, имеет не только историческое, но и глубоко современное значение. Советский Союз всегда был и остается верным боевым товарищем монгольского народа, монгольского социалистического государства.

Так было. Так будет и впредь. Пусть Халхин-Гол является суровым напоминанием всем, кого судьба не наделила достаточно прочной памятью...

Борис СМИРНОВ

Герой Советского Союза, генерал-майор авиации

СРАЖЕНИЯ В НЕБЕ

К. СИМОНОВ. В последнее время у нашей литературы вырос интерес к халхин-гольской теме. Журнал «Знамя», например, в своем восьмом номере за этот год печатает воспоминания генерала и Героя — Бориса Александровича Смирнова. Тебе, Борис, как говорится, и карты в руки, продолжай наш рассказ. А для начала скажи: как ты попал на Халхин-Гол?

— Произошло это совершенно неожиданно. В один из последних дней мая 1939 года мне и нескольким моим товарищам — летчикам И. Лакееву, В. Рахову, Николаеву, моему однофамильцу — Смирнову комкор Я. Смушкевич сообщил, что всех нас вызывает нарком обороны К. Ворошилов. Вскоре мы были в зале заседаний Наркомата обороны, и здесь я встретил много старых знакомых — летчиков, авиационных инженеров. Почти всех я знал. Это были люди с большим опытом. Все они уже воевали — в Китае с японскими захватчиками и с фашистскими мятежниками в Испании.

Климент Ефремович сообщил, что японо-маньчжурские пограничные части нарушили государственную границу МНР. По последним данным, 28 мая японцы неожиданно атаковали два аэродрома, уничтожили часть находящихся здесь самолетов, не понеся при этом потерь. Самураи решили, что они стали хозяевами монгольского неба и начали по-бандитски расстреливать мирных аратов.

Заметив, что в Монголии пока только находится несколько наших эскадрилий, летчики которых, увы, не имеют боевого опыта, нарком подчеркнул важность того обстоятельства, что мы уже имеем опыт войны в Испании и Китае, и пожелал нам успехов в предстоящих боях.

На следующий день на трех транспортных самолетах мы вылетели из Москвы в Монголию. И вот наконец прибыли на место, устроились. В первое время воздушных боев не было — противник нас не беспокоил. Мы занялись подготовкой молодых, прибывших сюда из Забайкалья и с Дальнего Востока летчиков.

Вскоре развернулись суровые воздушные бои. Да, суровые и массовые! До этого я воевал в Испании и там ничего подобного не наблюдал. Вот, скажем, бой 22 июня 1939 года. Около 300 самолетов с двух сторон участвовало в этом сражении. Оно продолжалось долго, до полного израсходования горючего и боеприпасов. Бой шел в районе между озером Буир-Нур и поселком Тамцак-Булак. Я это место навек запомнил, да и карта не дает забыть... Тридцать лет храню ее.

Утром следующего дня я узнал, что всего было сбито 43 самолета: 31 — японский и 12 — наших... С нами дрались императорские асы, которые уже не один бой провели в Китае. Между прочим, многие из японцев воевали с нашими летчиками там, в небе Китая, и боевая встреча над землей Монголии была их вторым «воздушным свиданием» с нами.

Потом боев было много. По 3—4 раза в день порой приходилось подниматься в воздух. Мы летали тогда уже на новых самолетах. Смушкевич посадил на них Грицевца, Кравченко, Лакеева, меня, одним словом, обстрелянных людей. Дрались с японцами, сбивали их.

Мы жили и воевали в трудных условиях. Пустыня — это пустыня. Воды нет — каждая капля на учете. Жара доходила до 47 градусов. Ни деревца, ни кустика. Монгольские друзья не только великолепно сражались вместе и рядом с нами, но они также сделали все, чтобы получше устроить нас. С какой любовью они оборудовали для нас юрты, помогали всем, чем могли. Это действительно прекрасные боевые товарищи!

В этом мы ощущали тепло дружбы наших народов, которая выдержала суровое испытание. Давненько я, однако, не был в Монголии, а побывать там очень хочется...

К. Симонов. Не собираешься ли туда сейчас?

Б. Смирнов. Угадал, собираюсь! В гости, на халхин-гольский юбилей позвали. Полечу с большой радостью...

К. СИМОНОВ. Мы с вами только собираемся побывать снова на Халхин-Голе, а вот некоторые наши товарищи недавно вернулись оттуда. К примеру, Александр Васильевич Котцов. Мы, тогдашние газетчики, помним, как гремело в боях его имя...

Александр КОТЦОВ

Герой Советского Союза

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ПОЕДИНОК

— Недавно, буквально месяц назад, мне довелось снова быть на берегах Халхин-Гола... В нашу делегацию входило четырнадцать ветеранов. Встречали нас чудесно. Я счастлив был побывать в Монголии спустя тридцать лет и увидеть, как преобразилась сейчас братская страна.

В 1939 году мне было 27 лет, когда я как комиссар танкового разведывательного батальона вместе с нашими бойцами впервые увидел Монголию. До этого наша часть стояла в одном из гарнизонов Забайкалья. Ночью нас подняли «по тревоге», и мы двинулись в дальний путь. Прошли на танках 800 километров. Степь, степь, без конца и без края. Мчится наша боевая колонна. Впереди, как всегда, коммунисты. Вдруг вдалеке верхом на коне — монгол. Неподалеку от него — отара овец... Машет рукой, зовет нас. Что, думаю, случилось? Не выбросили ли японцы здесь парашютный десант? Нет! Просто наш друг решил пожать танкистам руки, поздороваться и показать им дорогу...

Трудный был марш. Пришлось вести танки и по дну Халхин-Гола. Все тогда пошло в ход, чтобы одолеть эту водную преграду. Сначала разведчики, а за ними и вся бригада оказались на фланге у противника. Он здесь нас, конечно, не ждал — вот и хорошо.

Дел боевых на Халхин-Голе у танкистов было много. Я не стану сейчас все пересказывать, но один бой все-таки вспомню.

Однажды, возвращаясь из рейда, пять экипажей под моим командованием наткнулись на огневые позиции японского артиллерийского дивизиона. Он стоял очень близко к переднему краю и серьезно беспокоил наши войска. И сразу по танковым рациям был отдан приказ: «Давить пушки!». Но вступать в единоборство с дивизионом — дело непростое. Тут все решают быстрота, темп, натиск, боевой риск... Одним словом, мы разгромили этот дивизион, увезли с собой их стереотрубы, буссоли и даже морские перископы, которые неизвестно как здесь очутились... Жаркое было дело!

Д. Ортенберг. Твой танк тогда, кажется, подбили?

А. Котцов. Да, слетела гусеница, и танк крутился на подмятой японской пушке. Я приказал башенному стрелку Николаю Мирошниченко остаться в машине и вести огонь по японцам, укрывшимся в щелях, а мы с механиком-водителем Василием Слободзяном вылезли и все-таки натянули гусеницы... Только забрались в машину — японцы пошли в психическую атаку: им кто-то внушил, что советские танки якобы сделаны из фанеры. Это была последняя ошибка в их жизни. Подоспевшие другие наши танки окончили дело. Боем, несмотря на полученные ожоги, руководил наш лихой комбат Григорий Яковлевич Борисенко.

Б. Смирнов. Помнится, тогда вам троим и присвоили звание Героя?

А. Котцов. Совершенно справедливо — комбату Г. Я. Борисенко, механику-водителю В. Слободзяну и мне.

К. Симонов. Где сейчас ваши халхин-гольские друзья?

А. Котцов. Василий Слободзян погиб в годы Отечественной войны, а полковник в отставке Григорий Яковлевич Борисенко живет в Риге.

К. Симонов. А где вы ныне в Монголии побывали?

А. Котцов. В районе Хамар-Дабы. Были и у переправы, где шли тяжелые бои... Там сейчас сооружается большой обелиск.

Д. Ортенберг. Чем ты занимаешься сейчас, Александр Васильевич?

А. Котцов. Проектирую! Заводы, различные предприятия... Был танкистом, стал проектировщиком. Но Халхин-Гол не забуду никогда. Наша родная Советская Армия показала всему миру, как она защищает социалистические завоевания народа.

Слово просит Петр Николаевич Ерошкин. На Халхин-Голе он воевал рядовым, очень смело воевал...

Петр ЕРОШКИН

НА ПЕРЕДОВОЙ

— Наконец мы прибыли на передовую. Кругом — степь. Солнце в Монголии сильное; еще в июне оно начисто выжгло траву... Противник, как говорили разведчики, серьезный: на Халхин-Гол Япония бросила свои самые что ни на есть отборные дивизии. Встретились с ними в бою наши солдаты. Сталь на сталь. Схватка, что называется, была не на жизнь, а на смерть. Противник пошел на хитрость — зашел с тыла, собираясь, видно, окружить штаб нашего батальона. Переглянулся я с товарищами — мало нас: взвод боепитания с командиром товарищем Сахно да еще писарь батальонный Топыркин, трое связных из рот, четыре телефониста, замполитрука Данилов, инструктор политотдела Жилин... Вот и все. Сахно спешно собрал всю группу, всех, кто был под рукой, и полным голосом скомандовал:

— В атаку, ура!

Мы все, конечно, за ним, с винтовками наперевес. Японцы малость опешили, замялись, топчутся на месте. Лишь один из них, должно быть, офицер, все еще кричал: «банзай». Но наше «ура» было погромче... Кругом — стрельба, огонь, а мы что есть духу мчимся вперед. Гляжу направо — на политрука Жилина замахнулся противник — успел отбить этот удар! Еще с несколькими японцами управился... Правда, меня в голову тогда тяжело ударило... Крепко поранили. Врачи даже не верили, что выживу. Сам Бурденко делал мне операцию. Долго лежал в госпитале. Потом началась Отечественная, и я снова пошел на фронт солдатом...

Михаил КОЛЕСНИКОВ

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

— Тут уже говорили, что журнал «Знамя» напечатал воспоминания Б. А. Смирнова. В восьмом номере опубликована и моя статья — «Халхин-гольская быль», в которой мне хотелось пошире посмотреть на эти события.

Какие цели весной 1939 года ставил перед собой японский премьер-министр барон Хиранума? Он продержался у власти только восемь месяцев, а рассчитывал быть долгие годы. Это был очень самоуверенный самурай, который считал японскую армию лучшей в мире, ибо она имела опыт войны в Китае.

На Халхин-Голе Хиранума хотел устроить «дальневосточный Мюнхен». Он вторгся в Монголию, стремясь к нашему Забайкалью, а заодно пытаясь склонить США, Англию и, конечно же, Германию и Италию выдать Японии Китай. И он был близок к цели... Когда в начале боев на Халхин-Голе японцы имели временный успех, их дипломаты торопились вести переговоры с Англией и Америкой...

Однако после Баин-Цаганского побоища — нашей первой крупной победы в районе Халхин-Гола — все пошло по-иному. Это был страшный удар по кабинету Хиранумы: он ушел в отставку. В октябре 1941 года, когда гитлеровцы прорвались к Москве, японцы не рискнули напасть на наш Дальний Восток. Их остановила память о Халхин-Голе.

Разгром японской армии в монгольских степях стал для императорской Японии национальной трагедией. Советские и монгольские войска здесь уничтожили серьезные японские силы, к слову сказать, те самые силы, которые действовали в Китае...

...Я был тогда 20-летним лейтенантом, служил в разведке, многое, конечно, видел, пережил... Вот слушаю вас и вспоминаю, как после боев совершенно неожиданно встретил там Симонова. Его и еще одного человека привели к нам в штаб и сказали: «Этих двух писателей надо устроить на ночлег».

К. Симонов. Тогда я, кажется, был с Николаем Кружковым...

М. Колесников. Мы с трудом устроили их ночевать в политотделе, ибо долго не могли достучаться — ночь! А ночи в Монголии удивительные. Да и вся она — удивительная! После Халхин-Гола я служил там еще шесть лет. Написал о ней несколько книг, одна — о Сухэ-Баторе. Писал, но давно там не был... Теперь предстоит новая встреча. Это меня очень волнует. Я всегда о Монголии думаю с нежностью и любовью, как думают люди о родной прекрасной сестре.

А. КОТЦОВ. Вспоминаем мы сейчас давние бои, друзей-товарищей... А ведь там, на Халхин-Голе, мы впервые узнали и некоторых наших писателей. И познакомила нас с ними «Героическая-красноармейская». Редактор нашей газеты генерал-майор Ортенберг здесь, и ему, видно, тоже есть что рассказать...

Давид ОРТЕНБЕРГ

РАДИ НЕСКОЛЬКИХ СТРОЧЕК В ГАЗЕТЕ...

— По просьбе журнала «Вопросы литературы» я написал воспоминания о Халхин-Голе. Прав Симонов, говоря, что эта тема ныне привлекает внимание нашей литературы. Но пока что напечатано мало.

В «Героической-красноармейской» был небольшой, но дружный коллектив. Боевого опыта почти ни у кого не было. Только Славин служил в старой армии, Ставский воевал в гражданскую войну, которую и мне, в ту пору шестнадцатилетнему пареньку, посчастливилось чуть-чуть «прихватить»... Для всех остальных Халхин-Гол был первой войной, первой проверкой огнем. И я скажу сразу: все великолепно выдержали этот экзамен.

Вспоминаю Владимира Ставского, в ту пору уже широко известного писателя. Отвага и храбрость были его естественным состоянием. Он действительно не знал страха в бою.

Стояла редакция в степи, в юртах, вокруг которых наш старшина Узультуев насчитал 67 воронок от японских бомб. Рано утром в редакторской юрте обычно шла «летучка». Корреспонденты получали задания и уезжали в части, а к вечеру возвращались с материалом для номера. Только наш бессменный секретарь Михаил Певзнер оставался в редакции...

Бои на Халхин-Голе давали обилие прекрасного материала. И не только для очерков, а, скажем, и для стихов, песен. Но своего поэта, к сожалению, у нас не было. А газете нужны были стихи, песни, баллады... К примеру, о подвиге летчика Грицевца. Об этом у нас в газете был хороший очерк Лапина, Хацревина, Славина. Но это — проза. А стихи? Сообщение о подвиге Грицевца мы передали по телеграфу в Москву поэту В. И. Лебедеву-Кумачу и через две недели получили и напечатали его поэму «Два сокола — два друга».

На это ушло целых две недели... Вот тогда я и послал в Москву, в ПУР телеграфную заявку на «одного поэта», и к нам прибыл Симонов. Должен сознаться, что тогда о поэте Симонове я еще ничего не слыхал. К тому же я полагал, что на Халхин-Гол пришлют именитого поэта, а прибыл 23-летний парень, поэтические способности которого еще не были известны... До писания стихов надо было еще проверить молодого поэта, чего он стоит в бою. Ставский вывозил Симонова на передовую, и доброе слово старого бойца, конечно, много стоило...

На Халхин-Голе за два года перед началом Великой Отечественной войны мы сдавали перед Родиной, перед партией экзамен на боевую зрелость.

Лев СЛАВИН

ОГНЕННЫЕ СТЕПИ

— Халхин-Гол трудно забыть. Почему он не забывается, несмотря на то, что после него была Отечественная война?

Это была война особенная. В сущности — война в пустыне. Там не было населенных пунктов. Условная линия фронта простиралась на сто километров.

Вокруг белых юрт нашей редакции «Героической-красноармейской» протянулось необозримое пространство, покрытое черемшой (все-таки витамины!). Вдалеке — крутые отроги могучего Хингана. Жарко, очень. Комары! Летающие стрелы, а не комары... В горячие дни наступали миражи: где-то далеко вставали клубящиеся паром озера и пальмы...

...Это было не первое мое посещение Монголии. Вместе с Лапиным и Хацревиным в 1934 году я был здесь. Мы участвовали тогда в создании фильма «Сын Монголии». Монголия была для нас страной, которую мы давно знали и любили.

...Во второй половине дня, накануне нашего генерального наступления, мы выехали на фронт. Дорога была так оживлена, как столичная улица в часы «пик». Двигалось огромное количество боевых машин, орудий, грузовиков.

Близился час атаки. Общим сигналом к ней послужила мелодия «Интернационала», которую на всем фронте передавали наши мощные звуковые установки (солдаты называли их «эмгеушками»). По приказу редактора я все время оставался на правом фланге. Здесь-то и начался ошеломляющий разгром японцев... Здесь в плен был взят раненый японский офицер. Взяли в беспамятстве. На самолете отправили в Читу. В госпитале он пришел в себя, спрашивает:

— Где я?

— В Чите! — ответили ему.

— Как, императорская армия уже заняла Читу?! — радостно воскликнул офицер.

— Нет, вы в плену!

Он опять потерял сознание.

...Да, Халхин-Гол не забудется. Я вспоминаю огненные степи, трудные окопы, доблесть бесстрашной Монгольской народной армии, мужество наших бойцов, командиров...

Халхин-Гол показал высокое мужество советского воина, великой армии великого народа. Мы помним тебя, струистый Халхин-Гол!

Участники воздушных боев на Халхин-Голе (справа налево): *Герои Советского Союза Борис Смирнов и Леонид Орлов, летчик Андрей Смирнов.*

Фото В. ТЕМИНА

Страницу подготовил специальный корреспондент «Литературной газеты» Н. МАР.

УЛАН-БАТОР. СОЮЗ МОНГОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие товарищи!

Правление Союза писателей СССР сердечно поздравляет писателей, литературную общественность, всю многочисленную армию читателей братской Монгольской Народной Республики со знаменательной датой в истории наших народов — 30-летием разгрома японских империалистов на реке Халхин-Гол летом 1939 года.

Дружба советского и монгольского народов почти полвека тому назад заложена В. И. Лениным и Сухэ-Батором. Бои на Халхин-Голе воочию показали всему миру силу этой дружбы, они показали, что в великом деле строительства социалистического общества Советский Союз и Монгольская Народная Республика связаны прочными, нерушимыми, кровными узами братства и классового единства. И пристально следя за событиями, происходившими в то памятное лето на монгольской границе, мир убедился, что наши народы и их героические вооруженные силы, руководимые партиями коммунистов-ленинцев, были и остаются верны своему интернациональному долгу и всегда готовы к защите родных рубежей от посягательств со стороны любого врага.

С чувством радости и гордости мы отмечаем и тот факт, что на полях халхин-гольских сражений в братском строю находились и наши литературы, плечом к плечу, рядом с монгольскими и советскими солдатами и командирами самоотверженно сражались с врагом советские и монгольские писатели. Их вклад в дело защиты священных рубежей социалистической Монголии уже оценен историей.

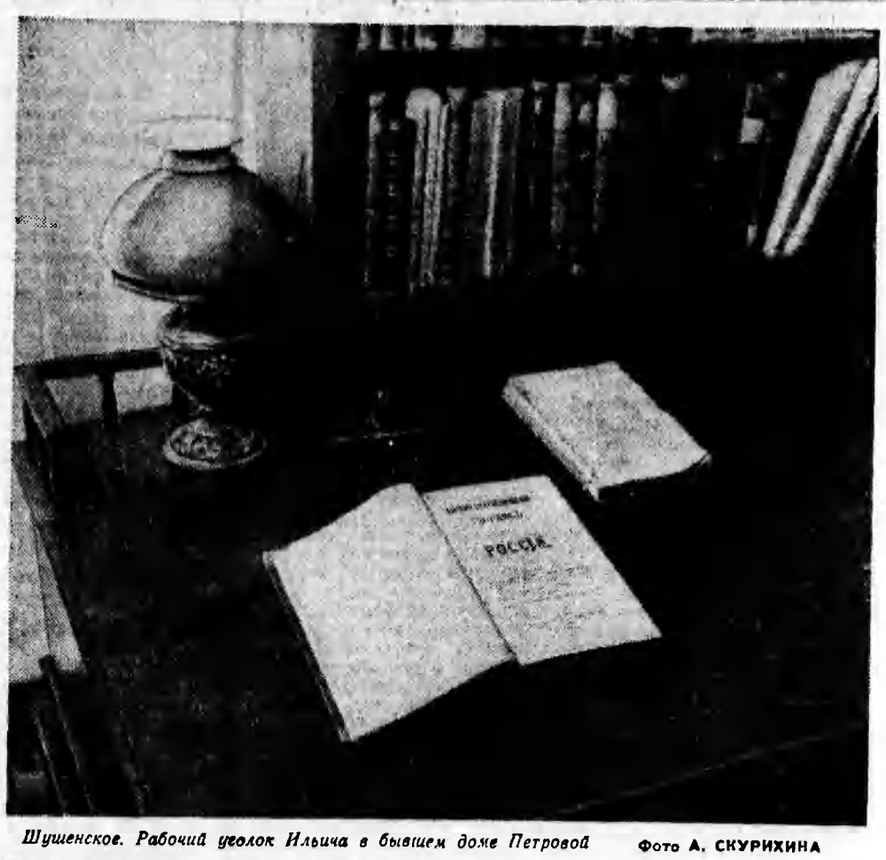
Дружба наших литератур, пройдя испытание огнем летом 1939 года, счастливо развивается и ширится. Свидетельство этому — растущее из года в год число литературных произведений на монгольском языке и на десятках языков народов СССР, посвященных теме великой, нерасторжимой дружбы наших народов. Выражаем надежду, что эта благородная тема и впредь будет привлекать внимание всей нашей многонациональной советской литературы и писателей вашей страны.

Отмечая 30-летие исторических боев на Халхин-Голе, правление Союза писателей СССР еще раз сердечно поздравляет своих друзей и братьев — монгольских литераторов и от всей души желает им новых творческих успехов и великом деле служения родине, ее счастью и благополучию.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

***

По приглашению Союза монгольских писателей в Улан-Батор для участия в торжествах, посвященных 30-летию разгрома японских империалистов на Халхин-Голе, вылетает делегация Союза писателей СССР. В ее составе писатели и журналисты — Г. Боровик, Аг. Гатов, Г. Граубин, М. Колесников, Н. Кружков, Д. Кугультинов, Е. Лось, Н. Мар, Д. Ортенберг, М. Певзнер, М. Сергеев, К. Симонов (руководитель делегации), Л. Славин, С. С. Смирнов.

Шушенское. Рабочий уголок Ильича в бывшем доме Петровой Фото А. СКУРИХИНА

«Литературный репортер» в поездке с писателями по ленинским местам Сибири

...СЕРДЦЕ, ПОЛНОЕ ЛЮБОВЬЮ К ИЛЬИЧУ

Много теплых, хороших слов довелось услышать писателям, приехавшим из разных уголков Советского Союза на празднование Дней литературы народов СССР в Красноярском крае. Но, пожалуй, особенно запомнились слова, которые произнес почетный гражданин Шушенского Устин Михайлович Светлолобов, вручая гостям хлеб-соль: «Присматривайтесь повнимательнее, дорогие друзья, к земле, по которой ступал молодой, полный сил Ленин. Найдите достойные слова для большой всенародной книги о нем. А для этого мало одного таланта, нужно еще иметь, как сказал Маяковский, «сердце, полное любовью к Ильичу». Пусть эта фраза станет девизом вашей поездки».

Участники Дней литературы народов СССР в Красноярском крае встречались с читателями, ездили по ленинским местам — в Минусинск, Ермаковское, Красноярск и, самое главное, Шушенское.

Писатели стали свидетелями грандиозных преобразований в крае, который долгие годы был безрадостной, забытой окраиной. Они увидели огромные заводы, фабрики с современным оборудованием, многоэтажные жилые дома, гигантскую Красноярскую ГЭС, Саяно-Шушенскую ГЭС.

Но, пожалуй, больше всего впечатляли люди — преобразователи этого края. Еще одно подтверждение жизнетворной силы и неодолимости ленинских идей! Только такая сила могла и должна была вызвать духовное возрождение народа, дать возможность маленьким нацням почувствовать свое величие, а большим — отказаться от сознания своей исключительности.

Добрый взгляд Хакасии, которая принимала писателей почти всех советских республик как своих сыновей, глубоко запал в их сердца. Поэт Алим Кешоков сказал в одном из своих выступлений в Абакане: «Я всегда искал достойные слова для выражения любви к своему кабардинскому народу. Теперь мне предстоит найти такие же слова для народа Хакасии за его хлеб, ласку и тепло. Минусинск—значит мой улус, моя земля. И теперь я, кабардинец, с уверенностью говорю: это и мой аул, и моя земля!»

В этой поездке участвовали специальные корреспонденты «Литературной газеты». И сегодня в беседе с ними писатели делятся своими впечатлениями от поездки, рассказывают о мыслях, которые вызвала у них встреча с землей Сибири, с памятными ленинскими местами.

Сильва КАПУТИКЯН

ОТ СЕВЕРНЫХ ВЬЮГ ДО БЕССНЕЖНОГО ЮГА

ВООБРАЖЕНИЕ — прихотливое и неверное свойство человека. Как часто оно обманывает, уводит далеко от истины, а истина оказывается незнакомой и странной, как город, когда-то увиденный на фотографии, а теперь вырастающий за окном автобуса — знакомый незнакомец.

Что знала *я о Сибири*? О *ее морозах*? О *ее глухих* таежных тропах с лесными завалами? Что знала я о Шушенском? По Ленину: «Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует».

А увидели мы вполне современные города, поднимающиеся над многоэтажными домами *башенные* краны, запах цветов и тайги, и жара, невыносимая жара — вот тебе и Сибирь!

Мы увидели два дома, в которых жил Ленин во время ссылки, два старых, не потерявших примет времени дома. А рядом строятся *такие же* дома, *строятся заново*: по фотографиям, по описаниям. Это нелегкое дело — создать село таким, каким его знал Ленин. Как просто потерять в спешке по дороге то, что было. Надо обладать чутьем исследователя, чтобы сохранить дух времени, не увлекаясь украшательством и новизной. Сады на улицах мемориальной зоны — вздор, такой же, как, например, вазы с цветами в камерах Петропавловской крепости. Их не будет. Об этом говорил нам руководитель группы создания мемориальной зоны Б. Гнедовский.

Гнедовский — увлеченный и горячий человек. Он влюблен в свое дело. И люди, которые строят новое Шушенское, Саяно-Шушенскую ГЭС, строители Дивногорска — *такие же* горячие и увлеченные.

Мы перешагнули тысячи километров, перелетели через границы многих республик, краев и областей, а люди те же. Те же мечты, те же раздумья, те же разговоры. Да, административные границы — условность: весь Советский Союз — *одна* большая республика, молодая республика беспокойных сердец. На расстояниях, огромных даже для реактивных самолетов, люди живут одними делами, одними помыслами. И все это — великое дело Ленина, живое воплощение его мечты, его идей, которым он посвятил всю свою жизнь.

Я привезла шушенцам подарок от полиграфистов Армении — семь книжек Ленина на армянском языке 1600 лет существует армянская письменность. Много знала она — и молитв, и обращений к богу, и гневных протестов против божьей несправедливости, и воплей народного горя, и скорби о погибших, и просьб о помощи. А сейчас она несет *великое слово Ленина*, слово о счастье человеческом. Вот когда старая письменность приобрела новое содержание, новое звучание. Древние письмена обрели вторую молодость. А то, что они веками хранили за глухими стенами монастырей, в непроходимых ущельях, — драгоценное наследие армянской культуры, — выходит на простор всей страны благодаря языку, *на котором писал Ленин*.

Вот почему, выступая перед шушенцами, я прочитала строки:

Ведь от северных вьюг до бесснежного юга —
Мы единой семьи, что любовью крепка.
Но могли ли мы, братья, понять друг друга,
Если б не было русского языка?

Лев КАССИЛЬ

АЛЫЕ ГАЛСТУКИ ШУШЕНСКОГО

УЖ ТАК случилось, что с детства одно из самых любимых моих занятий—рассматривать карты и атласы. И, рассматривая их, я мысленно ставлю флажки там, где мне довелось побывать: то ли в связи с писательской работой, то ли в связи с многообразными соблазнами жизни. (Впрочем, наверное, у каждого живущего на земле биография в той или иной степени переплелась с географией!) Так вот, расставляя мысленно флажки на разных материках, я испытывал неловкость, потому что оставалось «*белое пятно*» на моей личной карте нашей страны — это Восточная Сибирь, Красноярский край. Тем более, места эти связаны с одним из самых трудных периодов в жизни Ленина — человека, биография которого является для всех нас всегда волнующим и притягательным примером судьбы, выражающей Историю и творящей ее.

Я испытываю радостное удовлетворение, что довелось мне *наконец побывать на сибирской земле*, по которой когда-то ступал Владимир Ильич. Он и здесь ни на миг не *сошел с той дороги*, *которую определил* для себя и для нашего народа, с дороги, направленной к цели, которая виделась ему *пленительными* контурами будущего и стала для нас сегодняшней реальностью.

То, что мы увидели в Шушенском, в Минусинске, в Красноярске и других местах, связанных с Ильичем, сделало как бы стереоскопически выпуклыми, не только трех-, но и четырехмерными — если говорить о проекции через время — хорошо знакомые нам по литературным источникам эпизоды жизни вождя. Такая возможность непосредственного прикосновения к истории волнует необычайно.

«Не место красит человека, а человек место». В данном случае Шушенское должно подтвердить свою благодарную память об Ильиче, воплотить в себе то, что этим человеком было задумано и самоотверженно защищалось даже в самые тяжкие годы неравной борьбы.

Сегодня эту ленинскую эстафету *принимают* из рук старшего поколения молодые, и мне было особенно интересно и важно встретиться и поговорить с самыми юными из них.

Очень *доброе* впечатление произвела на меня встреча с пионерами одного из пионерских лагерей, расположенных неподалеку от Минусинска. Сюда на золотые деньки каникул приехали ребята со всего Красноярского края — от Игарки до Тувы. Разбиты они на отряды, носящие веселые, а подчас и озорные названия, такие, как «*Романтики*» или «Сосновая шишка»... Они гордо выходили на торжественную линейку в честь нашего приезда и выкрикивали приветствия, удивлявшие затейливостью, лаконичностью и выразительностью. Поближе познакомившись с ребятами, я был рад убедиться, что те нравственные черты характера, которые мы закрепляем и прививаем в нашей педагогической работе, и само высокое звание юного ленинца, которое, что греха таить, порой применяется чересчур широко и без должной требовательности, здесь, в ленинских местах, обрели полнозвучное и особенно реальное начало.

И так дорог мне был тот интерес ребят, *когда я рассказывал* о недавно законченной мною в содружестве с Максом Поляновским небольшой документальной книжке *для* младших школьников «Дядя Володя и Горка». Это повесть о жизни волжского мальчишки, *моего саратовского земляка* Горы Лопачева-Елизарова, выросшего в семье, близкой к Ленину, и имевшего счастье в детстве *хорошо* знать Владимира Ильича.

И поэтому легко понять мою *писательскую* радость и волнение — рапортовать пионерам о своем пусть скромном труде в местах, так тесно *связанных* с В. И. Лениным.

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Я НЕ ПЕРВЫЙ раз приезжаю в Сибирь, в Шушенское, где Владимир Ильич Ленин провел в ссылке три долгих и трудных года после разгрома петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Впервые я приехала сюда одиннадцать лет назад, даже не подозревая о том, как много мне даст эта поездка. Именно после нее я написала книги «Удивительный год», «Три недели покоя», «Жизнь Ленина». Пожалуй, все это — результат огромного эмоционального подъема, который я испытала с самой первой встречи с сибирской землей: в Красноярске на пристани мне показали макет парохода «Св. Николай», *на котором* Владимир Ильич выехал в Минусинск 30 апреля 1897 года. Первая встреча — *всегда самая волнующая*, *она остается в памяти* навсегда, ее не стирают ни время, ни события. И представьте *мою радость*, когда *в этой поездке я узнала*, что пароход «Св. Николай» реставрируется. Ведь раньше я, да и не только я, считала, что он не сохранился. А оказывается, мы его еще увидим — таким, каким его видел Ленин...

Теперь, одиннадцать лет спустя, я снова в Сибири, снова дышу сухим и терпким таежным воздухом, снова ступаю по тем дорогам, по которым когда-то ходил Ленин. Все изменилось здесь: и Енисей уже не тот, и на месте старого Шушенского с грязными улочками и покосившимися домами — новое село, почти город — благоустроенный, шумный, радостный, о котором мечтали Владимир Ильич и его друзья Кржижановский, Старков, Лепешинский, Ванеев...

Когда я писала книгу «Удивительный год», я много думала об Анатолии Александровиче Ванееве — революционере-марксисте, человеке большой силы воли и огромной эрудиции. После Енисейска он был сослан в село Ермаковское, недалеко от Минусинска. Тяжелая форма туберкулеза приковала его к постели, он не мог приехать в Шушенское, и именно потому В. И. Ленин избрал село Ермаковское местом для совещания, на котором ссыльные марксисты обсуждали «Протест российских социал-демократов» против манифета «экономистов» — так называемого «Кредо».

Одиннадцать лет назад мне так и не удалось побывать в Ермаковском, и только теперь я увидела знаменитое село, о котором писала в своей книге «Удивительный год»: «*Угрюмо подтаежное село* Ермаковское. Пустынна широкая улица. Избы сложены из лиственничных, темных от времени бревен — *двести лет* простоят хоть бы что!.. Близко к селу Ермаковскому подступила тайга... Саяны высят снеговые сверкающие хребты над увалами или укутываются сизыми тучами, и кажется, отгородилось село Ермаковское непроходимой стеной от всего белого света». Именно таким — страшным, глухим, неприветливым знал его Ванеев. А мечтал о другом: «Вижу другое село Ермаковское. Там большой яблоневый сад. Зацветет, будто на несколько верст разлилось белое море. Пчелиный хор гудит...»

Сбылась мечта революционера. Теперь здесь «другое село Ермаковское» — веселое, зеленое, светлое. В нем колхоз имени А. А. Ванеева, лесхоз, деревообделочный комбинат, передвижная механизированная колонна по устройству мемориальной зоны, школы, *библиотеки*. Раньше на весь район был один врач — Арканов. Теперь только в селе — прекрасная больница на 125 мест, около семидесяти человек медицинского персонала. Церковноприходская школа с одним учителем сменилась четырьмя школами, в которых работает около 100 учителей. А *вокруг села* — *огромный* яблоневый сад, тот, о котором мечтал умирающий Ванеев.

А *главное* — *изменились люди*. Мы много говорим о росте культурного уровня населения, подчас не видя за *этими словами самой* действительности. А действительность замечательнее всяких слов. Я видела сегодняшних *наследников* тех, кто окружал Ленина, Ванеева, Кржижановского, я прочла им главы из своей книги, много говорила с молодежью.

Молоденькая библиотекарша читала мне свои стихи — пусть не очень профессиональные, но горячие, идущие от сердца строки. Я никогда не забуду этой встречи — искренней, доброй, радостной. Я никогда не забуду поездки в село Ермаковское, где провел последние дни своей жизни замечательный человек — Анатолий Александрович Ванеев, о котором я непременно напишу книгу. Она — в моих самых ближайших планах.

Первое интервью на земле Сибири дает Юлия Друнина

Татарский поэт Заки Нури читает свои стихи строителям Саяно-Шушенской ГЭС

«Наша задача — сохранить Шушенское таким, каким его знал Ленин», — говорит писателям руководитель группы создания мемориальной зоны Б. Гнедовский. Фото Г. ЧЕВАКОВА

Даниил ГРАНИН

ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД...

ЖИЗНЬ чревата парадоксами — так, одно из самых ярких моих впечатлений о Сибири связано с промышленностью, хотя я приехал сюда из крупнейшего индустриального центра и достаточно избалован на сей счет. Это камвольный комбинат в Черногорске — новое, современно оборудованное предприятие, громадные светлые цеха с микроклиматом. Работают здесь несколько тысяч девушек, приехавших со всех концов страны. Откровенно говоря, это красивое производство с яркими многоцветными потоками шерсти, со стройными рядами станков оказалось неожиданностью для всех нас. К тому же вспоминалось, что раньше здесь обитали только шахтеры, — не об этом ли говорит и название города?

Понравился мне и Минусинск, сохранивший городскую архитектурную среду тех времен, когда здесь бывал Ильич. Однако в нашей поездке трудно было даже мысленно заниматься реставрацией прошлого — со слишком разными ощущениями ехали сюда в ссылку революционеры-ленинцы и мы, жители города, носящего имя Ленина. Если возможно понятие «эпоха» перенести из области истории в сферу человеческих чувств, то нас разделяло несколько эпох...

Совершенно потрясают масштабы строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Мы были в месте створа будущей плотины. Эта махина высотою более двухсот метров почти сомкнет вершины двух противостоящих гор.

Да, сибиряки — народ редкостной внутренней силы и неукротимости духа. Они это еще раз подтвердили весною нынешнего года, усмиряя разбушевавшиеся в половодье реки, восстанавливая все, что было разрушено стихией.

Нас, литераторов разных республик, взволновал глубокий интерес к литературе, который мы постоянно ощущали на нашем пути. Здесь не избалованы встречами с писателями, поэтому с каким-то особым нетерпением и жадностью читатели искали возможность поговорить с нами, поделиться своими впечатлениями. При этом не раз приходилось удивляться отличному знанию современной литературы, точному восприятию стихов и прозы. Я уже не говорю о самом трогательном широком гостеприимстве в каждом городе, на каждой встрече.

Нам довелось побывать в крае замечательной традиции, идущей, вероятно, еще от декабристов. Я говорю о революционерах, которые и в ссылке оставались самими собою, читали, мыслили, боролись. Физически загнав их сюда, в медвежий угол, самодержавие не в силах было отправить их в нравственную ссылку, остановить их внутренний рост. На примере Ильича это особенно наглядно видно. Хотелось бы, чтобы эта преемственность была должным образом отражена в экспозициях музеев, чтобы о ней почаще задумывались историки края.

Декабристы, крестьянские волнения — каждое событие в истории России откладывалось слоем в этих местах. Здесь можно проследить как бы «геологический срез» русской революции, ее шаги. И если уж я заговорил о музейных экспозициях, то, вероятно, было бы интересно увидеть в них не только печальное повествование о каторге и ссылке, но и то, какое влияние оказало на духовную жизнь края присутствие здесь лучших сынов России, как оно изменяло этот край.

Сейчас еще трудно предугадать, как творчески отразится увиденное и почувствованное нами в местах ленинской ссылки, но можно с уверенностью сказать, что поездка всех нас обогатила чрезвычайно.

Евдокия ЛОСЬ

Мне хорошо у Ленина в гостях...

Мне хорошо у Ленина в гостях...
Благодарю за край гостеприимный,
за шум берез на горке Журавлиной,
за ласковую Шушу в камышах.

Тут горяча рассветная пора,
ее огнем опалены поляны,
и выше тут встает, чем все Монбланы,
в степи притихшей Думная гора.

Я думаю под этою горой...
Всю жизнь стремилась преданно сюда я
оттуда, где весною, зацветая,
леса сияют этой же зарей.

Я шла сюда за силою, как встарь
ходили, может быть, в места святые.
Теперь мне легче будет брать крутые
вершины из вершин в любую хмарь.

Мне хорошо у Ленина в гостях!..

ШУШЕНСКОЕ

Перевела с белорусского Ирина ОЗЕРОВА

4

Дмитро ПАВЛЫЧКО

С ПОЛИЧНЫМ

ОТВЕТ НАЦИОНАЛИСТУ ИЗ СИ-БИ-СИ

Не так давно в украинской националистической эмигрантской печати появилось провокационное обращение к украинским советским писателям, подписанное неким Романом Рахманным, работающим в канадской радиотелевизионной корпорации Си-би-си и известным своим ярым антисоветизмом.

С гневной отповедью провокатору выступил украинский поэт Дмитро Павлычко в статье «Фальшивые ценности», опубликованной в республиканской газете «Літературна Україна» 1 августа.

Ниже печатается сокращенный перевод статьи Д. Павлычко.

ГОСПОДИН Рахманный! Ваше «Открытое письмо к украинским литераторам УССР, которые стремятся сохранить «соборы своих душ», случайно попало ко мне. И я решил написать вам в ответ несколько слов. Откровенно говоря, не вам лично хочется отвечать, а, пользуясь случаем, высказать свой взгляд на затронутые вами вопросы с одной целью — пусть те украинские эмигранты, которые читают вас и, возможно, разделяют ваши мысли, узнают, что думает обо всем этом один из тех, к кому вы так упорно апеллируете.

Я принадлежу к тем, кому понравился роман Олеся Гончара «Собор», и целиком разделяю пропагандирующий его пафос защиты и возвеличивания духовного начала в человеке. Но в «соборе моей души» нет и не будет места для вас — торгаша националистическими наркотиками. Вам импонирует слово «собор», с которым вы ассоциируете торжища фальшивыми национальными ценностями, что выгодно для вашей профессии политического спекулянта: мне же за словом «собор» видится памятник творческому гению народа — высокое искусство прошлого, которое в истинной душе живет рядом и перекликается с высшими творческими достижениями современности.

Коварство ваше бросается в глаза с первых же слов «Письма», и, как человек лицемерный, вы, конечно, не заслуживаете ответа не то что коллективного писательского, но даже единоличного, в данном случае моего. Вы говорите надменным тоном, подчеркиваете свою исключительность в любви к Украине и демагогией, приукрашенной где собственными, а где заимствованными метафорами, хотите навязать читателю не размышления над тем, что вы пишете, а покорность тому, что вами сказано. «Над моей колыбелью, — начинаете вы свою автобиографию, — зловеще поблескивал штык польского всадника, и этот блеск осветил в моем подсознании весь ужас будущего рабства».

«Дни нашей молодости, — патетически исповедуетесь вы далее, — проходили в тени виселиц...» К чему такие ужасы, г-н Рахманный? Полагаю, что у вас нет намерения так расширить рамки своей молодости, чтобы в нее вошли те времена, когда в западноукраинских селах свирепствовали душегубы из СБ [1], казня и вешая заподозренных в симпатиях к Советской власти. Да, во времена «санационной» Польши, когда весьма беззаботно протекала ваша юность, была «пацификация» [2]. Была Береза Картузская [3]. Были тюрьмы, судилища и даже казни. Но ведь все это предназначалось для коммунистов.

Далее вы о себе рассказываете так: «В зрелый возраст вступил я под грохот великого похода на путь, который «значился на карте как путь походов вековых» (М. Бажан)». Как пышно пишется вам, г-н Рахманный! Кстати, снова цитата из украинской советской литературы и снова такое же стремление извратить творчество писателя, вызвать в примитивных головах сомнения относительно его идейного кредо...

Но возвратимся к вашему знаменитому «житию». К сожалению, вы его обрываете «грохотом великого похода», оставляя доверчивого читателя в догадках относительно дальнейшей вашей судьбы.

Мне, однако, захотелось узнать правду. И я узнал ее. В обозе гитлеровских войск вы, милостивый государь, дотащились до Харькова и помогали там захватчикам создавать разные оккупационные институции, частенько публикуя свои писания во славу «непобедимого немецкого оружия» в профашистской газете «Нова Україна». Правда, тогда вы еще назывались Григорием Олийником, но у вас уже были все основания прятаться под псевдонимом. Вы, очевидно, чувствовали, что дело, за которое вы боролись вместе с фашистами, наталкивается на непреодолимое сопротивление народа и что оно может победить лишь на рахманский великдень [4]. Не воспоминание ли о деятельности в Харькове под крылышком фашистского орла сменило героический пафос вашего «Письма» на этакий совестливо-искупительный тон: «Мне все равно, узнает ли кто-нибудь из ваших дорогих земляков на Украине когда-либо об этих наших искренних, но в исторической перспективе незначительных и скромных усилиях, предпринятых с целью отстоять завоеванные права украинского народа, защитить достойное имя суверенного украинского государства и передать его незапятнанное знамя нашим потомкам на чужбине».

Хорошо, что хоть не нам жертвуете свое «незапятнанное знамя», а оставляете его на чужбине. Пусть господь бог защитит и наших «потомков на чужбине» от чистоты вашего знамени!

Ваше знамя, г-н Рахманный, изгажено грязью сотрудничества с немецкими оккупантами, измазано волчьей желчью жестокости бандеровских убийц, за действия которых несет ответственность руководство ОУН [5], к которому вы принадлежали.

«Как всем украинским патриотам за рубежом, так и мне...», «у меня да, пожалуй, у многих других патриотов на чужбине...», «ни мне и никому из украинских патриотов...» — снова и снова афишируете вы свой грандиозный патриотизм, даже не подозревая, сколь кощунственно это звучит. Не только исходя из того, что было сказано о вас выше, а просто потому, что вы живете слишком далеко (в прямом и переносном смысле) от своего народа, не стоило бы так похваляться да еще и вести беседу таким образом, чтобы из нее вытекало, будто подлинные «патриоты» — вы и ваши сообщники, а здесь живут одни, как вы говорите, «колониальные рабы». Ваш патриотизм фарисейский уже хотя бы потому, что вы то и дело кичитесь, забывая элементарную библейскую заповедь — не вспоминай всуе имя бога своего. В устах Украины я слышу сегодня знаменитые слова Ивана Франко:

...Я, сын мой,
лучше знаю
всех патриотов этих стаю,
цену ее любовных фраз!

Право, г-н Рахманный, вы — «большой» человек, если полагаете, что являетесь патриотом, да еще и таким, который может высказывать «задушевные убеждения многих патриотов на чужбине». Знаем мы этих «патриотов на чужбине». Само собой разумеется, я говорю не обо всей украинской эмиграции, а о ее небольшой части, о «патриотах по призванию».

Намного больше за границей украинцев, которые не сделали из патриотизма профессии и занимаются обыкновенными человеческими делами. Некоторые достигли совершенства в своей работе и прославили свое украинское имя. Это на их средства, а не на деньги «патриотов» был сооружен памятник Тарасу Шевченко в Вашингтоне. Бесстыдное шаманство «патриотов» вокруг этого памятника не в состоянии изменить дух кобзаревой поэзии, каждодневно оживающий в делах и помыслах сегодняшней Украины. Об этом знают истинные сыны нашего народа за рубежом — рабочие и интеллигенты, все те, кто уже не раз имел возможность разочаровываться в политической «дальновидности» вождей украинского национализма. «Патриоты»-профессионалы, однако, не дают им покоя, за малейшее проявление просоветских настроений запугивают отлучением от «украинского сообщества». Они нагло берут на себя полномочия формировать и определять политику «украинского сообщества», в основе которой была и есть ненависть к Советской Украине.

Ваше «Письмо», г-н Рахманный, и является доказательством того, что украинский национализм ни на шаг не сдвинулся с давнишних позиций слепой злобы к Советской Украине, что утверждения об «эволюции идеологических начал» националистической эмиграции с учетом «реальных обстоятельств» — это не что иное, как тактические хитрости врага, миф, пустая болтовня.

Сначала вы утверждаете, что вам «в самом деле все равно, какой общественно-экономический строй должен был бы существовать на Украине и как его называть: советский, социалистический, коммунистический, прогрессивный или система свободных предприятий. Все это — теоретические прилагательные. Украинцы, жители Украины, сами должны решить вопрос, как им жить и с каким строем организовывать свою жизнь». А ведь они решили, г-н Рахманный, решили и будут решать, как им жить. То, что для вас является «теоретическими прилагательными», для них и для меня имеет значение существительного и глагола жизни. Мне вовсе не безразлично, какое общественно-экономическое устройство будет иметь Украина в будущем. Я искренне хочу, чтобы этот строй был коммунистическим. Я хочу этого, потому что «система свободных предприятий», точнее говоря — капиталистическая система для нашего народа знаменовала бы возвращение назад — в рабство к своим и чужим эксплуататорам.

Я хочу коммунистической Украины, потому что это отвечает желанию самого народа. Вы же сами пишете, что «перед народным решением должен отступить отдельный человек, должен признать его как существующий факт».

Я не только преклоняюсь перед «народным решением», но я сознаю, что это решение правильное, и это сознание воодушевляет меня, делая волю народа и моей волей. Вы же по-прежнему лицемерите, говоря о каких-то «теоретических прилагательных».

Если же вы говорите правду, то зачем тогда вмешиваетесь в нашу жизнь? Зачем клевещете на тот строй, который мы избрали, с которым срослись душой, поскольку он дозволил нашему народу вырваться из тисков материальной нищеты и создать свою государственность, причем впервые в истории на всех вековечных украинских землях!

Нам понятна, г-н Рахманный, ваша ненависть к УССР, как к государству, возникшему по воле народа. Лицемерно клянясь в любви к народу и в готовности подчиняться его решениям, вы на самом деле не любите народ. С украинским народом у вас связывается только яростное недовольство тем, что он, народ, поступил и поступает не так, как вам бы хотелось. Выискивая оправдания своей ненависти, вы осмеливаетесь (к этому понуждает вас логика отщепенца) говорить с ненавистью и о своем народе, который для вас «есть лишь раб у чужеземцев русских».

Вы, например, утверждаете, что это русские с колониальным умыслом завели на Украине паспортную систему, как будто в самой России нет паспортов. Далее вы твердите совершенно бездоказательно, что «москаль получает более выгодное помещение для жилья в украинском городе». Ей-ей, смешно даже думать, что квартиры у нас получают по национальной принадлежности.

Договорились вы до того, что совершенно серьезно утверждаете, будто «русские заставляют наших братьев-украинцев массово и каждодневно славить расовое, культурное, экономическое, политическое, военное и даже церковно-религиозное превосходство якобы братского русского народа». Врезалось вам в память это «расовое превосходство», о котором пели вы в свое время в Харькове чистокровным блондинам из Баварии, и вы хотите навязать нам свой застарелый образ мышления.

Пусть выдумка о принудительном восхвалении русских остается на вашей совести, г-н Рахманный. Но куда же вам податься с брехней о «якобы братском русском народе»?

Я не требую от вас любви к русским. Кто не любит свой народ, не будет любить и другого. Но вы должны были бы проявить хотя бы столечко здравого смысла, чтобы не отрицать истин, известных по школьным учебникам. Пожелай вы продвинуться немного дальше, то увидели бы в России не одних царей и «великодержавников», но и великий народ, дружба с которым, основанная на ленинских принципах равноправия, для украинского народа была и будет живительным источником удвоения силы. Она базируется на общих идеалах, мечтах, социалистических интересах русского, украинского и других советских народов. Она испытана и закалена в огне войны с немецким фашизмом, который на ваших глазах и с вашей «скромной помощью» сеял смерть и разруху на нашей земле. Эта дружба и на грядущие времена будет гарантией свободы и целостности украинского советского государства. Мы ведь знаем, что орудия западногерманских реваншистов, упорно желающих передвинуть границы в Европе, нацелены прежде всего в сердце Украины. Разодрать ее на части и раздарить своим верным лакеям в награду за приобретение заодерских земель — вот о чем мечтают боннские правители. Но этого не будет, г-н Рахманный, пока за плечами Украины стоит могучий Советский Союз, все наши сроднившиеся народы и, разумеется, на первом плане — могучий народ России.

В конце своего письма, забывая, очевидно, что назвали нас «рабами», вы пишете: «Никому из нас здесь не безразлично, что думает о нас здоровое украинское общество на Украине». Теперь, надеюсь, знаете, что думают о вас. Можете, как водится, объявить мои мысли о вас «московской пропагандой», а мое имя еще раз предать анафеме. Это меня не волнует.

---

1 СБ — служба безопасности — специальные отряды националистических карателей.

2 «Пацификация» — подавление революционного движения в буржуазно-помещичьей Польше с помощью карательных отрядов. (Прим. ред.).

3 Береза Картузская — город в Западной Белоруссии, где в 1933—1939 гг. находился концентрационный лагерь для политических заключенных. (Прим. ред.).

4 «На рахманський великдень» — распространенное в Галиции выражение, означающее «никогда».

5 ОУН — Организация украинских националистов. (Прим. ред.).

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Букова Б. Н. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Букова Емилиана Нестеровича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.
МОСКВА, Кремль.

■

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Б. Антоненко-Давидовичу — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится: «Дорогой Борис Дмитриевич! Секретариат правления Союза писателей СССР горячо поздравляет Вас с 70-летием со дня рождения.

Почти за пятьдесят лет творческой деятельности Вы создали целый ряд талантливых книг очерков, рассказов, повестей, воспевающих героический труд рабочих и колхозников Советской Украины. Плодотворно работаете Вы также в области художественного перевода и критики.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья и новых творческих успехов на благо родной советской литературы».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим пожеланиям.

■

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Уважаемый товарищ редактор!

Сердечно благодарю всех товарищей, приславших мне дружеские поздравления с шестидесятилетием и награждением орденом Трудового Красного Знамени.

Александр КРОН

■

Всех, поздравивших меня с днем 70-летия, прошу принять сердечные выражения моей глубокой признательности.

Николай УШАКОВ

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации художника Б. Шляпушкина к книге Б. Байрамова «Клад». Издательство «Советский писатель».

НА ПОЛЯХ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕДВЗЯТОСТИ

ЗДРАВЫЙ рассудок — излишен ли он, когда речь идет о толковании художественного произведения?

Странный вопрос.

И, однако, он возникает при чтении статьи критика В. Сурвилло, опубликованной в шестом номере «Нового мира».

Рассуждая о повести С. Залыгина «На Иртыше» и о герое повести Степане Чаузове, о его терзаниях и злоключениях, критик сначала пишет следующее: «Здравый рассудок расценит это так: личные чувства вступают в борьбу с классовыми». Здесь В. Сурвилло вроде бы еще готов быть снисходительным к здравому рассудку: ведь, кажется, он, рассудок, довольно-таки верно расценивает борение чувств в душе Чаузова? Но тут же критик начинает, попросту говоря, играть в поддавки, приписывая «здравому рассудку» бог знает какие плоские толкования ситуаций повести С. Залыгина. Несколько легких ходов — и партия приходит к финалу: «Это тот здравый рассудок, который требует определенности смысла от отдельного слова и с трудом мирится с превращениями этого смысла в высказывании. Это тот здравый рассудок, который судит об одной странице произведения перед или после другой отдельно, но не может сладить с двумя вместе, а если их сто, вовсе запутывается».

Бедный «здравый рассудок», как третирует его В. Сурвилло! Критик даже пытается опереться на авторитет Ф. Энгельса, поминая его слова о таком здравом смысле, который является почтенным спутником в четырех стенах домашнего обихода, но переживает самые удивительные приключения, когда отваживается выйти на широкий простор исследования...

Энгельс, как это понимает каждый, иронизировал над здравым смыслом филистера.

В. Сурвилло же — это тоже достаточно, очевидно — иронизирует над таким здравым смыслом, который явно не заслуживает иронического к себе отношения. Ну ладно, В. Сурвилло привел разного рода «допуски» догматического свойства, лабы скомпрометировать «здравый рассудок». Но ведь он привел, как мы уже говорили, и вполне основательный довод, также исходящий от этого «здравого рассудка», — фразу о том, что в душе Чаузова личные чувства вступают в борьбу с классовыми. Ну, а над чем, спрашивается, здесь иронизировать?

В. Сурвилло рассуждает о повести С. Залыгина с точки зрения «чистой эстетики», оторванной от жизни. На определенном этапе рассуждений он приходит к выводу, что «приспела пора» «эстетическому восприятию свести счеты с тем здравым рассудком, который все время чинил ему помехи». Неясно, относится ли это к внутреннему состоянию самого автора статьи, к его анализу повести «На Иртыше», или же имеется в виду нечто более широкое. Ясно, пожалуй, лишь то, что Ф. Энгельс и принципы марксистско-ленинской эстетики не имеют к категорической формуле критика решительно никакого отношения.

Статья В. Сурвилло, названная «Звенит труба Мещерякова», вся посвящена С. Залыгину. В ней есть ряд дельных соображений о творчестве писателя, произведения которого вызывают широкий интерес. Однако есть в ней и явно ошибочные суждения, на которые нельзя не возразить. Они возникают там, где автор стремится встать над жизненной реальностью и над реальностью произведений писателя, стремится ввести творчество С. Залыгина в русло субъективистских, заданных представлений.

Очень не хочется В. Сурвилло, фактически утверждающему примат эстетического восприятия над «здравым рассудком», признавать права за классовой, социальной определенностью персонажей художественных произведений. «Классовые чувства, классовый подход Чаузовым отвергаются напрочь, — пишет В. Сурвилло. — Однако особенность повести состоит в том, что читается она от первой до последней страницы с большим и все нарастающим чувством симпатии к Чаузову».

Но что, собственно, доказал этим противопоставлением В. Сурвилло? Разве не сочувствуем мы Григорию Мелехову, тоже, как известно, «отвергавшему» классовый подход, разве не терзаемся за его судьбу? Но значит ли это, что мы не должны учитывать классовой природы образа Мелехова и в отношении к нему отбросить, так сказать, соображения «здравого рассудка»? Разумеется, нет. Трагический путь Мелехова взывает не только к нашему чувству, но и к нашему рассудку.

С. Залыгин в повести «На Иртыше» не во всем достаточно четко выявил объективный классовый смысл действий своих героев, на что в свое время обращала внимание критика.

Ну, конечно же, это с критикой спорит сегодня В. Сурвилло, прибегая к камуфляжным пассажам о «здравом рассудке». Полемизировать конкретно — дело хлопотное. Автор «Нового мира», судя по всему, захотел ответить тем, чьи взгляды он не разделяет, суммарно, оглупляя по ходу дела неназванных оппонентов.

Асоциальный, не соотнесенный с жизнью анализ созданных писателем характеров дает себя знать и в том, как пишет В. Сурвилло об известном романе С. Залыгина «Соленая Падь». В. Сурвилло не скупится на похвалы С. Залыгину. Вместе с тем он явно обедняет смысл романа, приглушая его социально-общественное содержание.

В прошлом году С. Залыгин говорил в беседе с корреспондентом «Литературной газеты»: «Меня удивило, что один критик, говоря о «Соленой Пади», высказал мысль, что партизаны искали в войне «себя», свои личности, подобно тому, как искал себя под пулями французов Пьер Безухов. Это наивно. Неверно также представлять дело так, будто главное в романе — борьба Брусенкова с Мещеряковым».

В. Сурвилло приводит это высказывание С. Залыгина. Приводит для того, чтобы с ним не согласиться. «Не всегда можно полагаться на суждение автора о своей работе. Это как раз такой случай», — категорически заявляет критик.

Какие основания у В. Сурвилло для такого заявления? Да никаких. Просто высказывания писателя не соответствуют некоторым заданным построениям критика — вот он и подвергает их сомнению.

Ну, относительно отождествления исканий партизан с исканиями Пьера Безухова — тут еще В. Сурвилло готов не настаивать. Но неверно, говорит он, думать, что партизаны «себя, свои личности «не ищут»... С ними, с личностями, здесь происходят самые удивительные превращения».

Но странно: с чем тут спорит В. Сурвилло?

Да, конечно, партизаны, герои «Соленой Пади», претерпевали «самые удивительные превращения». Но они «искали себя» постольку, поскольку к этому понуждала их жизнь, участие в революционных преобразованиях, в борьбе за народные интересы. С. Залыгин изображает в романе процесс становления личности, обретающей себя в горниле классовых битв. Да, да, именно так — мы говорим эту самоочевидную истину, хотя и понимаем, что В. Сурвилло немедленно отнесет нас к адептам столь предосудительного в его глазах «здравого рассудка». Что поделаешь — приходится идти на это. Ради прояснения истины. Ради того, чтобы присоединиться к автору «Соленой Пади», выразившему в словах, на которые так не хочет «полагаться» В. Сурвилло, несомненно, важные свои соображения о романе.

Между прочим, о том, насколько важны эти соображения, говорит и характер добавлений и поправок, которые внес автор в текст романа, готовя его к отдельному изданию. Добавления и поправки эти имеют целью уточнение социальных мотивировок. Например, писателю было важно еще определеннее показать, как в партизанском вожде Мещерякове одерживают победу лучшие качества большевика, — и писатель убирает детали, которые могли бы помешать именно такому восприятию образа. Он счел необходимым усилить значение образа большевика Кондратьева, прояснить образ большевика Довгаля...

Что же касается утверждения В. Сурвилло о том, что главное в романе — борьба Брусенкова и Мещерякова, то и его несостоятельность становится особенно очевидной в свете дальнейшей работы писателя над текстом. Брусенкову с его властолюбием, жестокой прямолинейностью противостоит в романе не один только Мещеряков, ему противостоит весь дух борьбы, которую вели партизаны, противостоит правда большевистской партии. Подчеркнуть величие и неодолимость этой правды — из этого прежде всего и исходил автор.

Показательно: цитируя высказывание С. Залыгина из «Литературной газеты», В. Сурвилло опускает конец цитаты. Ибо вот что говорит здесь С. Залыгин, имея в виду неверные суждения о своем романе: «В таких «вольных» толкованиях — небрежение к материалу книги, а через него — к истории...».

В. Сурвилло как раз и проявил такое небрежение.

В статье В. Сурвилло стремление сказать добрые слова о писателе странным образом сочетается с предвзятым, схематическим рассмотрением сложных проблем, что ведет к принижению объективного смысла и значения творчества С. Залыгина.

В шестом номере «Нового мира» напечатано и другое сочинение, характерное для критического раздела журнала. В печати не раз отмечалось, что зачастую критики «Нового мира» рецензируют книги в оскорбительном, издевательском тоне. На этот раз на страницах журнала такого рода «критике» подвергается книга статей Н. Далады «Весенний ветер» (изд-во «Московский рабочий»). В ней есть недостатки и просчеты, однако вместо того, чтобы трезво проанализировать эту книгу, посвященную произведениям писателей, активно вторгающихся в жизнь современной деревни, автор рецензии Ст. Рассадин избирает совершенно безответственный метод разговора: он, видите ли, не намерен всерьез говорить о работе профессионального критика, ибо считает это «преждевременным», его не устраивает «уровень книги».

Рассадин не утруждает себя аргументами. Более уместным, более подходящим ему представляется простое нанизывание действительно неудачных фраз и выражений из книги Н. Далады.

Впрочем, нанизывание это вовсе не простое: Рассадин не обходит своей иронией и писателей, к которым относятся столь тщательно собранные им цитаты. И вот невольно думаешь: а ведь дело здесь вовсе и не в «уровне». Дело в том, что Рассадин, выказывая свои явно групповые позиции, стремится во что бы то ни стало принизить значение работы писателей, которым посвящена книга Н. Далады.

Рассадин демонстрирует полное пренебрежение к творчеству этих писателей, плодотворно работающих в советской литературе. С легкостью необыкновенной путает он, например, книги А. Калинина и М. Алексеева — приписывает А. Калинину героев «Вишневого омута» Михаила и Фросю...

И статья В. Сурвилло — в ряде ее положений, и рецензия Ст. Рассадина — от первой до последней строки, порождены групповыми соображениями, далекими от подлинных интересов развития нашей литературы.

В. ГАВРИЛОВ

О ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ И ПОЭЗИИ ПЕРЕВОДА

Искусству художественного перевода принадлежит важная роль в литературной жизни страны: все шире становится взаимное общение литератур, укрепляются культурное сотрудничество и дружба между народами.

Советский Союз в течение многих лет занимает первое место в мире по изданию переводной литературы. Достижения советской школы художественного перевода получили международное признание.

Развитие переводческого дела немыслимо без взаимного обмена мнениями, без всестороннего анализа накопленного опыта. С этой целью Союз писателей СССР созывает осенью нынешнего года Третье всесоюзное совещание переводчиков.

В преддверии совещания «Литературная газета» обратилась к ряду советских поэтов с просьбой высказать свои мысли об искусстве перевода, поделиться своим опытом в этой области. Две анкеты — «Как нас переводят!» и «Как мы переводим!» — охватывают круг вопросов, связанных с переводом на русский язык инонациональной поэзии. Сегодня мы начинаем публикацию полученных редакцией ответов.

АНКЕТА «ЛГ»

«КАК МЫ ПЕРЕВОДИМ?»

1. Что вас влечет к переводческой деятельности?

2. Что в этой творческой работе представляется вам наиболее сложным?

3. Как вы «совмещаете» переводческий труд с собственным поэтическим творчеством и каково взаимовлияние этих «ипостасей»?

4. Ваше мнение о роли критики в анализе переводных произведений?

5. Как вы оцениваете общий уровень современного поэтического перевода? Какие из последних переводческих работ вам кажутся наиболее интересными?

АНКЕТА «ЛГ»

«КАК НАС ПЕРЕВОДЯТ?»

1. В чем общественная миссия советского поэта-переводчика и какую роль сыграли в вашей творческой жизни русские поэты, переводившие ваши стихи?

2. Какие качества у поэта-переводчика вы цените больше всего?

3. Ваше мнение о роли критики в анализе переводных произведений?

4. Кого из инонациональных поэтов вы узнали и полюбили через русские переводы?

5. Кому из поэтов вашей республики «повезло» и кому, наоборот, «не повезло» с переводами на русский?

Ярослав СМЕЛЯКОВ:

ОТВЕТСТВЕННАЯ И УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Занимаясь переводами из литератур народов СССР не постоянно, а лишь от случая к случаю, я не сразу отважился участвовать в анкете «Литературной газеты». Но сообразив, что в таком же положении по отношению к переводам находятся многие наши поэты и что у меня все же есть некоторый не только писательский, а и организаторский опыт, решил сделать заметки на поднятую тему, не претендуя на доскональность и непогрешимость и отвечая не на все вопросы анкеты.

В наши дни вряд ли нужно доказывать и разъяснять значительность художественного перевода. Сама атмосфера страны, соединившей одной судьбой пятнадцать республик и множество разноязычных народов, энергично стимулирует переводческую работу и как бы обязывает поэтов уделять ей хоть часть сил и времени.

Но в этой деятельности одними симпатиями и эмоциями не обойдешься. Тут мало даже одаренности — необходимы солидные знания, почерпнутые из чтения книг и активного знакомства с жизнью республик. Говорю об этом, увы, не из-за того, что кажусь себе осведомленным человеком, а только потому, что нередко вижу — по себе и по другим, — как недостаток и приблизительность знаний неумолимо сказываются на качестве перевода.

Даже если каждая строка оригинала тебе абсолютно ясна, для полной уверенности и свободы ты должен представлять, что стоит за пределами стихотворения, среди какой действительности появилось оно там, на родной земле, и какое место занимает в своей литературе.

Может быть, я ратую за недостижимое, призываю к отвлеченному идеалу? Ничуть. Несколько людей такого порядка мы знаем все. Можно назвать хотя бы Николая Тихонова, изучившего шоссейные дороги и тропки Кавказа, его горы, ущелья и долины не хуже местных жителей, основательно разбирающегося и в истории народов этого края, и в их литературах.

Мне как-то случилось быть в Союзе писателей на организационном заседании по литературе Северной Осетии. Кто-то неуверенно выразил желание поехать туда ради ознакомления и наблюдений. Тихонов поднялся со стула и в получасовом монологе, увлекаясь воспоминаниями, разработал сказочный и дьявольски тяжелый маршрут предполагаемого пешего — а как же иначе? — путешествия. Назывались места, связанные с теми или иными событиями истории, приводились имена, вспоминались даты, излагались легенды, да так влюбленно, с таким азартом, что не только мы, москвичи, а и осетинские писатели слушали его, не скрипя стульями, не кашляя, не прикуривая, а только понимающе переглядываясь.

Так что молодым есть с кого брать пример. Не всякому дано стать вровень со старыми мастерами, но было бы неплохо каждому, берущемуся за переводы, почаще оглядываться на этих людей.

* * *

Приходилось и мне переводить без достаточной подготовки, располагая лишь приблизительными сведениями, уповая на интуицию, но такая работа приносит больше тревог, чем радостей. А бывало и так, что я попадал в условия, близкие к идеальным.

Несколько лет назад я прилетел в Казахстан, где и поселился надолго, много читал, ездил, ходил. Перед тем как начать перевод поэмы Джубана Мулдагалиева «Малый Туксиб», познакомился с автором, постоянно общался с ним. Выбирались мы и на детскую железную дорогу, проложенную в алма-атинском парке, ту самую, о которой повествовалось в поэме, конечно же, влезали в небольшой вагончик и ездили среди героев поэмы: деловитых ребятишек, отрешенных юных влюбленных и молчащих стариков.

Я вспоминаю об этом не как о примере исключительном, а вроде бы как о необходимом техминимуме, пройденном в благоприятной обстановке.

* * *

Заманчиво, но безнадежно стремиться к педантичному воспроизведению оригинала на ином языке. Всегда приходится жертвовать чем-то ради другого, более важного. Если переводчик пытается обязательно сохранить и дух, и букву подлинника, это неизменно приводит к торжеству буквы и ослаблению духа, к утере естественности. К оригиналу нужно относиться уважительно, но не подобострастно.

Но у нас еще не совсем вывелся и третий подход к оригиналу — пренебрежительный. Когда его носителем является окололитературный делец, постаревший Никифор Ляпис перевода, это не так уж страшно. Гораздо горше и опаснее, что подобные взгляды усваиваются людьми неискушенными, молодыми. Они, сперва от неопытности и наивности, а потом по привычке, переводят все, что попадется, и как попало, втискивая в текст свои завалявшиеся без дела сравнения, опускают или искажают ненравящиеся, или непонятые, или не сразу дающиеся места. И еще полагают, что способствуют пропаганде и развитию национальных литератур, что так работают все.

А ведь переводить нередко бывает сложнее, чем писать собственные стихи. Из своего стихотворения ты волен вычеркнуть неудавшуюся строфу, заменить эпитет, переменить конструкцию, сократить начало, оборвать конец. А тут все это исключается. Нужно подчинять свои порывы дисциплине другого поэта, не навязывать ему своей интонации, не оснащать его своими соображениями и после всего этого еще нести двойную ответственность: и за автора, и за себя. Работа нелегкая, но благородная, нужная, приносящая не только заботы, но и радости, утомляющая, но и обогащающая тебя.

* * *

И при всем том чем крупнее и самостоятельнее поэт-переложитель, тем заметнее его особенности в переводах.

Как-то в редакцию «Дружбы народов» одна литературная дама принесла целую папку своих переводов. Уже по первым страницам я понял, что дело обстоит безнадежно, и, для виду листая рукопись все дальше, думал, как бы поделикатнее отказать. Как вдруг один из переводов с первой строки удивил меня своеобразной знакомой силой: конечно же, это делал один из крупнейших поэтов — его словарь, его стиль, его глубокое дыхание. Наверно, что-то подобное испытал бы Ираклий Андроников, когда он в безвестном городке, перелистывая альбом чьей-то прабабки, вдруг увидел бы неизвестное стихотворение Лермонтова, переписанное случайной рукою.

Тут и не пахло нарушением закона. Большой поэт просто подарил хорошей знакомой свой перевод, хотел по-дружески помочь ей. Но бескорыстная мистификация не удалась по двум обстоятельствам: слабости переводчицы и силы переводчика, хотя она и стремилась подняться до его уровня, а он пытался замаскироваться под нее.

Я вспомнил этот случай не для забавы, а в ответ тем товарищам, которые полагают, что поэт, берясь за переводы, может для пользы дела стушеваться, исчезнуть. Это не то чтобы привлекательно или непривлекательно, а попросту невозможно.

Как же быть? Думаю, что выход все же есть: переводить только близких по темам, по сути, по эстетике авторов-сподвижников.

* * *

В преддверии каждого сильного стихотворения стоит сильное движение души поэта, вызванное событием или случаем самой жизни. Такое внутреннее озарение не всегда удается воплотить в стихи, оно может и не найти достойную его форму, потерять обаяние, умещаясь на бумажном листе. Бывает и так. Но никогда не бывало, чтобы живое стихотворение возникло из равнодушного наблюдения или ленивой мысли.

Думается, что подобное положение с некоторой поправкой существует и в переводческой практике. Если оригинал, его идея, его материал не захватывают тебя, не увлекают — не ожидай подлинной удачи.

Может быть, эти слова покажутся излишне патетичными, не к месту высокими, но ведь мы не зря называем работу переводчика творческой и говорим об искусстве перевода. А в большом искусстве нельзя работать бестрепетной рукой.

Ираклий АБАШИДЗЕ:

СВОИМ— НЕ ОТРАЖЕННЫМ СВЕТОМ

1. Истинный поэт-переводчик похож, по-моему, на того гостеприимного хозяина, который радушно возьмет тебя за руку, приведет на устроенный в своем доме праздник и представит: «Знакомьтесь»...

Нужно ли говорить о том, что ни в одной стране мира переводческая работа не ведется в таком масштабе, как у нас. И очень радостно, что в ней активно участвуют настоящие, большие поэты. Взаимные переводы сегодня представляются нам столь обычным делом, что мы порой недооцениваем той большой — не только литературной, но и общественной — функции, которая возлагается на них в деле духовного сближения людей и народов. Сейчас нам кажется, что это само собой разумеется. Но ведь расцвет этого дела происходил буквально на глазах моего поколения. Организованный, систематический характер эта работа приняла начиная с 30-х годов, перед I съездом писателей Советского Союза. Тогда Горький сделал очень многое для того, чтобы лучшие произведения национальных литератур стали достоянием всех братских народов. В Грузию, например, в то время приезжали Н. Тихонов, Б. Пастернак и другие. Именно с их переводов, по существу, и начался выход грузинской литературы не только к русскому читателю, но и к читателям всего мира.

Это сыграло огромную роль в творческой судьбе многих грузинских поэтов. и в моей в частности. Именно тогда Борис Пастернак перевел первое мое стихотворение на русский язык.

2. Поэтические произведения переводятся на русский язык чаще всего при помощи подстрочника. Он напоминает населенный пункт после бомбежки. Его надо восстановить, возродить из руин. Но я не сторонник того, чтобы в процессе восстановления был создан какой-то новый город, иных, чем раньше, масштабов, иного облика. Он должен быть воссоздан — разумеется, если достоин этого — в том виде, как был.

Поэт-переводчик должен уподобиться хорошему актеру. Разумеется, он обязан следовать авторскому тексту, но не равнодушно и тем более не бездушно. Это должно быть подлинное перевоплощение или, если угодно, даже самовыражение. Настоящий поэт-переводчик не берется без разбору за все, что попадается под руку. Он переводит лишь тех, с кем ощущает духовное родство.

Есть поэты, которые ощущают такое родство с поэзией того или иного народа и переводят только ее. В этом случае поэт-переводчик целиком погружается в творческий мир оригинала, проникается им и переводит не только то, что выражено автором в строчках стихотворения, но и те трудноуловимые блестки, которые ощущаются между строками, но не выражены реально, но существуют в поэтической ткани произведения.

Говорят: сколько языков знаешь, столько раз ты человек. Нужно сказать: на скольких языках звучат твои стихи, столько раз ты поэт. И очень хочется, чтобы эти «разноязыкие поэты» были похожи друг на друга. Тут, пожалуй, не скажешь словами Маяковского: «...Больше поэтов хороших и разных». В этом деликатном процессе многое зависит от мастерства переводчика. Но многое зависит и от поэта, которого переводят. Хорошо, когда он сам проверяет качество перевода, его точность, степень соответствия оригиналу.

3. Считаю само собой разумеющимся, что критик, который рассматривает или анализирует поэтический перевод, владеет обоими языками. Ему и судить, насколько верно, органично и мастерски овладел переводчик оригиналом, является ли перевод подлинным искусством или поделкой.

Неоценимую помощь может оказать критик переводчику в процессе работы, если у них будут личные контакты. Такие контакты могут оказаться даже более эффективными, чем сотрудничество поэта и переводчика. И еще одна обязанность критика при анализе переводного произведения: он должен выяснить, насколько органично перешло оно в стихию другого языка, насколько точно и тонко соблюден закон соответствия оригиналу.

4. 5. Мы благодарны нашим коллегам, русским поэтам, не только за то, что они воссоздали наши стихи на своем великом языке, языке коммуникативных связей всех народов нашей страны, но и за то, что они проложили нашим стихам дорогу в широкий мир. Переводы зарубежных поэтов на языки большинства народов нашей страны — дело сравнительно новое, завоевание нашей эпохи. Хотя в Грузии еще в XIX веке был великолепный Шекспир в переводах Мачабели, но, по существу, этим все ограничивалось. Поэтому в сознании моем и всего моего поколения мировая поэзия — это фактически заслуга русских переводов.

Каким же поэтам «повезло» и каким «не повезло» в переводах на русский, могу судить лишь по переводам с грузинского. К тому же считаю не совсем удобным говорить о «невезучих». Перевод похож на открытие. Если не сегодня, так завтра каждый поэт сможет встретить родственного по духу в поэзии собрата и сразу же зазвучать в полный голос. Что касается моих стихов, думаю, что мне больше всего «повезло» в переводах Н. Тихонова, А. Межирова, А. Тарковского и молодого Ю. Рященцева. Пользуясь случаем, хочу выразить им мою глубокую благодарность.

Нет, поистине перевод не должен походить на луну: ему светить своим собственным, а не отраженным светом. Только тогда это истинное искусство.

Ст. КУНЯЕВ:

СОХРАНЯЯ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДУХ

1. В основе переводческого дела в России лежит традиционный интерес русского человека к другим культурам. Как писал Блок, «...нам внятно все: и острый галльский смысл и сумрачный германский гений...». С течением времени смысл и характер переводческой работы изменялись. Говоря спортивным языком, из любительского статуса (переводы Пушкина, Лермонтова, Фета) этот вид творчества переродился в статус профессиональный. Если еще Есенин и Маяковский ни в коей мере не интересовались проблемами перевода, то сегодня уже нет ни одного значительного русского поэта, творчество которого не было бы связано с переводческой музой. Словом, в наше время в нашей многонациональной державе роль переводной поэзии трудно переоценить.

2. Наиболее сложным и ответственным в переводческом деле мне кажется сохранение национального духа, которым живет оригинал. Всерьез меня интересуют только те поэты, которые сохранили этот дух — иногда критики упрощенно называют его колоритом.

Непосредственное общение с поэтом, знание каких-то важных черт его натуры — большое дело. Это знание помогает уловить в подстрочном переводе то, что иначе может ускользнуть или показаться второстепенным в хаотических развалинах подстрочника.

Недавно я переводил интереснейшую поэму Карло Каладзе «Учардиони», написанную в тридцатые годы. Если бы я не знал автора и не бывал в Грузии, то некоторые ключевые главы поэмы — описание трагического пира кулаков, тосты, полные горечи и красоты, картины быта и природы — не сумел бы перевести с той степенью точности и ответственности, с которой, как мне кажется, мне удалось сделать это на сей раз.

3. Писание собственных стихотворений и перевод чужих — разные, хотя и близкие дела. Первое — более нежное и случайное. Второе — более грубое, требующее опыта и знаний. Если первое можно сравнить со строительством воздушных замков из неведомого миру строительного материала, то второе — восстановление разрушенного здания.

Правда, можно возразить, что, мол, на родном языке это тоже было воздушным замком. Но, во-первых, это не всегда так, а во-вторых, когда делается подстрочный перевод, то воздушный замок вдруг превращается в груду реальных кирпичных обломков. Происходит таинство разрушения, аналогичное таинству созидания, только с противоположным результатом. И переводчику нужно восстановить из кирпичей общий вид былой постройки, существующей в воспоминаниях очевидцев. Но мыслимо ли совершить чудо? Поэтому если удачи в писании своих стихотворений — «нечаянная радость», то удача в деле переводческом — радость законномерная, предполагаемая, обусловленная существованием оригинала. А это значит, что переводчик должен быть мастером, в то время как быть мастером по строительству воздушных замков — по крайней мере странно.

4. Очень невысокое. Блистательных поэтов в наших республиках немало. Я не буду говорить об известных мастерах старшего поколения.

Хочу вспомнить менее знаменитых — и более молодых — Шота Нишнианидзе из Грузии, Альфонсаса Малдониса из Литвы, Дондока Улзытуева из Бурятии. Но разве наши критики написали что-либо серьезное о них? Правда, писать о переводной поэзии не просто. Ведь критик, если он не знает языка оригинала, пишет, допустим, не строго о Межелайтисе, а о стихах Межелайтиса в переводах, к примеру, Слуцкого или даже о переводах Слуцкого из Межелайтиса. В идеальном положении находятся критики из республик, отлично владеющие русским языком, имеющие возможность сравнивать: ну, хотя бы Г. Асатиани или Г. Маргвелашвили.

5. Не то чтобы уровень, а сам смысл поэтического перевода стал иным.

Переводная поэзия стала живым фактом литературы. Переводы громадных эпических полотен, таких, как «Джангар» или «Давид Сасунский», господствовавшие в тридцатые годы, сменились переводами из современных поэтов. Это прямое следствие расцвета и развития национальных литератур, которые индивидуализировались, оформились, обросли именами. Пафос, язык, дыхание переводной поэзии стали качественно иными. Связи и взаимовлияния русской поэзии и литератур инонациональных стали разветвленными, глубокими, нелегко поддающимися классификации.

Наиболее интересными из переводческих работ последнего времени я считаю переводы Межирова из Марцинкявичюса («Кровь и пепел») и И. Шкляревского из Шота Нишнианидзе («Черная ласточка»).

Кайсын КУАЕВ:

РАДУГУ ДОЛЖНЫ ВИДЕТЬ ВСЕ

1. Каждый народ имеет талантливых поэтов, на каждом языке созданы шедевры поэзии. Вспомним хотя бы калмыцкий эпос «Джангар», блестяще переведенный Семеном Липкиным, или песни безымянных певцов и изречения горцев Кавказа в превосходных переводах Наума Гребнева. Такие создания подобны радуге, которую должны видеть все. Благородное дело делают наши поэты-переводчики: они служат укреплению братства культур, отдавая этому свой талант, знания, энергию, сердце. Их работу невозможно переоценить. Без них мы не можем обойтись так же, как без мостов в ущельях.

Я пишу на языке одного из малочисленных народов Кавказа, получивших письменность только с приходом Советской власти. Тираж любой моей книги в оригинале не может превысить двух тысяч экземпляров. А в переводе на русский книги моих стихов и поэм издаются в пятьдесят и сто тысяч экземпляров. И если сегодня мои стихи знакомы довольно большому числу читателей страны, то в этом заслуга моих друзей-переводчиков. Вполне естественно, что я высоко чту их труд и навсегда благодарен им. Они работают над переводом моих вещей, движимые любовью к моей земле, к моему народу, ко мне.

2. Самым драгоценным качеством поэта-переводчика я считаю талант. Без него нет ничего. Особо хочется подчеркнуть, что поэт, который переводит своего иноязычного собрата, должен полюбить его. Любовь заставит его изучить культуру народа, с языка которого он переводит, понять особенности его поэзии, она поможет избежать мертвого буквализма и непозволительной отсебятины. Талант и любовь сделают свое дело. Им противно все мертворожденное.

А мертворожденных переводных стихов у нас, к сожалению, хватает. Мне кажется непростительной наша неразборчивость в отборе произведения для перевода. Незачем гнаться за количеством. Неплохо было бы помнить, что те или иные произведения, имеющие значение и право на существование в той или другой из национальных литератур, могут не иметь никакого значения в общесоюзной советской литературе. А потому нет смысла переводить их на русский язык, на котором создана величайшая в мире поэзия.

Пусть мои соображения не смущают никого. Иного отношения к поэзии, к творчеству мы не имеем права признавать. Кто потерял любовь и уважение к своему делу, тот лишился и возможности работать по-настоящему, стал дельцом. За последние годы на русский язык переводится слишком много плохих стихов. Это тревожит не только меня одного. Не нужно засорять язык Пушкина и Чехова. Я не хочу делать исключения и для себя. Если мои стихи не вызывают интереса со стороны читателей, не надо их переводить.

3. Нет сомнения в том, что критика может сыграть большую роль в анализе и оценке поэтических переводов. Самым большим изъяном в этом важном деле мне кажется то, что лучшие критики из республик, которые могли бы с полным знанием дела серьезно анализировать и оценить переводные книги, редко выступают в центральной прессе. В толстых журналах почти не встречается статей такого характера. В рецензиях на новые книги обычно мало говорится о переводах: в последнем или предпоследнем абзаце скажут два слова — и делу конец. Хорошо было бы, если бы рецензии почаще писали люди, знающие язык оригинала. Может быть, стоит ежегодно выпускать сборник серьезных статей, анализирующих переводы значительных явлений в поэзии всех республик.

4. Из иноязычных поэтов страны через русские переводы вошло в мою жизнь, сыграло роль в моей работе творчество двух великих кавказских лириков — грузина Николоза Бараташвили и армянина Аветика Исаакяна, а также могучего Важа Пшавелы. Первые два дороги мне силой своего пронзительного горького лиризма, третий — подлинным горским мужественным трагизмом, жизнестойкостью и слитностью с природой. За ними идут три выдающихся грузинских лирика — Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе, Симон Чиковани. Я также полюбил через русские переводы поэзию Расула Гамзатова, Аркадия Кулешова, Юстинаса Марцинкявичюса, Эдуардаса Межелайтиса. Кроме названных, нравятся мне многие поэты, перечислить которых нет возможности.

5. Считаю, что с переводом на русский язык повезло всем поэтам, которых я назвал выше. Все мы знаем, например, как блистательно перевели грузинских поэтов Пастернак, Тихонов, Заболоцкий, Тарковский, Межиров. Переводы Блока и Исаакяна я воспринимаю как шедевры. Куда беднее я был бы, если бы не знал всех этих замечательных мастеров поэзии. А на вопрос: кому не повезло? — мне трудно ответить. В число тех, кому повезло, я осмелюсь включить и себя, ибо я знаю себя лучше других. Мои скромные стихи и поэмы с любовью переводили или переводят Николай Тихонов, Семен Липкин, Наум Гребнев, Михаил Дудин, Наум Коржавин, Яков Козловский.

Этим мастерам должен быть благодарен не я один. Они заслужили благодарность многих наших поэтов.

Учитывая пристальное внимание литературной общественности к проблемам художественного перевода, редакция приглашает переводчиков, поэтов и читателей принять участие в этом насущном творческом разговоре.

ПРОЗА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННИКА

Виталий Василевский. «ВРЕМЕННИК». Рассказы. Повести. Очерки. Издательство «Советский писатель». М. 1969.

Только что вышла новая книга Виталия Василевского. Она озаглавлена «Временник». По толкованию Вл. Даля, слово это означает летопись, описанно минувших событий. Однако главной чертой почти всех рассказов и повестей, включенных писателем в эту книгу, является их современность, созвучность тем мыслям и чувствам, которые волнуют людей сегодня.

Октябрьская революция, свергнувшая господство капитализма в нашей стране и решительно уничтожившая социально-экономические условия порабощения человека человеком, помогла столь же радикальным способом изменить общественное сознание. Но это, конечно, вовсе не значит, что в сознании людей сегодня исчезли пережитки прошлого, я имею в виду мещанство с его характернейшими чертами — жестоким эгоизмом и раболепием.

Мещанство обладает паразитической способностью маскировки и приспособленчества. Случается даже, что оно выдает себя за новаторство, щеголяет подчеркнутой «левизной». Элементы мещанства в тех или иных формах встречаются и в условиях нашего социалистического общества. В противоборстве с ним происходит формирование психологии нового человека.

Я позволил себе эти, может быть, слишком общие рассуждения лишь потому, что борьба против мещанского отношения к жизни и становление нового человека являются главной темой новой книги Виталия Василевского.

Сильно и выразительно звучит эта тема в повести «Волков». Перипетии борьбы принципиального, прямодушного коммуниста Волкова с начальником сельхозуправления по должности и с омещанившимся бюрократом по духу Борисом Петровичем составляют сюжетную основу повести. Она вовсе не легка, эта борьба, потому что сам-то Борис Петрович убежден в своей силе и благонамеренности. Но на стороне Волкова правда жизни, правда новых общественных отношений, и она в конце концов побеждает.

Принципы новой морали, новый взгляд на жизнь и свое отношение к жизни утверждает и герой повести «Ювá — семья, гнездо, дом» Михаил Шатров, который находит в себе силы вырваться из тенет соблазнительно сладкой и сытой обывательщины и выбирает путь свободы и независимости.

Образы положительных героев, то есть людей, утверждающих новое, выписаны В. Василевским с большой достоверностью. Особенно это относится к героине рассказа «Устинья Ивановна».

Сельская акушерка Устинья Ивановна спасает от немцев раненого политрука Пахомова и провожает его в партизанский отряд. По натуре своей Устинья Ивановна отнюдь не иконописная праведница. Скорее—воительница лесковской силы и мощи. Но это и праведница по духу, та самая русская женщина, о которой писал Некрасов: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Но и не та, а одухотворенная и сильная силой советского образа жизни...

Кроме рассказов и повестей, в книгу «Временник» вошли путевые очерки о поездках писателя в страны Африки.

Раздумывая о смысле жизни, о счастье, один из персонажей повести «Волков» умозаключает: «Видимо, счастье состоит в непрерывных душевных усилиях, в том, чтобы с годами заставить себя не замедлять шаги, не жаловаться на усталость, не приспосабливаться то и дело, а ставить ногу еще крепче, увереннее, чем ранее, тверже и неутомимее взбираться на крутизну и зорче вглядываться в грядущее».

Прочитав книгу Виталия Василевского, убеждаешься, что и он писал свою «летопись современности», пытливо вглядываясь в грядущее.

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ

Эвалд Вилкс. «ДИКАРЬ». Рассказы. На латышском языке. Издательство «Лиесма». 1968.

Имя прозаика Эвалда Вилкса хорошо знакомо латышским читателям, хотя его не отнесешь к часто выступающим авторам. Писатель глубоконациональный и своеобразный, Вилкс в своих лучших произведениях ставит проблемы, актуальные для нашего современника, испытующе вглядывающегося в мир.

В своих рассказах Эвалд Вилкс прост, внимателен, наблюдателен. Ему в равной степени дороги острые ситуации, крупные события и локальные, «камерные» коллизии, если они позволяют ближе познакомиться с душевным миром человека, раскрыть его красоту.

В новом сборнике Эвалда Вилкса «Дикарь» объединены рассказы с различной, может быть, даже слишком различной тематикой — здесь и короткое, похожее на фельетон повествование о ночной встрече двух старых знакомых, и произведение, в центре которого большие категории, человеческое «быть или не быть». Но все рассказы пронизаны единым светлым лучом и глубоко органичной автору любовью к жизни, к трудовому человеку. Иногда Вилкс необыкновенно терпелив и щадит слабости своего героя, иногда он совершенно преображается, разоблачая и высмеивая внешне совсем как бы безобидного человека, о котором можно сказать: конечно, у него имеются недостатки, но кто же из нас святой! Эта твердость, принципиальность оценок, глубинное исследование психологии без поверхностного скольжения по внешним признакам — серьезное авторское завоевание.

Вот, например, рассказ «Дикарь». Казалось бы, локальная, даже бытовая ситуация. Человек вернулся домой и ожидает жену. Нечаянно через открытое окно он слышит разговор двух пожилых женщин об их давно минувшей молодости. Одна из собеседниц рассказывает о своем муже — настоящем дикаре, резком, нетерпимом, необходительном... И вдруг сквозь упреки, осуждение начинает звучать другой мотив — голос женщины постепенно окрашивается затаенным чувством и гордостью: этот «дикарь», вспыльчивый, трудный, горячо и преданно любил ее. «Если бы я начала жизнь сначала,— утверждает рассказчица,—я бы снова пошла за него».

Рассказ «Упрямец» переносит нас в суровые дни июня 1941 года. Горстка смельчаков защищает Лиепаю от наступающих гитлеровцев. И вновь читатель ощущает объемность повествования, как бы два крупных плана: легендарный подвиг оживает в волнующих рассказах очевидцев. Из уст в уста передается весть, что был среди этих смельчаков «упрямец», он не страшился опасности, перед ним у самой смерти опускались руки... Подвиг во имя Родины бессмертен и вечен, как бесконечна жизнь человеческая, — вот в чем философская идея рассказа.

И, наконец, рассказ «Двенадцать километров». Он самый большой в сборнике. Но не потому его трудно пересказать — пересказать трудно любое прозаическое произведение, ценность и смысл которого сводятся не к событийным коллизиям, а к серьезным проблемам. «Я отвечаю за все, что происходит в мире»,— так думает главный герой рассказа Зандс. Так думает автор, так должны думать мы.

Раздумья об ответственности человека и его гражданской цельности, подлинный гуманизм окрашивают страницы рассказов Вилкса. Его суровость, его прямота и бескомпромиссность служат самым светлым и высоким идеалам нашего общества.

Состоялась новая встреча с героями Эвалда Вилкса. Не удивительно, что многие из них кажутся нам давно знакомыми людьми. Ведь в каждом из них частица нашего «я».

Дагния ЗИГМОНТЕ

РИГА

ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

Леонид Ленч. «ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН». Повесть и рассказы. Издательство «Советский писатель». М. 1969.

В новой книге Леонида Ланча «Последний патрон» читатель не встретится с обычными для этого признанного мастера нашего юмористического цеха персонажами. И повесть «Черные погоны», и рассказы цикла «Последний патрон» написаны на материале суровом и драматичном. Время их действия — гражданская война. Их тема — разгром белого воинства на юге России.

Видимо, долгие годы залегал в душе и мыслях писателя, не давал ему покоя этот пласт глубоких и сильных жизненных впечатлений. И наконец выйдя наружу, он воплотился в художественных образах, которые столь отличны от привычной для Ленча юмористической стихии.

Это вовсе не значит, что писатель, так сказать, облачился в платье с чужого плеча. Он чувствует себя свободно и уверенно в историко-революционной теме. Герои нового его сборника зримы, достоверны, психологический анализ человеческой личности, как правило, тонок, он опирается на четкие классовые критерии.

Таков гимназист Игорь Ступин, герой повести «Черные погоны». Захваченный водоворотом бурных революционных событий на Кубани, он находит в себе силы, волю, мужество отринуть привычные с детства представления о жизни, взглянуть на происходящее глазами своего новообретенного наставника и спасителя коммуниста-подпольщика Ивана Егоровича.

Таков оказавшийся на трагическом распутье рядовой конного дроздовского полка Василий Трифонов (рассказ «Нижегородский драгун»). Слишком поздно он осознает, что не по пути ему с эвакуирующимися беляками, и расплачивается за это жизнью.

Таковы представители белого офицерства как в названных выше произведениях, так и в рассказах «Дуэль», «Лейтенант Безе», «Встреча в монастыре». Если в истории Игоря Ступина писатель рисует картину нравственного возрождения юноши, «подгребающего к рабочему берегу», сознательно приходящего в стан народной борьбы, то в этих образах Ленч ставит целью показать всю пропасть нравственного падения людей, ведомых идеалами ложными и призрачными. Писатель обнажает духовную опустошенность, цинизм, бесперспективность судеб всех этих дроздовцев, корниловцев, врангелевцев.

Очень хорошо, что Л. Ленч включил в этот сборник цикл рассказов «Церемониальный марш», герои которых — советские патриоты, освобождающие Родину от фашистской нечисти, помогающие другим народам. Красота их морального облика, ясность целей и побуждений еще определеннее подчеркивают, еще ярче оттеняют сквозную мысль книги — мысль о непобедимости идей и дел Октября.

Жаль только, что рассказы, завершающие этот интересный цикл, — о юных современных следопытах боевой славы («Отправные данные») и о приключении наших моряков в одном латиноамериканском порту («За океаном»), — написаны несколько облегченно, с нотками умилительности. Это не свойственно всему образному строю книги, отличающейся вниманием к внутреннему миру персонажей и мужественной простотой письма.

Н. ЛЕЙКИН

ПОЭЗИЯ

«АЛЕНУШКОЮ НА КУРГАНЕ ПАМЯТЬ...»

Дмитрий Ковалев. «ОЗИМЬ». Новые стихи. Издательство «Советский писатель». М. 1968.

В новой книге Дмитрия Ковалева «Озимь» утверждаются человек и человечность. Не вообще человек как некая абстрактность, собрание гуманных идеалистических добродетелей, а человек советский, сегодняшний, реальный. Человек, который воевал и спас мир от фашизма. Сам поэт прошел войну, и это его личная судьба написала строки:

В глазах —
тысячелетняя усталость,
А только-только
началась война.

Под стихотворением две даты — 1941—1967 гг. Прошлое и настоящее... Постоянная память о пережитой войне — одна из ключевых позиций отношения поэта к современности:

Я тоже сын отчизны,
как и ты,
сурова ли она но мне,
добра ли. —
я на нее смотрю
с той высоты,
которую в сорок четвертом брали.

Эхо войны звучит и в «мирных» стихах Ковалева. Как в крохотном зеркальце, нет-нет да и сверкнет в отдельной строке недавнее военное прошлое Родины:

...Аленушкою на кургане память.

Память — васнецовская Аленушка. Она сидит на камушке пригорюнясь. Есть отчего! Она не забыла, как горел в Отечественную войну прибитый к кресту матрос:

Двадцатый век.
Товарищ принял муки.
И это —
не легенда про Христа.

«Луг — в буденовках стогов», «посевы — на высотах ратных», «с войны в доброту заболел» — все это война, все это ее печальные и трагические озарения.

Много говорит поэт и о своих родных истоках, о деревне, о русской природе. Эта главная тема и начинает книгу «Озимь»:

На мой восьмой этаж
весною в полночь
приходит Сож под самое окно.

Сож — родная река поэта. Там земляки, там труженики полей, туда к ним летят строки поэта:

А как вам там пашется, сеется?
А как вам там ищется, строится?
А как вам живется, здоровится?

Разговор о земле доверителен и исповедален. Есть в нем и горькие строки — об отчужденности от родной земли. Поэт винит в этом не только других, но и себя: «И сам в тоже редкий гость на Соже...»

Книга Ковалева «Озимь» — и радостная, и печальная, в ней есть и свет, и тени, и раздумье, и напряженная жизненная драматичность.

Виктор БОКОВ

СТРАСТНОЕ РЕШЕНИЕ ТЕМЫ

Мирмухсин. «НЕУГАСИМОСТЬ». Стихи и поэма. Перевод с узбекского С. Северцева и А. Наумова. Издательство «Советский писатель». М. 1968.

Когда кровавый Дарий I со своими несметными полчищами вторгся в мирные земли древней Согдианы, сея вокруг смерть и разорение, и лучшие отряды вольнолюбивых племен шаков, хорезмийцев и массагетов пали в бою и, казалось, не было спасения от рабства и мучений, к Дарию пришел оборванный, изуродованный человек с отрубленными ушами. Он сказал, что жаждет мести и готов провести войске Дария никому не известным путем через пески, чтобы ударить в тыл проклятым согдийцам. Восемь дней вел он полчища Дария по выжженным, мертвым пескам, указывая на горизонт, где в колеблющемся мареве виделась реке и зеленые рощи. И когда у персов не было уже ни питья, ни еды, когда они еле двигались, увязая в раскаленных песках, проводник торжествующе расхохотался в лицо Дарию: он знал, что спас свой народ, свою страну — не выйти завоевателем живыми из мертвой пустыни...

О подвиге пастуха Ширака созданы легенды, написаны книги. Но вот узбекский поэт Мирмухсин написал героическую поэму «Ширак», и оказалось, что «старев» теме обретает новую жизнь, если в ней бьется живое сердце поэта, если произведение наполнено поэтической страстью.

Захохотал Ширак,
восторг внезапный
в груди его заклокотал ключом:
он победил!
И с этого мгновенья
ему любые муки нипочем!
И смех его —
счастливый, хриплый, страшный —
хлестнул, как плеть,
по дрогнувшим врагам,
гремучим эхом в небе отозвался,
понесся вдаль — и янсартским
берегам.

Жизнь, отданная народу, бессмертна, неугасима — вот пафос поэмы, вошедшей в сборник Мирмухсина «Неугасимость», изданный «Советским писателем». Еще год тому назад, когда в сокращенном виде поэме была опубликована в журнале «Звезде Востока», она привлекла внимание читателей. И вот сейчас, перечитывая ее в сборнике, еще раз убеждаешься: нет «старых» тем — есть или равнодушное, или поэтически страстное решение темы.

Неугасимость жизни, прожитой для людей, — этим пафосом пронизаны и лучшие стихи сборнике.

Люби начальный свет отчизны,
тебе завещанный людьми,
и все корыстное отчисли
из этой радостной любви.

И если, в пину всяким бедам
И всем превратностям назло.
ты будешь полон этим светом, —
считай, что в жизни повезло.

В. АЛЕКСАНДРОВ

ТАШКЕНТ

«МИР ПОЛОН ДО КРАЕВ...»

Перец Маркиш. «СТИХИ». Перевод с еврейского. Издательство «Художественная литература». М. 1968.

В маленьком томике «Библиотеки советской поэзии» нужно дать представление о том или ином поэте на немногих образцах, и самое составление приобретает первостепенное значение. В данном случае составительницу Э. Лезебникову-Маркиш едва ли можно в чем-либо упрекнуть, иные несогласия в выборе материала могут быть скорее отнесены на долю личного вкуса. Конечно, жаль, что большие поэмы Маркиша с их сочной бытовой и пейзажной живописностью, с их национальным колоритом, с широким охватом социально-политической темы поневоле остались за пределами маленькой книги. Эту центральную в творчестве Маркиша группу представляют в сборнике две поэмы. Отрывки из пететической сюиты «Тенцовщица из гетто» в переводе А. Кленова и поэма «Мой дед», перекликающаяся с новеллами Шолом-Алейхема, — трогательная повесть о мелком портном, смертельно заболевшем после удара в лицо, нанесенного ему казацким офицером (перевод В. Бугаевского).

В сборник включены семь пламенно патриотических стихотворений Маркиша о войне, написанных в 1941—1945 гг. непосредственно на фронте. Кроме того, помещена главе из поэмы «Война» с ответственными и сильными словами о Ленине, о будущем России.

В книге богато представлена лирике поэта. В начале сборнике это лирике юных лет, где автор так полноценно говорит о себе как частице всеобщего бытия, о своем растворении в мире, о хождении босым «по телу голому земли». В конце—зрелая, утверждиашаяся в своем стиле лирике «Последней книги». Читатель без труда приметит, что подводное течение лирики всю жизнь сопутствовало эпической и публицистической поэзии Маркишв.

Нельзя сказать, что все переводы, как более точные, так и более свободные, стоят на едином качественном уровне. Но уже то благо, что переводов поверхностных, развязных, таких, где уважение к автору принесено в жертву себялюбию, в ней не заметно. Книге укрвшена именем Анны Ахматовой — в ее переводах помещено в сборника семь стихотворений.

Объем сборнике исключает возможность всесторонне оценить творчество Маркишв. Но мы этого и не ждем от данной серии — достаточно, если книга поощрит тех, кто раньше не знал поэзии Маркиша, к более глубокому ознакомлению с ней.

С. ШЕРВИНСКИЙ

ПУБЛИЦИСТИКА

КОРЕННАЯ ПОРОДА

Валерий Дементьев. «СПАС-КАМЕНЬ». Издательство «Советская Россия». М. 1968.

Вспоминая предание о тонувшем в Кубанском озере русском князе, которого подняло над водой «каменистое дно», Валерий Дементьев пишет: «...Многовековые пласты нашей национальной культуры — вот коренная порода, на которой основывается духовная жизнь каждого из нас, вот Спас-Камень, который дает тебе опору в минуты невзгоды, делает тебя сильнее, прозорливее, чище, позволяет заглянуть в туманную даль времен. Этот мир искусстве, поэзии, красоты — моя родина».

Повинуясь зову родных мест, автор ведет нас по Вологодчине. Так возникают в книге Валерия Дементьева «Спас-Камень» рассказы, очерки, зарисовки, заметки о народном искусстве, литературе. Это рад озарений от какого-нибудь толчка — стенной росписи, яркого неродного слова или песни, заставляющих «учащеннее биться... сердце». Вот рассказ «Сей добро». К уставшему, проголодавшемуся рыбаку спешит на лодке «мужик-кубеноозер», чтобы угостить дымящейся, ароматной похлебкой. И на благодарность отвечает пословицей: сей добро на лес, и то пойдешь да найдешь. «...Каким бескорыстием, какой вселенской добротой надо было обладать тому русскому человеку, которому впервые довелось высказать эти слова!» — восклицает рассказчик.

Порой герои В. Дементьева в какой-то мере напоминают сказочных, былинных персонажей. Характерен в этом отношении рассказ «Полет в грозу». У пилота неприметное, «деревенское» лицо. «Кровь деревенских предков сказывалась в медлительных, но точных движениях пилота, в его манере держать штурвал». И все это, остро подмеченное, заставляет рассказчика поверить: человек не так уж ничтожен во вселенной, если «оратаи земли спокойно пашут заоблачные хляби».

Родные места влекут писатепя не безотчетно. В его рассказах видна определенная позиция: только постигнув величие и самобытность национальной культуры, можно понять интересы народа. Прямо на эту тему написан рассказ «В то хмурое утро». Автор вспоминает поездку на Вологодчину с Ф. И. Панферовым, его выступление в сельском клубе. В тяжелой правде его слов о доброте к людям, перенесшим тяготы войны, крестьяне чувствуют уважение к ним, отвечают «слезами благодарности». А нелегко было высечь слезу у вдовы, «закаменевшей а горе и заботах».

Книга «Спас-Камень» оставляет в читателе чувство, что найденные автором ценности — настоящие.

Ф. МЕТЛИЦКИЙ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПЯТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ПОЭЗИИ

И. Гринберг. «ПУТИ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ». Издательство «Художественная литература». М. 1968.

Когда читаешь новую книгу И. Гринберга «Пути советской поэзии», словно идешь через годы, прожитые и пережитые нами, людьми старшего поколения. Только литература, неотрывная от больших и малых событий действительности, может связывать эти годы трудов и борьбы. Вот почему стремительное движение и развитие советской поэзии неотделимо в книга от исторических процессов пяти десятилетий. Чем больше и самобытнее поэт, чем ярче выступает изображенная им жизнь, тем острее мысли и чувства этого поэта. Автор книги, как правило, избегает общих мест и всесторонне показывает индивидуальные особенности каждого из поэтов.

И. Гринберг сочетает идейный внелиз лучших произведений советской поэзии с исследованием их художественно-эстетической ценности. Этим книга выгодно отличается от таких обзорных работ, где, по существу, постулятельный ход и процесс развития нашей поэзии сводится только к рассмотрению идей, вызвавших и жизни те или иные произведения.

Когда-то у нас был сделан смелый, но не привившийся эксперимент — создать большой симфонический оркестр (Персимфанс) без дирижера. В многоголосом хоре советской поэзии более чем за полвеке ее существование есть один дирижер, могучий и властный, — это неустенно преображающаяся советская действительность, время, несущееся вперед живым потоком.

Закономерностями времени и определяет И. Гринберг свой разбор. Отчетливо прослеживаются в книге границы возможностей и семых больших поэтов, связанных со своим временем. И. Гринберг подчеркивает, что поэты сегодняшнего дна имеют возможность говорить как о реальности о том, что несколько десятилетий назад могло быть лишь предвидением. Критик ярко рисует непрерывную связь этапов развития нашей литературы. Встреча поэтов двух поколений, Маяковского и Светлова, — символическое выражение преемственности.

Кстати, о Михаиле Светлове сказано в книге сравнительно немного, но серьезно, без желания, свойственного авторам иных недавних работ, представить поэта прежде всего безудержным остроумцем, «смехачом» — в в ущерб подлинно вдумчивому анализу его глубокого, овеянного грустной иронией лиризма.

В книге немало новых и тонких наблюдений, порой заставляющих иначе посмотреть на отдельные явления советской поэзии.

Справедливость требует отметить, что по мере приближения к нашему времени в книге несколько ослабевает целостность восприятия поэтического процесса. Множество имен введено в обзорные главы послевоенной поэзии, вплоть до поэзии конца 50-х годов, но далеко не все из них приобретают твердые характеристики и оценки.

Говоря это, в тем более хочу подчеркнуть главное: книга И. Гринберге — одного из лучших знатоков советской поэзии — интересна, содержательна, и я от души рекомендую ее читателям.

Александр ДЕЙЧ

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ ГОРЬКОГО

Виктор Панков. «М. ГОРЬКИЙ И СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ». Издательство «Московский рабочий». 1968.

Еще не так давно творчество М. Горького советского периоде почти целиком связывалось с изображением писателем дореволюционного прошлого России. Подобнвя трактовка грешила односторонностью, игнорировала огромные усилия великого художника эстетически осмыслить новую, рожденную Октябрем действительность. Выход в свет книги В. Панкова «Советская действительность в изображении М. Горького», выдержавшей в середине 50-х годов два издания, справедливо был воспринят как преодоление подобной односторонности.

В новой работе В. Панкова на ту же тему «М. Горький и советская действительность» проблема рассматривается а еще более широком аспекте. Это, по существу, новая книга, хотя, естественно, автор использовал а ней свои прежние наблюдения и выводы. В поле зрения исследователя — произведения Горького на темы Октябрьской революции и советской жизни. В истолковании этих произведений критиком немело свежего и ценного. Автор стремится показать и то, как советская действительность определила более глубокий подход Горького к историческому процессу а целом, как она стимулировала идейные и эстетические искания писателя.

Возвращаясь к некоторым своим прежним положениям, В. Панков дополняет их новыми материалами, корректирует, опираясь на новейшие достижения горьковедения. Приведу здесь лишь один пример. В январе 1918 года, когда партия вела борьбу за Горького, на страницах «Правды» появились статьи «Социальная революция и М. Горький» и «Ответ М. Горькому», подписанные псевдонимом «Интеллигент из народа». В. Панкову удалось установить, что за псевдонимом стоял И. С. Книжник-Ветров и что его статьи перед публикецией предварительно читались Лениным, который первую статью одобрил вполне, а вторую с оговорками.

Всем своим содержанием работа В. Панкова обращена к современности. Автор остро ощущает потребности сегодняшнего развития литературы и умело, с чувством такта перекидывает мосты от Горького к нашим дням. Нельзя не поддержать его, когда он отстаивает горьковский принцип социального подхода к действительности, когда, опираясь на Горького, выступает против дегероизации, призывает видеть в литературе «боевое дело», напоминает о необходимости создавать художественные ценности высокого эстетического класса. «Жизненны, полны света горьковские традиции». В этих словах — главный пафос книги В. Панкова.

П. КУПРИЯНОВСКИЙ

ПЯТЬ ТЫСЯЧ БУДД...

Автор книги Г. Комаровский многие годы провел в Японии, принимал участие в поисках будд Энку. Он увлекательно рассказывает об этой скульптуре, и не только о ней. В книге вы найдете живой рассказ о судьбе монаха-скульптора Энку и о народе, питавшем его творчество.

Книга Г. Комаровского «ПЯТЬ ТЫСЯЧ БУДД ЭНКУ» выпущена издательством «Искусство» в 1968 году. Цена 1 руб. 03 коп.

Уважаемый читатель! Это издание вы можете приобрести в местных книжных магазинах, распространяющих литературу по искусству, или заказать по адресу: Ленинград Д-186, Невский пр., 28, отдел «Книга — почтой» магазина № 1. Книга будет выслана наложенным платежом.

СОЮЗКНИГА

Василий АРДАМАТСКИЙ

ЧЕРНЫЕ СУМЕРКИ

Рисунок В. КРАСНОВСКОГО

Работа над повестью, основанной на документальных данных, имеет свои трудности и свои творческие неожиданности. Из трех лет работы над повестью «Возмездие» — об операции чекистов Дзержинского против Бориса Савинкова — почти два года ушло на исследование архивов, на увлекательный поиск материалов, на встречи с людьми, что-нибудь знавшими о событиях, которые меня интересовали.

Но вот повесть напечатана. И теперь уже она сама вызывает и действию неведомых мне ранее людей, которые шлют мне письма, документы, фотографии и различные свидетельства, относящиеся к теме «Возмездие». В результате этого мною написана новая глава повести, которую я и предлагаю вниманию читателей.

...ОН ВСПОМИНАЕТ свое последнее крушение там, в России. Всякий раз, когда память возвращает его к событиям той холодной осени, перед его мысленным взором возникает картина движения черной колонны конников сквозь белую секущую по лицу снежную пыль. А эта картина в свою очередь вызывает у него чувство жгуче холодной тоски. И ярости, которую не на кого обрушить.

Разочарования бывали и раньше, но всегда была возможность обвинить во всем кого-то другого. А в этой истории винить некого. Разве что Пилсудского...

18 марта 1921 года в Риге был подписан мир между Советским Союзом и Польшей Савинков знал, что договор будет подписан и что бесконечные капризы и претензии польской делегации на переговорах в Риге — это всего лишь игра на польскую публику, которая должна видеть, как яростно бьются люди Пилсудского за выгодный для Польши мир с русскими.

Еще за месяц до подписания мира Пилсудский, беседуя с Савинковым за чашкой кофе, сказал:

— Воевать с русскими у меня нет сил, и, кроме того, надо наводить порядок в Польше.

— А как же будет с нашими частями? — тревожно спросил Савинков. Речь шла о находящихся в Польше двадцати тысячах русских солдат и офицеров, которые по его зову и обманутые им пошли воевать с большевиками вместе с польскими армиями.

Пилсудский молчал. Своими большими, глубоко посаженными глазами он внимательно смотрел на собеседника.

Он прекрасно знает этого человека, ведь говорят даже, что они близки друг другу по духу, но это не совсем верно. Их роднит только одно — тщеславие. Но Пилсудский — человек трезвого и хитрого расчета, и он давно выяснил, что у Савинкова тщеславие идет впереди рассудка. Вот и сейчас Пилсудский знает, что подвигнет Савинкова на опасное и в общем подлое дело, и уверен в успехе.

— А почему бы вашим русским не продолжить борьбу? — спрашивает Пилсудский.

— После подписания мира? — крайне удивился Савинков.

— Да. — Пилсудский встал, подошел к огромному дворцовому окну с низким подоконником и надолго замер там внушительным силуэтом во весь рост на фоне белой, косо летящей в окне метели. Савинков ждал, ничего еще не понимая.

— Россия большевиков с ее узурпацией все и вся для меня так же нетерпима, как Россия царя, сделавшая Польшу русской губернией, — наконец раздался тихий низкий голос Пилсудского. — Та, будущая, третья Россия, которая возникает на обломках этих двух, может оказаться чем-то терпимым и главное — разумным. Уроки истории даром не проходят, не так ли? — Пилсудский медленно отошел от окна и снова сел за стол.

— Мою программу вы знаете, — тихо произнес Савинков, хотя он все еще не понимал сделанного ему предложения.

— Не только знаю, но и поддерживаю, — мягко перебил Пилсудский и осторожно взял своей огромной рукой миниатюрную кофейную чашечку. — Иначе я в свое время не послал бы за вами в Париж пана Вендзягольского и сейчас ваши соотечественники не воевали бы в составе моих войск. — Пилсудский отхлебнул кофе, бережно поставил чашечку на стол, вынув из кармана белоснежный платок, вытер им усы. Это длилось довольно долго, и Савинков молчал, напряженно ожидая продолжения.

Наконец Пилсудский накрыл своей теплой рукой холодную руку Савинкова и продолжал:

— Я считаю вашу русскую программу с упором на крестьянина мудростью политика, который видит для России единственный выход из темноты. В мужицкой стране должна быть мужицкая власть. Это мужику понятно, это его поднимет, и он пойдет за вами, а тогда вы — истинные властелин России. Я не прав? — Пилсудский хитро прищурился и ждал ответа.

— Да, моя первая мечта — учредительное собрание с крестьянским большинством, — подтвердил Савинков. — И принятые им законы станут моей дальнейшей программой. Но вы простите меня, я не понимаю, к чему этот разговор, если вы решили сложить оружие?

— Но разве подписанный мною мир вас к чему-нибудь обяжет? — спросил Пилсудский серьезно и даже сердито. — Обязательства Польши не могут стать вашими обязательствами, и вы можете продолжить свою борьбу в России.

Савинков решительно не понимал, что все это значит.

— Зачем распускать действующие сейчас ваши русские части? — продолжал Пилсудский. И, не ожидая ни вопроса, ни ответа, сказал: — Сейчас их можно отозвать на территорию Польши, пусть они немного отдохнут, а затем небольшими отрядами, примерно в полк каждый, снова отправить их в Россию. Но уже не как часть Войска Польского, а как чисто русские силы. Главная трудность будет только в том, чтобы тихо форсировать границу и так же тихо и быстро углубиться в Россию верст на пятьдесят. Там уже можно будет развернуть боевые знамена. Это будет уже сила, как бы возникшая в народе, и, опираясь на крестьянство, как на главный свой резерв, эта сила начнет действовать. Понимаете?

Савинков кивнул, напряженно обдумывая то, что он сейчас услышал.

— По-моему, вы как вождь получаете идеальную возможность стать во главе событий, обещающих вылиться в события исторические, — продолжал Пилсудский. — Если крестьянин поднимется и пойдет с вами, большевикам конец.

— Если, — тихо произнес Савинков.

— Ну знаете... — внезапно рассердился Пилсудский. — Тогда, господин Савинков, надо ставить все точки над «и»! Или вы располагаете руководящей политической доктриной для России, о чем вы неоднократно и публично декларировали, или объявляйте, что вы — король голый! Середины нет! — Пилсудский бросил на стол свою тяжелую ладонь, от чего весело звякнули изящные кофейные чашечки.

Как бы резко ни был поставлен вопрос, Савинков понимал, что Пилсудский прав, и, если он сейчас отвергнет его идею, он действительно будет выглядеть политическим банкротом. А главное — ему уже видится впереди идущее на Москву крестьянское войско, которое под звон колоколов приветствует весь народ. Савинков близок к состоянию самогипноза, в каком он уже не раз принимал решения, дорого ему стоившие...

— У меня один вопрос: кто поведет эти отряды? — отрешенным голосом спросил Савинков.

Пилсудский задумался, сдвинул свои мохнатые брови: он знает, что Савинков — человек абсолютно не военный...

— Это вопрос очень серьезный, — ответил он. — Сейчас возле вас вертятся генералы-золотопогонники, которые по ночам молятся на царские портреты. В случае успеха они вас повесят как убийцу царей, — рассмеялся вдруг Пилсудский и спросил: — Что вы думаете о братьях Булак-Балаховичах?

— Это ж бандиты! — воскликнул Савинков.

— Бандиты, — медленно кивнул Пилсудский. — Но они могут повести за собой войско. А в политическом отношении они, по-моему, весьма удобны. Они ведь за все, что не мешает им быть бандитами.

— Но они будут грабить и убивать тех самых крестьян, на которых я собираюсь опереться и которых собираюсь позвать за собой, — сказал Савинков.

— Этого не допустите вы, — отрезал Пилсудский.

— Значит, вы считаете, что я сам должен пойти вместе с этими отрядами? — осторожно спросил Савинков.

— Непременно, господин Савинков. — Пилсудский подошел к Савинкову, положил ему на плечи свои тяжелые руки и сказал проникновенно: — Слишком велика ставка, господин Савинков. Нельзя быть вождем на расстоянии. Нельзя. Это ваша коренная ошибка до сих пор. Даже самые верные вам люди могут исказить ваши идеи, деформировать их до уровня своего понимания проблем, а это опасно, так опасно, господин Савинков, — я убедился в этом. Что же касается вашего временного содружества с такими типами, как братья Балаховичи, то, поверьте мне, вы вместе с ними пройдете только первые шаги, и при первой возможности мы их вышвырнем...

Вот этот разговор все и решил...

Осень была ранняя и холодная — еще в октябре начались морозы. Раскисшие дороги окаменели, передвигаться было легче и быстрее, но трудно стало с ночевками. Отряд, с которым двигался по Белоруссии Савинков, насчитывал почти тысячу сабель — всех разместить в помещениях было делом нелегким. Впрочем, балаховцы делали это довольно просто — приезжали в деревню или городок, выгоняли жителей на улицу и занимали их дома. Однажды, гуляя ночью по взятому городку, Савинков увидел такую картину: в занятых балаховцами домах горел яркий свет, оттуда доносились звуки музыки, пьяные крики, а хозяева этих домов с детьми на руках грелись у костра, разожженного перед церковью...

Правда, подолгу отряд нигде не стоит, день-два, не больше — и команда «по коням!» — части Красной Армии наступали балаховцам на пятки, пытаясь заставить их вступить в бой. Но у братьев-балаховцев была своя тактика, они говорили: «Бой — дело нехитрое, ты сумей уйти от него». Сейчас, изучив данные разведки, Балаховичи повели свое войско на Мозырь...

Морозило. Конские копыта грохотали по оледенелой дороге. С серого неба сыпалась мелкая снежная пыль. Ветер швырял ее в лица всадников, гнал белыми волнами по голым полям. День, не успев рассветиться, быстро угасал.

Два брата Балаховичи и Савинков медленно покачивались во главе колонны, сутуло сидя на усталых конях. Уже не первую неделю они в походе, и чем дальше, тем яснее Савинкову, что ни о каком поднявшемся по его зову крестьянстве нет и речи. В душе у него закипает ярость против мужика — тупого, безразличного ко всему, не желающего пошевелить пальцем во имя своего же будущего. Сколько раз он говорил с ними и в одиночку, и на сходках, разъяснял им свою идею созыва учредительного собрания с крестьянским большинством. Слушают, разинув рты, а потом молчат, как серые каменвалуны. За три месяца в отряд вступило лишь семеро крестьян, и два уже удрали домой.

Один из них, уходя, сказал:

— Что вы дали мне, чтоб я шел за вас под пули? Красные мне землю дали, а вы что?

Но главное несчастье не в этом — Савинков обнаруживает, что он ничего не знает об истинном положении дел в Советской России. Его агенты слали ему оттуда донесения, что Советская власть висит на волоске, потому что против нее деревня, а оказывается, большевики за какие-то три года сумели внушить крестьянству веру в их идеалы. И это вызывает в душе Савинкова еще большую ярость против мужичья, которое не понимает его...

Отряд, растянувшись на добрые две версты, приближался к Мозырю. Вернулись высланные вперед разведчики, они доложили, что в городе, кроме десятка комсомольцев-чоновцев, нет никого. А город богатый. Эта новость, сопровождаемая ликующими криками, как вихрь, пронеслась по колонне.

— Если увижу грабеж или погромы, буду расстреливать на месте, — сказал Савинков, глядя вперед остановившимися узкими глазами. — Слышите, Балахович?

— Только не ошибитесь, Борис Викторович, — весело отозвался Станислав Балахович и подмигнул своему младшему брату Иосифу. — Ваш-то любимый мужичок сам жратву нам не даст, приходится брать. Вроде бы и грабеж получается, но ведь вам, Борис Викторович, тоже яичница потребуется перед сном.

Станислав Балахович уже давно вылечился от преклонения перед Савинковым и, нисколько его не боясь, поступает так, как его душа просит. Все движение отряда сопровождается грабежами и жестокими расправами.

В общем Савинков понимал, что эти люди потому и пошли за Балаховичами, что надеялись поживиться, — вон какие мешки приторочены к седлу у каждого. И, конечно же, никаких политических идеалов они не исповедовали и не хотели этого. Когда Савинков выступил однажды перед ними с программной политической речью, из толпы раздался только один вопрос:

— Пока мы дойдем до вашей учредиловки, жалованье нам будет?

Старший Балахович заорал:

— Мы армия добровольцев, а не наемников! Наше жалованье мы добываем сами, и нечего задавать дурацкие вопросы!

А Савинкову он потом сказал с усмешечкой:

— Борис Викторович, не надо им про политику — пусть их головы чистыми останутся...

— Безусловно, ворам политика ни к чему, — иронически согласился Савинков.

Балахович посмотрел на него с откровенной насмешкой:

— Между нами, Борис Викторович, только в том и разница — у кого воруем.

Савинков натянул повод, и его кобыла Голубка послушно остановилась.

— Что вы сказали? — спросил он осекшимся от злости голосом.

— А разве неправда? — глаза Балаховича нагло смеялись. — Один берет у попа, другой — у дьякона.

— Кто — один, кто — другой? — совсем уже ненужно потребовал уточнения Савинков.

— То ли он, то ли он, — Балахович ткнул нагайкой на своих бандитов, окончательно выходя из-под удара.

Савинков понимал, конечно, что участие в этом походе — еще одна его катастрофа. И, может быть, самая главная, потому что сейчас он действительно голый король, с которым никто не считается. Он мог по крайней мере делать вид, что какая-то Россия еще с ним, пока все, что было той Россией, было отдалено от него и от всех тайной границы, риском его агентов, ползущих оттуда с донесениями через белорусские болота... А сейчас он сам в России и — голый, голый, голый! Над ним смеется бандит, и он ничего не может ему ответить.

В свое время, когда провалилась к чертям в ад вся его бешеная деятельность по организации помощи Запада белым армиям, он говорил себе: это потерпел поражение не я, а бездарные генералы Деникин и Врангель. Но здесь он не может сказать, что терпит поражение бандит Балахович, ибо возникает вопрос: а вы, Борис Викторович, зачем здесь?..

Он бы уже покинул отряд, он окончательно решил это три дня назад, но вдруг Станислав Балахович сообщил ему новость — в Мозыре они должны встретиться с белорусским правительством.

— Что еще за правительство? — удивился Савинков.

— А черт его знает! — весело воскликнул Балахович. — Гонца прислали — будут ждать нас с вами в Мозыре. А от Пилсудского мы имеем давний приказ — присягнуть на верность первой же местной власти. А мне что, я самому дьяволу могу присягнуть — от этого сапоги жать не станут... — и он рассмеялся, оскалив свои крупные белые зубы.

И Савинков сказал себе, что он остается в отряде, только чтобы выяснить: что это еще за правительство? Может, и в самом деле что-то серьезное?..

Бой за Мозырь начался в сумерках, и не понять было — действительно ли шел бой на самом деле или просто так, на скаку стреляя во все стороны, передовой эскадрон ворвался в город, и тотчас взметнулись над городом несколько пожаров. Когда Савинков и старший Балахович въехали на центральную площадь города, младший Балахович уже творил там суд и расправу — на балконе здания почты уже были повешены двое, а третьего вешали на фонаре. Иосиф Балахович подскакал к брату на разгоряченном коне:

— Стась! Красных гадов вешаем. Хошь сам побаловаться?

— Успеется, — отмахнулся старший и спросил, где его квартира.

Иосиф показал плетью на здание почты, где качались повешенные, и крикнул:

— Вон там, с украшением.

Балахович и Савинков расположились на втором этаже. Здесь, очевидно, жил заведующий почтой — это была большая, давно и хорошо обжитая квартира. Куда только подевались ее обитатели?

Савинков занял маленькую комнатку рядом с кухней, заперся и, не раздеваясь, повалился на постель. Потом он много раз просыпался от пьяного ора, всю ночь играла гармоника, визжали женщины, раздавались выстрелы — братья Балаховичи справляли победу.

Утром Савинкова разбудил стук.

— Приехали какие-то... — хрипло докладывал вестовой Балаховича через дверь. — А сам спит... что сказать?

Савинков встал, побрился и умылся на кухне и вышел в столовую, где его уже ждали. Приехавшие сидели рядком на стульях среди разгрома, оставшегося после оргии. Стол был опрокинут, и посуда, разбитая и целая, валялась на полу. Посредине вояяла какая-то лужа, в нее был втоптан цветастый женский платок.

Савинков в одно мгновение увидел все это, но не повел бровью и пригласил приехавших пройти с ним на первый этаж в служебное, как он выразился, помещение. Они уселись там у громадного стола, на котором, наверное, сортировалась почта.

— Кто вы, господа, и что вам угодно? — сухо спросил Савинков, разглядывая приехавших. Все пятеро были, что называется, в летах и имели солидный вид — в крахмальных воротничках, при черных галстуках. И вдруг у Савинкова мелькнула надежда, что это серьезно, что есть все-таки в России какие-то силы, способные взять власть в свои руки...

— С кем имеем честь? — чуть приподнялся один из приехавших.

— Борис Савинков, — отчеканил сухой голос.

Один из приехавших, высокий, костлявый, в длинном черном сюртуке, встал:

— Мы счастливы приветствовать на нашей белорусской земле столь знаменитого политика... Разрешите представиться, — чопорно поклонился он. — Мы министры воссоздаваемого белорусского правительства. Моя фамилия Адамович — я заместитель премьера и министр внутренних дел, это Прокопченко (поклонился лысый и сутулый человек, сидевший напротив Савинкова), он министр финансов и земледелия, а это Рымарев...

— Кем это правительство сформировано? — сухо спросил Савинков и добавил: — Это обстоятельство, как вы понимаете, определяет все. Вы садитесь, пожалуйста...

Зам. премьера Адамович сел и стал отвечать Савинкову, почему-то не поднимая на него глаз:

— Что касается меня, то я входил в состав правительства, которое создавалось еще во время польского наступления. Теперь мои коллеги... подобраны мною.

— Ваша партийная принадлежность? — поинтересовался Савинков.

— Конституционный демократ, — как-то неуверенно произнес Адамович. — А мои коллеги — скорей всего земцы.

— А кто же у вас премьер? — спросил Савинков.

— Вакансия. — чуть заметно улыбнулся вице-премьер.

— Программа у вас есть? — спросил Савинков, еле сдерживая закипавший в нем гнев.

— Программа? — несколько удивленно переспросил Адамович. — Тут же все ясно: перебить коммунистов, а там видно будет. — Он сказал это с такой святой убежденностью, что впору было рассмеяться.

В эту минуту в зал вошел старший Балахович. Вид его был страшен: лицо серое, покрытое сивой щетиной, оплывшие глаза, сбившиеся колтуном волосы.

— Почему сепаратничаете? — спросил он у Савинкова, садясь рядом с ним. — Ну? Кто у вас тут главный? — обратился он к министрам.

Снова встал длинный Адамович:

— Разрешите представиться: Адамович — заместитель премьера и министр внутренних дел.

— Ишь ты, шишка... — Балахович снизу вверх с любопытством смотрел на Адамовича. — Ну, ладно... Чего господа хотят, кроме власти?

— Хотели бы располагать средствами, — осторожно ответил вице-премьер, продолжая стоять.

— Средства будут. Еще что?

— Хотелось бы знать, когда вы освободите Минск? Имеется ли смысл объявлять временную столицу?

— Военными тайнами не торгую, — с угрозой ответил Балахович.

— Зачем нам ваши тайны, господин генерал, — укоризненно сказал Адамович. — А вот вы сами нам нужны.

— Глядите-ка, понадобился, — Балахович подмигнул Савинкову. — Ну-ну?!

— Мы хотели бы видеть вас своим белорусским президентом.

— Президентом? — недоверчиво переспросил Балахович и вполне серьезно сказал: — Ну что ж, если есть такое желание, отчего же, можно, за мною не станет.

— А почему и нет?! — запальчиво воскликнул Адамович. — Кто землю освободил от супостатов, тому и власть на той земле. — Он посмотрел на Савинкова и добавил: — А Бориса Владимировича...

— Викторовича, — поправил его Балахович.

— О, пардон! А Бориса Викторовича сама судьба нарекла нашим премьером.

— О лучшем кандидате нельзя и мечтать, — поддержал Балахович...

Савинков смотрел на все это, и ему не хотелось верить своим глазам. Он уже понимал, что перед ним базарные политиканы, решившие, пользуясь всеобщей неразберихой, захватить власть над миллионами людей.

— Минуточку, господа... — начал Савинков негромким голосом. — Я хочу вам сказать, что подобным образом правительства не создаются. Во всяком случае я в этом вашем несерьезном предприятии не участвую. Думаю, что и господин Балахович займет такую же позицию.

— Господа, я бы предложил не устраивать спора, — поморщился Балахович. — Собрались люди, которые хотят добра своей Белоруссии, они того хотят, Борис Викторович, и мы с вами того ж хотим. Зачем же сразу свару устраивать? Давайте-ка лучше пойдем к столу, поснедаем, выпьем за знакомство — глядишь, и без спора обойдемся. Пошли, господа...

Все двинулись к дверям. Когда Балахович пропустил вперед всех министров, Савинков задержал его и сказал:

— Если вы посмеете лезть в президенты, завтра же Пилсудский вышвырнет вас на свалку. Я вам это гарантирую...

Балахович взметнул острый взгляд на Савинкова, несколько секунд смотрел пристально на него, потом тихо ответил:

— Я не такой дурак, чтобы самому лезть в петлю, не беспокойтесь. Президента пусть поищут в других местах...

Савинков принял бесповоротное решение — сегодня же вернуться в Польшу.

Балахович к решению Савинкова уезжать отнесся равнодушно.

— Считаете нужным — уезжайте. Я вам не начальник.

Однако выехать в этот день Савинков не смог. Вскоре после полудня балаховцы вынуждены были вступить в бой с частью Красной Армии, прибывшей в Мозырь из Гомеля. Бой завязался на восточной окраине города, и до вечера нельзя было понять, выдержат ли балаховцы натиск красных. Уезжать в этой обстановке Савинков считал неприличным. Поздно вечером стало известно, что к Мозырю движется еще одна красноармейская часть, и тогда Балахович принял решение временно выйти из города...

...Савинков один верхом ехал в сторону Бреста, к границе. Густели черные сумерки. Усталая его кобылица Голубка предпочитала передвигаться мерным шагом, так же мерно качая своего седока. Никто Савинкова в пути не останавливал, никто ни о чем его не спрашивал, и никто его не боялся...

ЛР СООБЩАЕТ:

ИЗ ТБИЛИСИ

В интересах дальнейшего развития грузинской советской детской литературы, повышения ее роли в коммунистическом воспитании подрастающего поколения, более широкого поощрения работников литературы и искусства, создающих произведения для детей, по решению ЦК КП Грузии и Совета Министров Грузинской ССР, в дополнение к существующим Государственным премиям Грузинской ССР имени Шота Руставели добавлена еще одна специальная премия за выдающиеся произведения литературы и искусства для детей.

■

Этот праздник стал уже традицией. Он получил имя «Важаоба» в честь великого грузинского поэта Важа Пшавела. Проводится он в Лапанкури. Именно в эти края призывал поэт земляков-пшавов переселиться со своих неприступных гор, не поддающихся ни уходу, ни обработке. И вот его мечта сбылась. Здесь, в Лапанкури, был организован один из первых во всей Грузии колхоз, который стал затем мощным зажиточным хозяйством. Сейчас здесь известный всей республике совхоз.

Рабочие, инженеры совхоза, вышедшая на этого сала интеллигенция, гости из ближних и дальних мест собрались на берегу реки Лопоты на народный праздник «Важаоба». О жизни и творчестве поэта рассказал директор местной школы В. Цверошвили. Торжества длился праздник в ущелье, которое народ назвал ущельем Важа. А и чистым родникам, которые по традиции стали получать имена любимых поэтов, в этот день добавился еще один: в далеком Лапанкури путник сможет отныне утолить жажду из нового источника Важа.

(Наш корр.)

ИЗ НОВОСИБИРСКА

На обложке небольшого формата книги — портрет И. Лаврова. Очерком Н. Яновского о жизни и творчестве известного прозаика Западно-Сибирское книжное издательство открыло серию «Литературных портретов» писателей, тесно связанных с Сибирью. Вслед за очерком о И. Лаврове вышли книжки А. Никулькова о Л. Мартынове, Ю. Мостиова — об А. Иванове, Л. Баландина — о В. Лаврентьеве. К серии, по сути дела, примыкает выходящий из печати первый том «Литературного наследства Сибири». Сюда вилючены неопубликованная переписка Максима Горького с писателями-сибиряками, воспоминания сибирских литераторов о встречах с Горьким, исследование «Поэт Игорь Славнин», стихи И. Славнина, поэма Ивана Тачалова «Егорна», переписка деятелей науки и культуры с известным литературоведом и фольклористом Марком Азадовским.

(Наш корр.)

ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Книга эта озаглавлена: «История колхоза «Россия». И все, что в ней описано, произошло в действительности, каждое событие точно датировано, каждый персонаж носит подлинные имя и фамилию. Одиннадцать лет работал писатель Асмольд Шейнин. Он детально изучил жизнь колхоза, разыскал множество интереснейших документов (многие из них воспроизведены теперь на страницах книги), записывал воспоминания старожилов, беседовал со своими героями, читал им написанные главы, выверяя и уточняя подробности событий. И именно в силу своей документальности книга и оказалась такой увлекательной.

Вот что говорит в коротном предисловии Даниил Гранин:

«...Автор обрушивает на читателя лавину фантов, расположенных в хронологическом порядке. Эпизоды, полные драматизма, чередуются с данными об урожаях и сведениями о том, что было выдано в те или иные годы на трудодень.

Факты упрямы. Их не переспоришь. Один фант, возможно, докажет немногое. Два — уже несколько больше. 100—200 фантов убедят обязательно. Убедят, но будет ли такой частокол сообщений иметь отношение и искусству? Ведь оно начинается там, где проявляется личность художника, его особое видение мира, и человек, его деяния оказываются в центре внимания автора.

Однако «История колхоза «Россия» открывает историю русской колхозной деревни через человека прежде всего, через раскрытие этой истории в человеке, его судьбе. Автору удалось главное: отобразить то, как сильно отличается своим взглядом, стилем жизни и всем человеческим опытом нынешний земледелец колхоза «Россия» от жителя старой, дополхозной деревни Порёдни.

Добавим, что книга писалась в осуществление давнего горьковского замысла — создать историю трудовых коллективов. Выпустил ее Лениздат.

(Наш корр.)

ИЗ КИШИНЕВА

В Кишиневе объявлена подписка на восьмитомную Молдавскую Советскую Энциклопедию. В 40 тысячах статей-терминов найдут отражение история, природа, экономика и культура Молдавии, ее прошлое и настоящее. Энциклопедия будет издана на молдавском языке. Последний том — своеобразная монография о республике — выйдет также и на русском языке.

Выход первого тэма Молдавской энциклопедии приурочен к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

Сборник «Поэты-фронтовики» выпустило Верхне-Волжское книжное издательство. Более 40 поэтов, участников Великой Отечественной войны, живущих в Ярославской, Владимирской, Ивановской и Костромской областях, — авторы этой книги. О поколении «лобастых мальчиков невиданной революции», о любви и Родине и борьбе против фашизма рассказывают они в своих произведениях.

Стихи поэтов Верхней Волги иллюстрированы фронтовыми фотографиями журналиста Е. Подшивалова.

ИЗ МОСКВЫ

23 человека получили дипломы об окончании Высших курсов сценаристов и режиссеров при Союзе кинематографистов СССР. Среди них — бурятская поэтесса Людмила Алозева, азербайджанский очеркист Али Капаров, русский прозаик В. Сморятин (по его сценарию уже снимается на Центральной студии документальных фильмов киноленто «Поле, где умирал Воронин», рассказывающая о людях колхозного села исторической Курской дуги).

Нынешний выпуск курсов, руководимых кинодраматургом М. Маклярским, особый: впервые получили путевку в жизнь кинодокументалисты. Глазом киноками будут они фиксировать важнейшие события, происходящие в стране и за рубежом, работать над юбилейной Ленинианой.

СТИХИ, НАЙДЕННЫЕ В РАЗВАЛИНАХ

ПОЗДНЕЙ осенью 1944 года, собирая во вновь освобожденном Львове материалы для документальной повести, я часто бродил по разрушенным и сожженным северным кварталам города. И вот однажды в подвале дома на Замарстыновской мне посчастливилось найти тоненькую книжечку стихов, озаглавленную «Спев войны» («Песнь войны»). Однако все авторы этого сборника оказались анонимными. Ни одной фамилии! Было указано только, что книжка напечатана в подпольной типографии.

В кратком предисловии неизвестные тогда издатели этой антологии писали: «Наше оружие — поэтическое слово. С ним из подпольных законспирированных типографий мы идем к вам, сплоченные и безымянные, как воинское подразделение. Как вас, так и нас подстерегает смерть. Двое из нас уже погибли смертью солдата: один в Освенциме, другой в тюрьме... Когда-нибудь, когда мы отдохнем под сенью победных знамен, мы сможем сказать себе, что вам что-то дали эти стихи, эта наша «Песнь войны», прозвучавшая во время ратного труда».

Даже при беглом чтении эти стихи производили неизгладимое впечатление. И не только на меня. Весной 1945 года у меня во Львове гостил Борис Андреевич Лавренев. Я прочел ему вслух все стихи сборника. Он тогда же пометил синим карандашом понравившиеся ему стихи с просьбой сделать подстрочный перевод.

...Для того чтобы читателю была более понятна предыстория возникновения этой подпольной антологии, следует вспомнить события тех тревожных лет.

В сентябре 1939 года во Львов через так называемую «зеленую границу» хлынула из центральных районов Польши масса представителей интеллигенции, спасавшихся от гитлеровского нашествия, — писателей, артистов, художников, кинематографистов. Из Варшавы во Львов добралась Ванда Василевская, в окрестностях Львова появился автор переведенной на русский язык и нашумевшей повести «Грипп свирепствует в Направе» Ялю Курек. Из Кракова во Львов прибыл академик, блестящий переводчик и публицист Тадеуш Бой-Желенский; он сразу начал работать во Львовском университете и был принят в Союз писателей. Появилась большая группа и других польских литераторов, объединившихся в писательском клубе, которому Советская власть передала в полное распоряжение бывший особняк графа Вельского.

Но вот гитлеровские орды ворвались на советскую территорию. Не всем польским коллегам, работникам литературного цеха, удалось эвакуироваться на восток. Если это смогли сделать Ванда Василевская, Ежи Путрамент, Людиан Шеваль, Леон Пастернак, то значительная часть польских литераторов из центральных районов Польши так и осталась во Львове.

1 августа 1941 года Львов и прилегающие к нему районы западных областей Украины, по приказу Ганса Франка, были включены в состав «генерал-губернаторства»...

Таким образом, становится ясно, почему стихи польских поэтов появились во Львове и, очевидно, были отпечатаны в местной подпольной типографии. Но кто же авторы этих стихов?

...В июне 1968 года я присутствовал на съезде писателей северных и западных областей Польши в городе Катовице и выступал на нем с приветствием от советских литераторов. В перерыве ко мне подошел высокий седой человек.

— Я Александр Баумгартен. Спасибо, что вы зачитали строки из моего «Безвременья».

Эта встреча была первой нитью к разгадке антологии подпольной поэзии, изданной во Львове. Александр Баумгартен сообщил мне имена и адреса некоторых других авторов, которые принимали участие в составлении антологии «Песнь войны». Одним из первых откликнулся варшавский писатель Мирослав Жулавский:

«Давние эти времена, и не все сейчас хорошо припоминаю. Во Львове тогда было очень тяжело—наступило время самого страшного гитлеровского террора. Я работал в подпольной польской организации. Мы подумали, что людям нужна поэзия, поэзия, сражающаяся и помогающая людям надеяться и переносить страдания. Мы получили эти стихи от неизвестных нам самим поэтов — надо было придерживаться строгой конспирации — и напечатали в подпольной типографии. Успех превзошел все ожидания. Это было безотказное и страшное для врага оружие — наша поэзия. Она подтверждала, что Польша живет, что она не погибла, действует и борется.

Не могу точно сказать вам, кто был автором отдельных стихотворений. Редактором всей антологии была Стефания Скварчинская, сегодня профессор литературы в университете в Лодзи.

«Невозвращение» написал Станислав Роговский — он погиб в Освенциме.

«Траурный марш», посвященный памяти Тадеуша Голлендера, расстрелянного гестаповцами, написал я.

«Реквием» написал поэт Ежи Гордынский — он жив. Сердечно приветствую.

Мирослав Жулавский».

А спустя некоторое время пришло письмо от поэта Ежи Гордынского, автора «Реквиема». Вот что написал он:

«Мои стихи «Реквием» я посвятил отцу, который погиб в лагере Майданек 23 июля 1943 года. Его арестовали 13 сентября 1942 года в Кутах, на Гуцульщине. На протяжении почти трех дней там была арестована вся польская интеллигенция. Арестованных доставили в Коломыю, оттуда — во Львов и затем — в Майданек, где все они погибли...»

Мы с переводчиком Марком Максимовым попытались отобрать наиболее характерные произведения из подпольной антологии «Песнь войны». Мы хотели бы надеяться, что они послужат не только напоминанием, но и предостережением...

Владимир БЕЛЯЕВ

Александр БАУМГАРТЕН

Безвременье

Высокий замок все тот же — лишь в сердце жажда
и голод.
Борется город молча, но грозно подняться готов,
годы веками тянутся, а гордый и древний город,
город открытой вечности, запирается в девять часов.

Но время сдержать невозможно, веки закрыв над глазами.
...Штыками, стволами, штыками время проходит у глаз.
У тех, кто вернется с победой, брусчатка вздохнет под
ногами,
пока же цветы над кровью восходят в который раз.

А юность, как кровь, уходит — за временем не угнаться.
За ночью, истерзанной залпами, кровавый идет рассвет.
Повешены снова заложники, повышены в чине нацн,
и новый приказ на стенах, как свежий кровавый след.

Когда же! Мы жаждем бури, заждались весеннего шквала!
Когда же — от Волги до Буга, за Сан — перейдет трубач!
Чтоб нам подхватить атаку, сорваться с весною шало
и эхом трубить под стягом тревогу, покрывши плач!

Автор неизвестен

Музам в годину войны

Так далеки вы, что, может, и звать вас не стоит,
Но протяну я к вам думы свои, как ладони, —
с черного неба, которое воет и стонет,
вновь вас приносят ко мне белокрылые кони.

Улиц скелеты тоскуют в ночи по прохожим.
Пойте хоть смертникам — ими все тюрьмы набиты.
Я вас молю! «Оставайтесь!» — и слышу: «Не можем!»
Я вопрошаю: «Куда вы!» — и слышу: «На битвы!»

И остаюсь я опять, словно раненый воин,
брошенный в поле, где стонам и пламени тесно,
Музы, когда я хоть вашего вздоха достоин,
вы хоть вздохните и в губы вдохните мне песню.

Знаю, вы в город вернетесь с цветами, с венцами,
грозно, как слава, как память о нас и расплате,
в полном безмолвье над нашими всеми сердцами
встанете бронзой и — цоколей в мире не хватит!

Автор неизвестен

Львовская коляда 1943 года

Тише, тише, тише!
Львов — в крови по крыши.
Рождество Христово. Время для коляд.
Над Христом гестапо
простирает лапы,
колядует в двери кованый приклад.

Гей, с новым порядком!
Штык по всем кроваткам
ищет новорожденных сынов.
Ирод им поможет...
Где же ты, мой боже!
Город Львов — город Львов — город Львов...

Петли, пули, газы,
новые приказы
скалятся по стенам, озверев,
В тишине кровавой
залп ночной расправы:
O, Jezus, stilihalten!* — Псякрев!

Кто-то дерзкий самый
побежит к той яме,
к детской колыбели, выброшенной в ров.
Смерть ее колышет —
Тише, тише, тише!
Плачет Львов — плачет Львов — плачет Львов,

Ангелы в смятенье:
рождество смертельно!
Тридцать теплых трупов в тишине ночной
принимает снова
рождество Христово;
за Марьяцкой площадью — залп очередной.

Люли, люли, люли!
Пули, пули, пули!
Все ли там уснули — спать, спать, спать!
Виселицы — петли!
В них родные, нет ли!
Стой! Ведь те а зеленом не дадут их снять.

Львов — в крови по крыши.
И Христос не дышит —
звезды Вифлеема видит труп.
Звезды, как иголки,
не волхвы, а волки
рождество справляют. Кровь из губ.

Спи, младенец божий,
чем ты нам поможешь!
Лишь замочишь ноженьки: всюду кровь и кровь.
Ночь. Но и в могилах
враг сломить не в силах
нашу веру в утро, что наступит вновь...

А пока в гестапо —
елки в колких лапах.
Поднимают свечи, зажигают, не спеша,
и поют в их свете
палачовы дети:
O, heilige Nacht! — Ночка хороша!

Львов — в крови по крыши.
Рождество не дышит.
День придет с востока, но когда!
Рождество смертельно,
бьют приклады в стены...
Коляда, гей, ко-ля-да!

Ежи ГОРДЫНСКИЙ

Реквием

Слушай...
Бомба ночи упала, темнотой обрастая.
И лицо в темноте, словно мрамор в покое,
А там — высоко,
куда не достать рукою,
звезды путь указуют и кличут в дорогу.
Но куда я пойду этой ночью!
Двери неба закрыты для гостя такого,
запоздалого очень.

Слушай...
Вдребезги — сердце мое и в,
осколки любви не подвластны,
лишь будут их вешать всечасно
на виселице бытия.
Мертвых качают ночные виденья,
под шатрами снов затая.

А война напомнит о ране болящей
и рухнет, ослепнув от грома.
И я остаюсь на улице спящей
собакой без дома.

У меня есть лишь память со страшной
ценою.
С ней нельзя упасть на колени,
а ней ты идешь и идешь предо мною
без шагов
и без тени.
Мой отец!
Больше слов мне твоих не услышать,
разве только во сне,
в тишине беспокойства ночного,
одеяло поправишь,
шепнешь мне отцовское слово,
как в младенчестве,
снова.

Ты тогда наклонялся так близко, наверно,
губ моих,
безъязыких еще,
ты дыханьем касался.
Тень твоей головы
стала тяжкой безмерно
с той поры, как я с детством расстался.

У тебя даже нет и могилы.
Пламя, что обожгло твои руки немые,
до меня не дошло,
трудно все мне постигнуть спросту,
как Фоме, чье неверье рассеять впервые
удалось только ранам Христа.

Нет, не верю я в смерть, что уста
обожгла тебе пламенем рваным,
нет, не верю, что сгинула та,
кто тебе исцеляла раны.

Ночь — мои губы заперты мраком,
уши не слышат сквозь грохот тоски,
А глаза! Как ни странно, но зорче,
однако,
я стал видеть сквозь слезы,
что толкутся, как в фонаре мотыльки.

Говорят, что от горести можно запить,
забуянить в ночи, что забыла надежду
и веру.
Но вина никакой не хватило бы меры
мне, чтоб страшную жажду свою утолить.
Разве млечным ковшом зачерпнуть!
Тоже мало.
Может, девушку звать, чтоб утешила,
все чтоб пошло трын-травой!
Нет. Все сгинуло, как не бывало,
Даже глупое чувство вины —
что живой.

Был твоим сыном.
Как много и мало.
Ночь над Люблином,
словно в сутане потертой
ксендз,
молча реквием пела тебе до конца,
когда шел ты, я знаю, слишком гордый,
чтоб быть похожим на мертвеца,

Звезды столиц свечами пылали
над плахой вашей в ночной печали,
И небо дрожало.
А вы стояли
на плахе, как слава на пьедестале,

Ищу, как славу средь черной ночки,
царапины пуль на груди стены.
Ночь на стеблях мысли рождает почки,
а цветы из них так черны!

Нет, никогда не понять разлуки
ладьи, в которой уплыл Харон.
Бьют в барабаны часы,
как руки
новых времен.
Ночи и дни сплетаются вместе
из года в год.
Все непонятно. Только безмездье —
ждет.

Перевел Марк МАКСИМОВ

---

* Смирно!

Молодой уроженец
Неаполя!
Что оставил в России
ты на поле!
Почему ты не мог быть
счастливым
Над родным знаменитым
заливом!

Светловские строки выбиты на могильной плите. Человек в выгоревшем пиджаке послевоенного покроя, с орденскими планками на груди читает их по-итальянски тридцатилетней женщине. Вот сейчас она, худая, чуть поседевшая, с застывшим выражением скорби на тысячу раз знакомом миру лице Софии Лорен, бредет среди березовых крестов, увенчанных солдатскими касками. Это кладбище итальянских солдат. Полторы тысячи крестов, полторы тысячи имен, но среди них нет имени ее мужа.

Они поженились в дни войны, воспоминание об этом коротком счастье вот уже десять лет освещает одинокую жизнь Джованны. Антонио (Марчелло Мастроянни) воевал где-то в России. И женщина, не веря в гибель мужа, ищет его в чужой стране. Она простаивает у проходной огромного московского завода, напряженно вглядывается в лица людей на эскалаторах метро, на трибунах стадиона.

Она узнает, что он жив, Антонио. Увидит женщину, молодую с открытым и светлым лицом (Людмила Савельева), заговорит с девочкой, чей неуверенный итальянский выговор заставит Джованну похолодеть. Это его дом, его жена, его дочь.

Тогда, в дни войны, Маша нашла в снегу замерзавшего итальянца, выходила его. Антонио остался в России.

Джованна уезжает в Италию одна. Но минутная встреча с ней заставляет Антонио отправиться в Италию. Он должен ей все объяснить, так кажется ему. Чувство долга, думает он.

И вот разговор в темной миланской квартире Джованны: столько лет не виделись и встретились в темноте —забастовка электриков. Прошло целых десять лет, прошло только десять лет— его руки помнят эти плечи, эти волосы. Одно прикосновение перечеркивает все длинное объяснение. Они любят друг друга.

Джованна и Антонио не могут быть вместе. У нее — маленький Антонио и муж («просто, чтоб не быть одной, его сейчас нет — работает в ночную смену»), Антонио ждет в Москве семья, женщина, спасшая ему жизнь.

Утренний полупустой Миланский вокзал — традиционно печальная концовка фильма.

...После «Затворников из Альтоны» — это следующая картина Витторио Де Сика о войне. Собственно, военные кадры составляют лишь незначительную часть фильма «Подсолнухи». Но война решила судьбы его героев, она присутствует в их жизни и много лет спустя... Сценарий написан постоянным соавтором Де Сика — Чезаре Дзаваттини, а также Тонино Гуэрра и Георгием Мдивани.

Эта очень горькая история при чтении показалась мне несколько надуманной.

— Да нет же, — говорит Де Сика, — в основу сценария положены действительные случаи. Помните, Антонио заходит в избу, где крестьянка кормит советских солдат и молча протягивает миску голодному итальянцу? Это было с писателем Стерни — он приводит эпизод в своей книге «Отступление». Кстати, вчера здесь, в Полтаве, я получил письмо от одного итальянца...

Наш разговор происходит в поле возле Диканьки.

Витторио Де Сика несколько дней назад исполнилось 68 лет. Он держится прямо, походка его легка, и полуулыбка редко уходит с лица, только меняет оттенки.

На улицах Москвы и Полтавы, где снимали «Подсолнухи», Де Сика узнавали: «А, генерал Делла Ровере...» Разговаривать с ним легко и просто, эта доступность — еще одна грань его таланта.

Камера установлена. София Лорен, Надежда Чередниченко и Гунар Цилинский ждут своего «коммендаторе».

БЛИЗ ДИКАНЬКИ

Снимает Витторио Де Сика

Весь кадр заполнен крупными желто-черными шапками подсолнухов. Как деталь картины Ван-Гога — помечают сценаристы. У кромки поля— обелиск: «Здесь похоронены итальянские солдаты, расстрелянные фашистами».

По сценарию — это первый кадр фильма. По графику съемок — последний день на Полтавщине, сцены в Москве уже отсняты, завтра группа улетает в Италию.

— Я хочу через маленькую жизнь показать большое событие, трагедию. «Подсолнухи» — мой голос против войны.

Рядом с Де Сика всегда находится человек, который обращает на себя внимание своим подчеркнутым спокойствием на площадке. Джузеппе Ротунно — главный оператор фильма. Он снимал «Белые ночи», «Ронко и его братья» и другие фильмы Висконти, «Вчера, сегодня, завтра» Де Сика и только что закончил свою работу с Феллини.

Для Ротунно, три года проведшего в немецком концлагере, фильм о прошедшей войне — в чем-то очень личный фильм: «Антонио спит, стоя в избе, набитой солдатами. Мы спали так в вагонах, которые везли нас через всю Европу в Германию, а концлагерь».

— Я работал там на пару с одним русским парнем. Мы сменяли друг друга. Разговаривать нам было запрещено, но, уходя, в уголке станка он чертил мне серп и молот. Напишите в газете. Серп и молот в уголке станка, может быть, он вспомнит и отзовется. Я хочу найти этого человека.

Ротунно возвращается к камере, меняется план. Парикмахер поправляет простую прическу Лорен.

Амплуа женщины из народа, найденное для актрисы режиссером, дало возможность в полной мере проявиться ее своеобразному дарованию. Нельзя сравнить трагическую Лорен у Де Сика с ее ролями светских красавиц в других фильмах.

— Я очень люблю Софию, но, если бы я ставил «Чочару» на собственные средства, а не на деньги продюсера, я все-таки снял бы настоящую крестьянку... «Похитители велосипедов», «Чудо в Милане», «Умберто Д.», «Крыша» были сделаны на деньги, которые я получил от своих актерских работ в чужих фильмах. Они кончились, и я вынужден был склонить голову перед продюсерами. Повторяю, я обожаю Софию, но фильмы со «звездами» — это уже уступка моим принципам времен «Умберто Д.». Меня уговаривали самого сыграть Умберто. Я не сделал бы этого так естественно, как старый профессор Карло Баттисти. После «Подсолнухов» я сниму еще один фильм с участием Софии — «Кошачий глаз» по роману Бевильаккуа. Сценарий мы с ним уже написали. А потом... Потом я смогу вернуться к временам «Шуша», «Похитителей велосипедов», к временам «Умберто Д.». Я поставлю фильм, где не будет профессиональных актеров. Это социальный фильм. Сценарий мы делаем с Родольфо Сонего. Он называется «Каникулы».

...Героиня больна туберкулезом. У нее больной муж, брат мужа живет с ними, он потерял руку при несчастном случае на производстве. Каждый день в 4 часа утра женщина едет рабочим поездом в город. Она задыхается в утреннем тумане, пропитанном копотью. А потом она попадает в санаторий в горах. Женщина хочет умереть среди слепящего снега, спокойных людей, тишины. Но она поправляется и возвращается вниз, где туман, копоть, рабочий поезд в четыре утра...

Фильм будет решен в двух цветах. Ее жизнь до санатория — кадры грязно-коричневые, как бы размытые. В горах — все ярко-белое. И снова серо-коричневое — прежняя жизнь.

Ну как?..

Вечером после съемки режиссер показал мне письмо, полученное им накануне. Я позвонила в Туапсе автору письма. С разрешения Элио Сасси и Де Сика привожу его почти полностью.

«... Я сам остался в России и благодарен русским за то, что, когда я был ранен, они спасли мне жизнь, заботились обо мне. Кроме того, я знаю несколько случаев, когда происходили события в России, которые напоминают то, о чем говорится в Вашем фильме.

...Группа раненых итальянских солдат осталась на поле боя. Русские, отбившие эту деревеньку, подобрали их, перевязали и хотели отправить в тыл. Но — контратака немцев, и советские войска вынуждены были отступить. Санитары, помогавшие итальянцам, остались с ранеными. Немцы поставили русских к стенке и начали расстреливать. Итальянцы стали протестовать. Немцы повернули оружие, они убили всех итальянцев, которые там были.

Дорогой Де Сика! Я спасся чудом, благодаря русским и надеюсь, что фильм, который Вы сейчас снимаете, послужит укреплению дружбы между двумя народами».

г. ДОЛМАТОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ПОЛТАВА

На съемочной площадке София Лорен и Витторио Де Сика Фото Г. КМИТ (АПН)

Глазами писателя

Алексей АРБУЗОВ

ИСКУССТВО ОСТАВАТЬСЯ МОЛОДЫМИ

Сейчас те, о ком я пишу, готовятся к своему первому сезону на профессиональной сцене. Речь идет о выпускниках Школы-студии имени В. И. Немировича-Данченко при Московском Художественном театре.

В студенческих спектаклях «Мизантроп» и «Женитьба Фигаро», поставленных молодым режиссером — педагогом мхатовской студии Евгением Радомысленским, я увидел ту живую стихию театра, которой так часто нам недостает и которая в конечном счете создает художественную неповторимость сценического искусства. Это было впечатление, близкое к тому, что испытывали зрители на представлении вахтанговской «Принцессы Турандот».

Пусть меня поймут правильно: я не сравниваю эти два спектакля ни по уровню режиссерского мастерства, ни по качеству актерского исполнения. Роднит их то живое общение со зрителями, когда остается нетронутым стиль старой пьесы (в данном случае это XVIII и XIX века), но вместе с тем отчетливо привносится в спектакль атмосфера сегодняшнего дня. А ведь в том и обаяние истинного искусства, что оно, не разрушая, не стилизуя драматургию прошлого, сохраняя авторскую мысль и интонацию, способно передать и время, которым мы живы сейчас.

Инерция привычности еще заставляет нас то и дело сетовать на бедность режиссерских сил в театре. Мы зовем их, ищем, а они здесь, рядом. И жаль, что критики редко пишут рецензии на дипломные спектакли. Иначе бы заговорили и о любопытном театре, который создали в этом году педагоги и выпускники мхатовской школы.

На мой взгляд, юный А. Левинский, если он, конечно, не остановится на уровне, достигнутом сегодня, через несколько лет станет интересным актером. И в «Мизантропе», и в «Женитьбе Фигаро» герои Левинского лишены архаической изысканности. Мне, зрителю, чрезвычайно увлекательно смотреть его глазами на парижского ранта прошлого века или на мальчишку-пажа.

Покорили меня и В. Радченко в почти бессловесной роли слуги в «Мизантропе», и М. Янушкевич в обоих спектаклях, и Н. Корниенко, и Е. Градова. В этом выпуске заметны и Ю. Константинов, актер вдумчивый, со своими, уже определившимися красками, и А. Васильев. Появление талантливого актера на курсе театральной школы — большое дело. Но если возник коллектив талантливых молодых художников, можно говорить о крупной победе мхатовской педагогики, о живой, развивающейся во времени преемственности: здесь нельзя не отметить больших заслуг педагогов старшего поколения — В. Маркова, А. Тарасовой, В. Топоркова, Е. Морес, В. Богомолова.

Свое отношение к миру, времени, свою творческая позиция в театральном искусстве — вот что меня порадовало в оптимистических спектаклях молодежи, воспитанной в школе Художественного театра.

Мне думается, что спектакль «Мизантроп» имеет смысл сохранить на одной из столичных малых сцен, тем более что почти все его исполнители стали актерами московских театров. Было бы непростительным расточительством ограничить жизнь этого интересного сценического произведения двумя театральными сезонами школы-студии.

И, честное слово, мы много потеряли оттого, что ребята этого интересного курса разошлись по разным театрам, не сохранили свой коллектив. Москве сейчас нужны новые театры. В огромных жилых массивах новых районов люди испытывают в этом серьезную нужду. Мне рассказывали жители этих районов, что они просто не успевают доехать до центра, чтобы попасть к началу спектаклей, и, живя в театральной столице страны, бывают в театрах куда реже, чем им хотелось бы.

К слову сказать, не понятно, почему спектакли начинаются в семь часов, если даже футбол, по сооб. ражениям удобства для жителей отдаленных районов города, назначается на половину восьмого.

Так или иначе, но театры нужны и на Юго-Западе, и в Мневниках, и в Медведкове. Людям нужен свой театр, который они любили бы, интересами которого могли бы жить. Это неотъемлемая часть бытия советского человека, столь же необходимая ему, как кинематограф, для которого строятся большие и удобные здания в новых районах. Настало время всерьез решать эту проблему. А в творческих силах мы не испытываем недостатка. Пример тому — талантливый выпуск школы-студии Художественного театра.

СЕМЬ ДНЕЙ В АВГУСТЕ...

Несмотря на широковещательные заявления американской пропаганды, агрессия США во Вьетнаме расширяется, принимая все более жестокие формы. Американские агрессоры и их сайгонские подручные продолжают свою «эскалацию варварства», несущую страдания и бедствия вьетнамскому народу. На снимке: зверская расправа южновьетнамских марионеток над патриотом.

Фото из швейцарского еженедельника «Вельтвохе»

ЗА КУЛИСАМИ ФАКТОВ

ТУЧИ НА ГОРИЗОНТЕ

В третий раз за последние шесть лет смерть, коснувшись семьи Кеннеди, меняет картину политического будущего Америки.

Не прошло и дня после того, как сенатор Кеннеди признал себя виновным в том, что покинул место катастрофы, стоившей жизни Мэри Копечне, а политические дельцы в Капитолии уже строили догадки о том, какое влияние это печальное событие окажет на судьбу демократической партии и их собственную.

Многие в стране сошлись на том, что выдвижение Кеннеди в президентские кандидаты от демократической партии в 1972 году не столь безусловно, как было раньше.

Грубый политический расчет, основанный на удаче одного за счет неудачи другого, автоматически усилил позиции по крайней мере еще трех членов демократической партии, которые могли бы претендовать на выдвижение своих кандидатур на президентских выборах 1972 года.

Бывший вице-президент Губерт Хэмфри — один из них. Он и не скрывает своего желания снова скрестить шпаги с Ричардом Никсоном. Напарник Хэмфри — сенатор Эдмунд Маски от штата Мэн — также один из тех, чье положение как возможного кандидата улучшилось в связи с инцидентом. Еще совсем недавно Маски был убежден, что его шансы равны нулю, ныне случай выдвигает его в ряды возможных соискателей президентского кресла.

Сенатор Джордж Макговерн — третий демократ из тех, чье будущее просветлело оттого, что горизонт Кеннеди заволокло тучами. В 1968 году Макговерн вступил в президентскую кампанию поздно, да и то в основном в качестве сборщика голосов тех избирателей, которые после гибели Роберта Кеннеди не могли по идеологическим или другим соображениям голосовать за Хэмфри или Маккарти. По идее, именно Макговерн и смог бы стать запасным игроком на тот случай, если сенатор Кеннеди не появится на поле битвы в 1972 году.

Однако сенатор Макговерн пока воздерживается от каких бы то ни было заявлений. Его советники решительно рекомендуют ему хранить молчание.

Многие сочувствующие Кеннеди за пределами непосредственного его окружения полагают, что несчастный случай на мосту Поча Понд и его последствия вынудят Эдварда Кеннеди уклониться от участия в выборах по крайней мере в 1972 году. Многие полагают, что он, оставшись в сенате, сосредоточится исключительно на обязанностях заместителя Майка Мэнсфилда и сенатского представителя от штата Массачусетс.

Что же касается администрации Никсона, то она никогда не скрывала, что считает Кеннеди наиболее сильным и опасным противником, и поэтому сейчас, безусловно, удвоит усилия для подыскания ему противника из числа республиканской партии, который смог бы свалить его в сенате в 1970 году, когда истечет срок его сенатских полномочий.

Чтобы быть к этому времени во всеоружии и доказать свою преданность избирателям из штата Массачусетс, сенатору Кеннеди в ближайшее время придется посвятить себя целиком делам этого штата. Полагая, что сенатор все же не откажется от своей политической карьеры, его друзья уверены, что победа в Массачусетсе в 1970 году будет для него иметь решающее значение.

Дэвид БРОУДЕР

«ИНТЕРНЭШНЛ ГЕРАЛЬД ТРИБЮН»
(США)

ИХ — ПРИЗНАНИЯ

ДРАМАТИЗИРУЮТ ВТОРОСТЕПЕННОЕ, УКЛОНЯЮТСЯ ОТ ГЛАВНОГО

«Нью-Йорк таймс» поместила статью Джеймса Рестона, которую мы печатаем с сокращениями.

Создается впечатление, что значительная часть сообщений в эти дни посвящена вещам, невозможным и не относящимся к делу. Луна и кругосветная поездка президента Никсона занимают главное место в заголовках газет, но обе эти темы кажутся далекими от реальной действительности нормальной жизни, почти что отходом от нее. Разница между «сообщениями» о том, что делают люди, и истинным состоянием человеческой жизни никогда не была более разительной.

Мыслящий читатель охвачен такими противоречивыми чувствами, как удивление и отчаяние. Он слышит и видит своего брата на Луне, а его президент во Вьетнаме говорит ему, что здешняя война — это один «из наших самых прекрасных часов». Губернатор, мэр и конгрессмен спорят о дополнительном подоходном налоге, о темпах инфляции и ценах на продовольствие, и в конце концов читатель испытывает замешательство и разочарование из-за достижения невозможного и неприятия очевидного.

Президент Никсон должен знать, что он драматизирует второстепенные вопросы и использует их, чтобы уклониться от главных проблем. Главные же проблемы связаны с бюджетом, налогами, расами, миром во Вьетнаме, Советским Союзом и разоружением. Но он в действительности ими не занимается.

Джеймс РЕСТОН

ФЕЛЬЕТОН

СЕАНС «ОТБЕЛИВАНИЯ»

Черного кобеля не отмыть добела. Сермяжная истина, кратко изложенная в этой старой поговорке, много раз подвергалась проверке. Результаты были удивительно однообразны: кобеля мыли, терли, скребли, а он — хоть тресни! — оставался черным. Тем не менее опыты «по отбеливанию» время от времени возобновляются. Не переводятся любители, которые вновь и вновь приступают к делу: а вдруг все-таки получится?

Нынче новейшие моющие средства пущены в ход в ФРГ. Там сейчас происходит затянувшийся сеанс политического «отбеливания»: боннские энтузиасты, засучив рукава, пытаются смыть с облика неофашистской национал-демократической партии (НДП) густо-коричневый цвет.

Известно, что в эту мойку включились некоторые ведущие деятели ХДС — партии правительственной коалиции, в частности канцлер Кизингер и председатель бундестага фон Хассель. Оба они высказались в том смысле, что НДП — это вовсе не неонацистская партия, а милое собрание весьма почтенных людей. Известно также, какой негодующий отклик — и в самой Западной Германии, и за ее границами — вызвали их заявления.

Нельзя сказать, чтобы боннскую верхушку уж очень всполошила отрицательная реакция, последовавшая за излишне откровенными высказываниями. Но все же в воздухе запахло разъяснениями и уточнениями. Из набежавшей тучки выпал слабенький дождь словесной казуистики.

«Дейче велле», официозное западногерманское радио, обращаясь к зарубежным слушателям, передало:

— *Господа, господа, вы не поняли! Ах, вас ввели в заблуждение крупные газетные заголовки! Да, господин Кизингер и господин фон Хассель беседовали с журналистами. Но что сделали журналисты? Они представили дело так, будто глава федерального правительства и председатель бундестага хотели оправдать правый радикализм, сконцентрированный в НДП. Фи, как невежливо! И вообще разве сейчас, перед лицом надвигающихся выборов в бундестаг, подходящее время для таких разговоров? Только поверхностные обозреватели в Германии, и особенно за границей, называют НДП неонацистской партией. Конечно, нет сомнений, что руководство НДП движимо духом нацизма. Но оно лишь осторожно осмеливается намекать на это. Нужно смотреть глубже! Только треть членов и избирателей НДП, не больше — упрямые нацисты, остальные — заблудшие овцы. Именно их, а не руководство НДП подразумевали господа Кизингер и Хассель...*

И так далее — виляния в том же духе.

Английская газета «Гардиан» в статье «Коричневые рубашки отстирываются добела» пишет: «Пусть коричневорубашечники Адольфа фон Таддена делают, что хотят, заявляет ХДС, неправильно клеймить НДП как неонацистскую партию...» Цель ХДС ясна. Тем избирателям, у которых может возникнуть соблазн голосовать за национал-демократов, говорят: «Мы прекрасно понимаем, в чем заключаются ваши проблемы. Мы считаем вас людьми достойными, и нам непонятно, почему вы не голосуете за нас, когда мы не менее национальны, чем НДП!..»

Из всякого свинства, говорят немцы, можно вырезать кусочек ветчины. Это и пытаются сделать лидеры ХДС.

Закончим тем, с чего начали: черного ли, коричневого ли кобеля не отмыть добела.

А. МИШИН

ИЗОПЕРИСКОП

Тяжелые времена мосье Франка...
«Экспресс» (ФРАНЦИЯ)

Решение правительства Франции о девальвации французского франка приведет к ухудшению положения трудящихся.
(Из газет)

«Миролюбивые» заявления не мешают Вашингтону продолжать поставки оружия и военного снаряжения в страны Латинской Америки.
(Из газет)

«Ведь мы только помочь хотим...»
(На чемодане надпись — США: торговля оружием, латиноамериканский отдел).
«Геральд трибюн» (США)

Рост преступности, неприкрытый гангстеризм стали непременным спутником так называемого общества «равных возможностей».
(Из газет)

— К сожалению, касса абсолютно пуста. Вы сегодня уже третий.
«Вельт» (ФРГ)

КОЛОНКА ЗА КОЛОНКОЙ

ПРЕДВЫБОРНЫЙ ИНСТРУКТАЖ

Реваншистский «Союз изгнанных», ежегодно получающий от западногерманского правительства субсидию в сумме более 300 тысяч марок, активно включился в предвыборную кампанию. Чтобы добиться угодного ему состава бундестага, «Союз» создал специальный «комитет по подготовке и выборам в бундестаг 1969». Комитет разослал местным представительствам «Союза» подробную инструкцию, в которой точно указано, за кого должны и не должны голосовать «изгнанные». Отрывки из этого документа напечатал журнал «Шпигель».

«Изгнанные должны приложить все усилия к тому, чтобы в будущем бундестаге не получила большинства «партия признания» (имеются в виду сторонники нормализации отношений с ГДР), — гласит первый же пункт первого раздела инструкции.

Далее даются подробные объяснения. В пункте третьем указано, что «изгнанные» ни в коем случае не должны отдавать голоса за тех, кто выступает за признание ГДР в качестве «самостоятельного немецкого государства», кто рекомендует отказаться от территориальных притязаний ФРГ («от германских территорий на Востоке») и признать границу по Одеру—Нейсе, кто «не признает или считает несправедливым мюнхенское соглашение».

В разделе втором говорится о необходимости «немедленно» приступить к проверке выставленных по каждому округу кандидатов с точки зрения их отношения к «делу изгнанных». В случае отрицательного результата — «предостеречь» от выбора этих лиц. Кроме того, в избирательных округах, где кандидатами оказались подобные лица, следует формировать группы «активных и способных вести дискуссии людей» («окружные избирательные команды»), дабы те сопровождали кандидата в предвыборных поездках и срывали его выступления.

«ШПИГЕЛЬ» (ФРГ)

■

ЛУННЫЙ БУМ

Америку охватил «лунный бум». Витрины магазинов, реклама, товары широкого потребления, игрушки, книги, моды — все это посвящено космической теме. Спекулируя на ней, предприимчивые дельцы стараются выжать как можно больше денег у обывателей.

Авиационная компания «Пан Американ» начала даже запись желающих совершить экскурсию на Луну. Около 20 000 американцев, поспешивших записаться на очередь, пока что вполне удовлетворены врученной им карточкой с номером, — лучшей рекламы для своих «земных» рейсов «Пан Американ», пожалуй, и не придумает. Не отстает и акционерная компания «Хилтон-отель корпорейшн». На полном серьезе она заявила о своем намерении соорудить гостиницу на Луне, как только там наберется «достаточное количество» космонавтов. Есть уже и план строительства: трехэтажное здание «Лунар отеля» будет заложено на десять метров ниже поверхности Луны, на втором этаже будет сто комнат для приезжающих, на третьем — гостиные, ресторан и бар с окнами в потолке, чтобы дать туристам возможность любоваться небосводом. Пище будет готовиться из обезвоженных свежезамороженных продуктов. А поскольку экскурсантам, очевидно, придется проводить большую часть времени в баре — по мнению специалистов, прогулки по Луне «натренированному» человеку будут не под силу, — немалое внимание уделено обеспечению лунного бара алкогольными напитками. В проспекте детально описывается, как бармен, заполнив стакан смесью дистиллированной воды и чистого спирта, бросит туда пилюлю, которая придаст напитку вкус виски, джина или коктейля. Одним словом, продумано все. Нерешенной, по словам президента «Хилтон-отель корпорейшн», осталась лишь незначительная техническая деталь — «проблема доставки отеля в космос».

Решения этой проблемы, оказывается, с нетерпением ожидают не только американские бизнесмены. На днях на имя президента Никсона пришло письмо, копия которого была одновременно направлена прессе. Муниципалитет южноитальянского городка Анджерола, близ Неаполя, просит правительство США помочь его жителям переселиться на Луну. Причина такой необычной просьбы — катастрофическое положение с жильем в городе и полное безразличие римских чиновников к многочисленным просьбам населения о помощи.

«НБИ»
(ГДР)

■

«БАШНЯ СВЕТА»

Вскоре в столице Франции появится новое оригинальное сооружение — «Башня света». Автор проекта, французский художник Никола Шёффер, называет свое детище произведением «кибернетического искусства». «Башня высотой 322 метра, диаметром —60 метров, — рассказывает он,—будет воздвигнута на площади Обороны. Это ажурная стальная конструкция, на которой крепится 260 зеркал, вращающихся с разными скоростями. Внутри башни будет установлено 3 000 разноцветных прожекторов и более 2 000 юпитеров. Электронные устройства будут воспринимать информацию о жизнедеятельности Парижа (сведения о температуре воздуха, интенсивности уличного движения, скорости ветра, освещении, положении дел на бирже, загруженности телефонной сети и т. д.). В соответствии с полученной информацией будет меняться цвет, световой ритм, скорость вращения башни, создавая всякий раз неожиданный эстетический эффект».

«ЭКСПРЕСС»
(ФРАНЦИЯ)

ПРЕСС-БЮРО 200 СТРОК

Ганс ВОЛКЕР

ПОД ВЫВЕСКОЙ «ИНТОРА»

Небольшая малоприметная табличка у входа в красивое здание на Вебгассе, 43 в Вене. «Интора» — изучение конъюнктуры рынка и сбыта. В сверхмодерном бюро нас встречает шеф фирмы—Хельмут Айгнер, человек среднего роста, лет 30. Для начала мы заводим разговор о проблемах сбыта, но шеф тут же сообщает нам, что «Интора» занимается попутно и «изучением общественного мнения», да и вообще, как вскоре выясняется, основная деятельность фирмы сосредоточена в совершенно иной области.

ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАЙНУ

Но прежде чем получить доступ к тайнам «Инторы», мы должны письменно ответить на целый ряд вопросов: фамилия, возраст, адрес, номер телефона, образование, профессия, какими языками владеем— три мелкоисписанных листа. Правильность ответов подтверждается подписью, — очевидно, все это будет тщательно проверяться; сомнительные в политическом отношении лица не должны получить доступ к кормушкам «Инторы». Еще одна обязательная предпосылка — знание одного из языков стран Восточной Европы.

Шеф сообщает нам, что если мы станем сотрудниками «Инторы», нашей задачей будет устанавливать «контакты» с приезжими из социалистических стран, «выяснять их мнения по определенным вопросам, касающимся этих стран». О том, как проводить такие опросы, мы сможем узнать из обширного информационного материала. Оплата очень выгодная. К тому же перед каждым сотрудником открываются большие возможности и перспективы лучшей оплаты, но об этом, по словам шефа, говорить еще преждевременно.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

К сотрудникам предъявляется настоятельное требование своевременно извещать бюро о каждом «интервью». Для этой цели в бюро существует специальное устройство, которое в любое время, даже если в бюро никого нет, принимает по телефону сообщение и записывает его на пленку. Агент должен заранее указывать свое имя, точное время и место встречи, в противном случае гонорар ему не выплачивается. Это позволяет Айгнеру и его людям контролировать «интервью», но кроме того дает им возможность при желании лично познакомиться с опрашиваемыми лицами.

Мы, как бы между прочим, задаем вопрос, кто же финансирует все предприятие. «Уж, конечно, не Восток»,— отвечает нам шеф. В этом мы и не сомневались. Достаточно было взглянуть на анкеты с сохранившимися кое-где надписями на английском языке.

ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ЛЮБОПЫТСТВО

«Интора» интересуется всеми, кто привезжает в Австрию из социалистических стран, будь то на отдых, на лечение, просто проездом, по личным или служебным делам. Особый интерес вызывают венгры, поляки, болгары, румыны, но в первую очередь — чехи и словаки. Обязательное условие — не более чем трехмесячное отсутствие из своей страны и намерение снова вернуться на родину. Последнее обстоятельство шеф считает особенно важным. Для чехов и словаков существует еще одна предпосылка — их можно опрашивать только в том случае, если они выехали из ЧССР «после замены Дубчека Гусаком».

Безмерное любопытство «Интора» проявляет к самим «опрашиваемым лицам». Сотрудник обязан заполнить на них объемистую анкету и точно указать местожительство, семейное положение, религиозную принадлежность, цель приезда в Австрию. Анкета состоит из главной и специальной частей (в последнюю то и дело вносятся изменения), а также «статистических данных» и занимает 24 страницы. «Сотрудников» призывают точно придерживаться полученных «указаний, инструкций и предписаний» даже а том случае, если они и «представляются непонятными».

Вначале «интервью» носит довольно общий характер: нравится ли приезжему в Австрии, часто ли он бывал на Западе, что он считает «самым важным в жизни» (любовь, здоровье, карьеру, свободу) и т. д. Затем агент переходит к делу: изменился ли за последнее время жизненный уровень опрашиваемого, как он оценивает политическое положение в своей стране, слушает ли западные радиостанции? Здесь, собственно, и начинается главная тема опроса: какие программы (политические, музыкальные, спортивные) и передачи каких иностранных радиостанций он предпочитает слушать, на каком языке, сколько раз в день, какая из них, по его мнению, лучше всего информирует о «политических событиях» в его стране, каким пользуется радиоприемником?

ЧТО ИНТЕРЕСУЕТ «СВОБОДНУЮ ЕВРОПУ»

Особое внимание уделяется слушателям радиостанции «Свободная Европа», с которой у «Инторы», очевидно, существуют тесные связи: нравятся ли передачи, как часто их слушают (если не слушают, то почему), считают ли содержание их достоверным. На какой длине волн и в какое время эту станцию легче всего принимать. Аналогичные вопросы, но в значительно меньшем количестве ставятся и в отношении «Голоса Америки», Би-би-си и «Радио Вены».

В заключение задается несколько общих вопросов политического характера. Например: если бы в стране были «свободные» выборы, за какую бы партию голосовал интервьюируемый. В зависимости от ответов делается вывод о политических настроениях опрашиваемого: если ответы носят реакционный характер, то он особенно пригоден для «сотрудничества». Ставится также и вопрос о том, как он относится к коммунизму.

Гражданам ЧССР посвящена, кроме того, и «специальная часть вопросника», имеющая в анкете — что весьма показательно — английский заголовок: «Special Czech-Slovak Questionnaire» —«Специальная чехословацкая анкета».

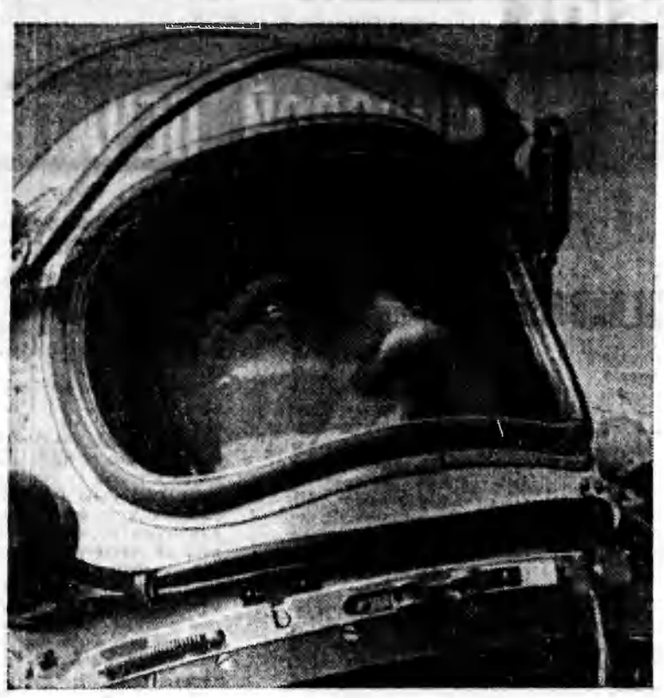
Здесь агенты «Инторы» выведывают у своих жертв, к каким двум-трем чехословацким деятелям — независимо от занимаемого ими в настоящий момент положения — они испытывают наибольшее доверие. Если в ответ называется имя Гусака, следует вопрос, насколько велико это доверие («полное», «почти во всех отношениях», «ограниченное»).

Следующие вопросы относятся к программе действия КПЧ, к современной ситуации в ЧССР («Что, по вашему мнению, в настоящее время хуже всего в Чехословакии?»).

Затем агенты снова переходят к передачам «Свободной Европы». Их интересуют главным образом вопросы: «Какое значение вы придаете передачам «Свободной Европы» в настоящий момент?», «Примерно с какого момента или после каких событий передачи «Свободной Европы» стали особенно полезными и необходимыми?» и т. д.

Все это показывает, какая видная роль принадлежит радиостанции «Свободная Европа» в поджигательской и подрывной деятельности, проводимой империалистической разведкой против социалистических стран.

«ФОЛЬКСШТИММЕ»
(АВСТРИЯ)

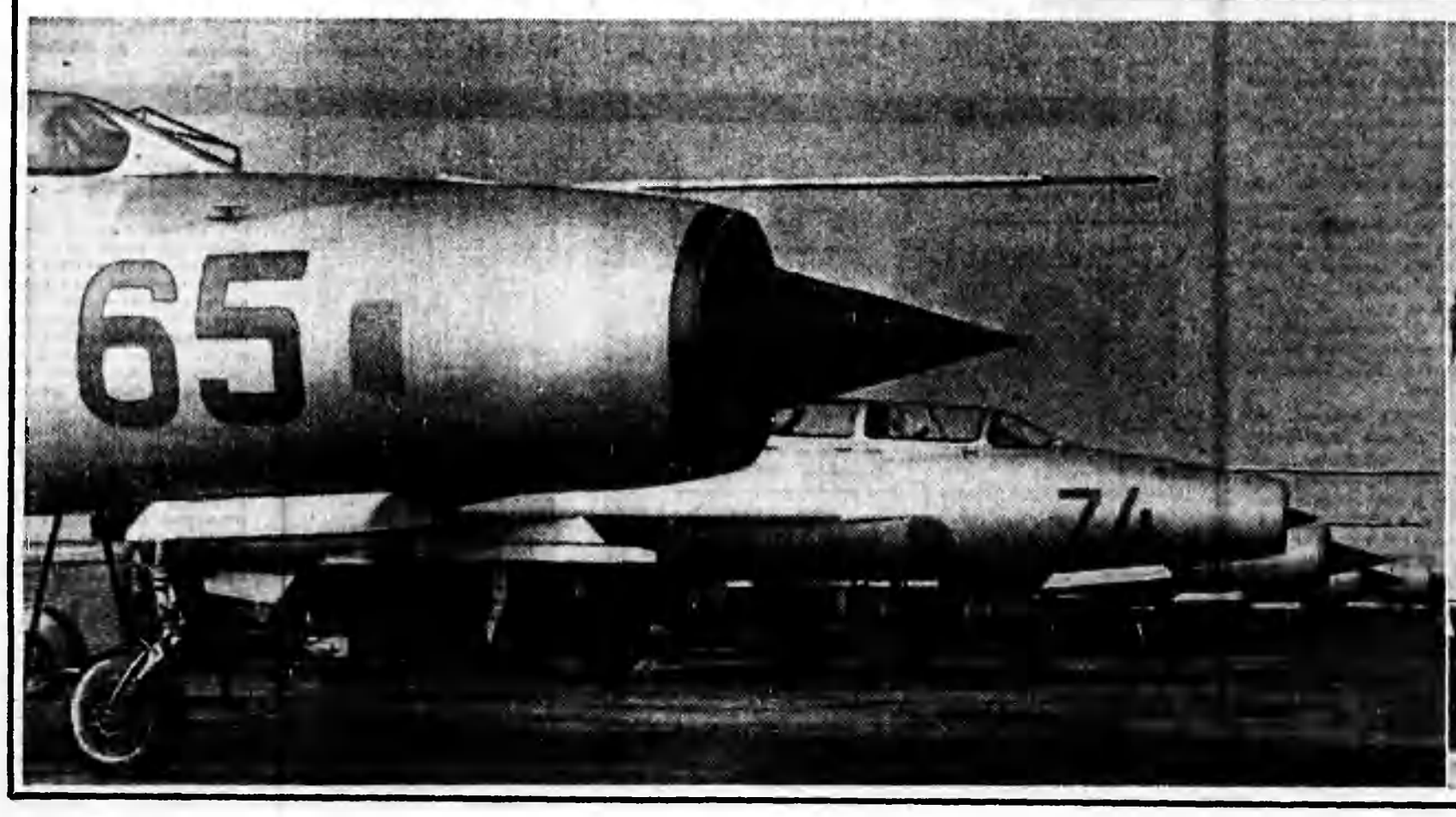

18 АВГУСТА — ДЕНЬ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА СССР

Фотоочерк специального корреспондента «Литературной газеты» А. ЭЗЛЯНА

ИСТРЕБИТЕЛИ

У НАШЕГО друга огромная библиотека. На почетном месте — «Одиссея» Гомера. Он часто перечитывает ее, знает наизусть многие строфы, ибо считает, что в ней заключен древний опыт мира.

Михаил Михайлович Громов, подобно Чкалову, подобно другим рекордсменам тридцатых годов, был сенсацией тех лет. Потом появились другие сенсации. Одна сенсация вытесняла другую. Громов остался Громовым. Ибо Громов — эпоха, Громов — летная биография страны.

Да, Громов был сенсацией тридцатых годов, но нет большего врага сенсаций, чем Громов.

Конечно, у каждого есть свой рекордный полет — вершина достижений. У писателя, актера, летчика, рабочего...

У Громова это был знаменитый, известный на весь мир перелет из Москвы в США через Северный полюс.

Мы и сейчас словно воочию видим, как тяжело, словно нехотя начал разбег перегруженный «АНТ-25». Казалось, не хватит взлетной полосы. Но толчки постепенно становились мягче, легче. И вот машина в воздухе.

Критический момент наступил над Землей Франца-Иосифа. Самолет влетел в стену облаков. Стекла кабины сразу стали матовыми, а затем побелели. Передняя кромка крыла обледенела.

Мы особенно тревожились еще потому, что Громов перед своим полетом принял решение демонтировать аварийные противопотопляемые устройства, чтобы увеличить запас горючего на 500 килограммов. Он хотел не только перелететь через Северный полюс, но и установить мировой рекорд дальности полета. Но риск, естественно, возрастал неизмеримо. Вся страна ждала у репродукторов.

И вот С. А. Данилин передал в штаб перелета: «Проходим Северный полюс!..»

...За день до полета на аэродроме разгорелся спор: нужен ли последний пробный полет? Мнения разошлись. Громов настоял — нужен!

— После взлета, через полторы-две минуты, — вспоминает Громов, — я заметил, что температура воды, охлаждающей двигатель, вдруг начала расти. Я проверил рычаг регулировки — он был в правильном положении. Температура росла быстро, и, когда она дошла уже до 95°, я выключил мотор и удачно спланировал на аэродром. Причина, как выяснилось, была самой простой: один из болтов металлических тяг, соединяющих рычаг регулировки температуры воды с жалюзями, перекрывающими радиатор, переломился. Если бы я не сделал этого последнего полета, то после взлета с полным весом вода бы мгновенно закипела, мотор заклинило и, так как в это время высота полета не превышала бы 70 метров над землей, мы неизбежно разбились бы и никто бы не смог определить причину катастрофы.

Болт был заменен. Самолет был заполнен горючим на полтонны больше, чем у Чкалова, и вечером поставлен на взлетную полосу.

...Покуда Громов, Юмашев и Данилин летят, полистаем страницы летной Одиссеи Михаила Михайловича.

Полковник Петр Александрович Соколов рассказывает, как в годы войны он однажды подлетел к аэродрому, где дислоцировался *штаб 1-й воздушной* армии.

— Еще с воздуха вижу на аэродроме лошадь. Не верю своим глазам. Приземлившись, иду в штаб — и что же? Из окна протягивается рука командующего 1-й воздушной армией генерал-лейтенанта М. М. Громова, и лошадь с его ладони ест сахар. Заметив мое удивление, Михаил Михайлович пояснил, что лошадь *не только отличный «индивидуальный транспорт» в* условиях бездорожья — езда верхом помогает ему сохранять спортивную форму.

Всю жизнь Громов занимался спортом — гимнастикой, легкой атлетикой, плаванием, парашютизмом, боксом, тяжелой атлетикой, конным спортом, фехтованием, охотой, рыболовством. Громов стал одним из самых сильных людей в нашей стране. В 1923 году он завоевал звание чемпиона страны по штанге в тяжелом весе.

Почему мы говорим о Громове-спортсмене? Потому, что если б не эта его черта, Громов просто не дожил бы до своего рекорда.

В середине двадцатых годов самолет, который он испытывал, не вышел из штопора. Громову пришлось спасаться с парашютом. Казалось бы, дело привычное. Встать коленями на сиденье либо сесть на борт, а потом вывалиться наружу. Но центробежная сила так прижимала летчика к сиденью, что потребовалась вся его огромная физическая сила, вся натренированность, чтобы преодолеть эту силу, победить смерть. Это был первый в СССР прыжок из штопорящего самолета.

Громов испытал 25 систем самолетов и летал на 55 типах машин.

В 1925 году Громов совершил великий для того времени перелет из Москвы в Пекин и Токио. Тысячи километров по неизведанным воздушным маршрутам. Подумать только, в пути не было даже метеорологической службы! Для полета в облаках не было надежных приборов (кстати, именно Громов впервые испытывал эти приборы, когда они появились). Не было запасных аэродромов на случай вынужденной посадки. И когда под Улан-Батором погода стала преградой полету, самолет приземлился вне аэродрома.

Летчики останавливались в городах Монголии, Китая и Японии, проводили митинги. Громов и его товарищи были первыми летающими агитаторами Советской власти.

Как пригодилась тут многосторонняя одаренность Громова: он знаток русской литературы, на память декламирует Пушкина, Лермонтова, Гоголя, знаток музыки, завсегдатай консерваторий. Счастлива страна, когда ее агитаторы — такие люди.

Труден был перелет Москва — Пекин — Токио, но какую великую службу он сослужил Советскому государству, которое только выходило на воздушные просторы мира!..

Наверное, немногим известно, что Громов — профессор аэродинамики, что он ученик Жуковского. Он провел глубокие исследования в области психофизиологии труда летчиков-испытателей, основанные на материалистических концепциях Сеченова и Павлова. На чем же Громов как ученый концентрирует наше внимание? На начальном периоде жизни человека, когда закладываются зачатки трудовых навыков. Громов наблюдает за первыми шагами школьников. Тут ему интересно все: как школьник берет ручку, как макает перо в чернильницу, отчего у одного полно клякс вокруг чернильницы и в тетради, а у другого клякс вовсе нет. Громов присматривается, как сидит школьник, какая у него тетрадь — аккуратная или из лоскутков. Потому что привычка к неаккуратности, к разбросанности позднее, если эти люди приходят в авиацию, оборачивается поломками, катастрофами, жертвами.

Громов анализирует аварии в своих работах и лекциях. Он последовательно проводит свои идеи на практике, добиваясь в каждом случае, чтобы люди не прятались от ответственности и не сваливали на то, на что легко свалить.

Однажды, когда Громов был руководителем летно-исследовательского института, он вызвал летчика, который нарулил самолет на стремянку. Летчик обстоятельно объяснил, почему так получилось. «Солнце било в глаза... Не было механика, который бы показывал, куда рулить... Рулил по ветру». Словом, перечислял множество причин, из которых выходило, что он, летчик, не виноват.

Громов не отпустил летчика до тех пор, пока тот не убедился в том, что все это — отговорки, что, действуя по правилам, он остался бы хозяином обстановки, а не стал бы ее «жертвой».

Это самый простой, можно сказать, элементарный случай. Куда сложнее, когда происшествие случается в воздухе, если у летчика не хватает объема внимания, он не замечает, скажем, красной лампочки и садится с невыпущенными шасси или неправильно реагирует на сложные обстоятельства, которые порой приводят его к гибели.

У Громова немало работ, которые рассматривают проблемы надежности и качества труда всех авиационных специалистов. На недавней конференции Громов выступил с новым исследованием о том, как в наше время нужно «учить» летать самолеты самых различных систем.

Тут-то уж М. М. Громову, что называется, и карты в руки. Как известно, Громов не только испытывал авиационную технику — от легендарных «ПО-2» и «Максима Горького» до современных машин,— но ему принадлежат и такие сложные исследовательские полеты, как рекордный полет по замкнутому кругу. Этим полетом М. М. Громов внес значительные поправки в конструкцию нового типа самолета, помог усовершенствовать его. Громов настолько был уверен в этой машине, что произвел даже любопытный психологический эксперимент — он поднял в воздух всю семью генерального конструктора А. Н. Туполева.

Исследование, анализ, обобщение опыта — доминирующая черта Громова. Он не переставал быть исследователем и на войне, когда командовал 3-й, а затем 1-й воздушной армией. В составе одной из этих армий действовал полк «Нормандия—Неман». Громов координировал боевые действия французских и советских летчиков, за что удостоен высшей награды Франции — командорского креста ордена Почетного Легиона.

Исследовательский огонь горит в Громове и поныне, когда мы уже отметили его 70-летие.

...Рекордный полет М. М. Громова через Северный полюс шел блистательно. Вскоре под самолетом «АНТ-25», пересекшим полюс, появилась Канада — тайга, река Макензи, Медвежье озеро, еще покрытое льдом. Скалистые горы были последней опасностью, подстерегавшей экипаж. Обледенение на высоте 6 000 метров вывело из строя радио и почти все приборы, но Громову удалось пробиться к океану.

В Москве волновались уже не о том — долетит ли Громов. Беспокоились о другом — не залетит ли он, желая максимально увеличить дальность полета, на территорию Мексики, с которой в то время не было дипломатических отношений.

Присутствовавший в штабе перелета командующий ВВС Красной Армии командарм II ранга Я. Алкснис с уверенностью сказал:

— Это Громов, он все учтет и нарушения не допустит.

А «АНТ-25» меж тем действительно достиг мексиканской границы. Самый дальний, последний по курсу американский аэродром был закрыт туманом. Громов выбрал для посадки пастбище. Прогнал телят шумом мотора, пройдя над ними на бреющем. И благополучно приземлился. Последние тринадцать часов он управлял самолетом сам, сменив своего второго пилота Юмашева.

Экипаж «АНТ-25» установил два мировых рекорда дальности — по прямой линии 10 148 и по ломаной — 11 500 километров.

Когда Громов, Данилин и Юмашев были на приеме у Ф. Д. Рузвельта, президент США сказал: «Десять лет дипломатических отношений не могли бы сделать столько для сближения наших народов, как ваш полет».

Мы лишь бегло перелистали летную Одиссею выдающегося летчика мира. Очерк — не книга. Будем надеяться, что такая книга появится...

Валентина ГРИЗОДУБОВА,
Алексей СПЕКТОРОВ

ВСЕГДА В ПОЛЕТЕ

Михаил Михайлович Громов... Кто не знает этого имени! Выдающийся летчик, герой мирного и военного неба, воспитатель нескольких поколений крылатых, ученый, спортсмен...

О Герое Советского Союза генерал-полковнике авиации запаса М. М. Громове рассказывают, по просьбе «ЛГ», его друзья.

Жизнь провинции

ЧТОБ НЕ ПРЕРЫВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН...

В САМИХ НАЗВАНИЯХ СТАРИННЫХ ГОРОДОВ — ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ НАРОДА. КАК СБЕРЕЧЬ В НИХ ПРИМЕТЫ ИСТОРИИ, ИХ СВОЕОБРАЗИЕ, СООТНОСЯ ЭТО С ТРЕБОВАНИЯМИ СОВРЕМЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА?

В ПУБЛИКУЕМОЙ СТАТЬЕ — НЕСКОЛЬКО НАСТОЯТЕЛЬНЫХ СОВЕТОВ АРХИТЕКТОРАМ.

Виктор АНДРИЕВСКИЙ

В ДАЛЕКОМ прошлом это место называлось Лужники, или просто Лужицы. Название Лужицы, видимо, произошло оттого, что здесь задерживались вешние воды...

Поэтично звучит эта неторопливая информация в путеводителе по древнему Угличу... Но дальше она приобретает несколько драматический оттенок. Книга напоминает нам уже не о далеких временах, а о недавних, когда было еще то, чего сейчас уже нет: «Здесь до 1963 г. стояла церковь Параскевы Пятницы»...

Разобрали Параскеву для хозяйственных нужд, а проще — на кирпич. Это уже рассказал мне главный архитектор города В. М. Басов. К слову сказать, должность эта учреждена здесь всего четыре года назад, и, видимо, одна из причин, побудивших иметь здесь главного архитектора,— желание уберечь город от прискорбных инцидентов, подобных тому, что произошел в Лужицах.

Что и говорить, за последние годы многое переменилось, и бесхитростное отношение к старинному сооружению как к находящейся под рукой каменоломне стало теперь весьма редкостным. Напротив, на реставрацию, пополнение памятников древности расходуются огромные средства, и это одно из знамений нашего времени. В том же Угличе одеты в леса купола Иоанна Предтечи, любовно, по камешку собираются утраченные детали Воскресенского монастыря.

Однако, побродив по улицам Углича, убеждаешься, что сам город с его неповторимым ландшафтом еще не стал предметом бережного охранения — для настоящего и для будущего. И дело даже не в том, что, например, знаменитый дом Воронихиных оказался на задворках безликого пятиэтажного корпуса, хотя гражданская деревянная постройка конца XVII века обязывает к большей чуткости. Досадно, что возводимые в наши дни сооружения не всегда вписываются в исторический ансамбль, ломают и обезличивают его. А ведь именно это складывавшееся веками своеобразие и есть главная достопримечательность старинного поселения.

Другим малым древним городам, не таким прославленным, как Углич, и не ставшим музеями, подобно Суздалю, часто приходится и того хуже. Нет, сегодня вряд ли у кого поднимется рука на очередную Параскеву Пятницу, а если и поднимется, то можно не сомневаться, что его вовремя одернут. Но вот безвкусно перепланировать сетку улиц, надстроить на два этажа ампирный особняк, лишить город только ему присущего обаяния, непохожести на все остальные, к сожалению, еще никому не возбраняется.

Безусловно, имеют право на жизнь «неприкасаемые» города-заповедники с их специфическим благоустройством и туристским сервисом. Но и каждый нормально функционирующий и разносторонне развивающийся древний город — будь то в России, на Украине или в Средней Азии — тоже представляет непреходящую культурно-историческую ценность. Это тоже своего рода — причем часто уникальные — Суздали, и они заслуживают внимательного обращения, даже если небогаты неоспоримыми архитектурными шедеврами или реликвиями прошлого. И об этом нельзя забывать и авторитетной местной администрации, и строителям.

Итак, хотелось бы по возможности сохранить не только особо чтимые древние города, но и скромные Касимов и Осташков, Мышкино и Шахрисабз, Шаргород и Тотьму. Но не вступают ли в противоречие структура и сам характер поселения давно минувших времен с рядом социальных, экономических и инженерных требований, предъявляемых современному «живому», а не музейному городу? Истины ради согласимся, что порой вступают. И тогда следует признать — задачи, которые приходится решать проектировщикам, занимающимся их реконструкцией, совсем не из простых. Если им, разумеется, при этом не безразличен поэтический облик древности.

Выступления в защиту «мудрой старины» иногда превращаются в односторонние критические эскапады по адресу архитекторов. Что же, упреки общественности во многом справедливы, поэтому и в разговоре об охране памятников, но уже не в масштабе отдельного сооружения, а целого города мы тоже не осмелились совсем отказаться от этой традиции. Однако наведаемся и по другую сторону барьера, полюбопытствуем, как живется и работается людям, которые по долгу службы создают планы омоложения старых городов.

КАКУЮ историко-архитектурную информацию получают проектировщики относительно намечаемого к реконструкции города? В лучшем случае сведения о десятке находящихся под государственной охраной памятников. О рядовой же застройке, которая, собственно, определяет колорит и неповторимость города, им ничего неизвестно. Почему?

Да потому, что эта застройка, о сохранении которой мы так печемся, по существу, не изучена и никогда не изучалась. У проектных же мастерских, ограниченных строгим режимом хозрасчета, нет ни времени, ни средств, ни специалистов для проведения довольно значительной по объему работы — определению достоинств и классификации этой застройки.

Можно ли в таком случае всерьез говорить о защите чего-либо, когда не знаешь, что защищаешь?

По мнению известного ученого, доктора архитектуры В. А. Лаврова, необходимо организовать в Москве или Ленинграде специализированные мастерские по реконструкции малых древних городов, укомплектовав их искусствоведами и реставраторами, выработав для них новый статус. Другие считают, что при уже существующих научно-реставрационных мастерских следует создать планировочные группы. Зато ни у кого не вызывает сомнений, что, только оценив со всей научной и художественной объективностью каждое здание города, выявив его композиционные связи со средой, можно садиться за ватман.

При этом одновременно не мешает подумать и о возможностях современного активного использования старых зданий. Разумеется, сохранение, скажем, Княжеского дворца или «Дивной» церкви в Угличе не обусловливается их утилитарностью. Зато для сооружений, не обладающих столь очевидными эстетическими достоинствами, их практичность оказалась бы не лишним подтверждением права на существование.

В московском «Гипрогоре» я познакомился с В. Е. Барским, главным архитектором проекта детальной планировки центра Костромы. Работа его группы была признана лучшей на закрытом конкурсе, который провел Костромской облисполком. Сам по себе факт проведения подобных конкурсов — явление довольно редкое и малых городов совсем не коснувшееся. Однако главная трудность, с которой пришлось столкнуться проектировщикам, возникает при реконструкции древних городов вне зависимости от их величины — это отсутствие научно обоснованной методики включения новой застройки в сложившийся исторический массив, сочетания наследия различных эпох и стилей с новыми архитектурными мотивами.

— Многое приходилось решать интуитивно, на свой страх и риск, — рассказывал Владимир Евгеньевич. — Например, нам казалось, что в том или ином месте следовало разобрать отжившую свой век рухлядь и создать парковую зону. Но, может быть, это решение было неверным — то, что нам представлялось рухлядью, заслуживало тщательного восстановления, а намечаемая парковая зона, наоборот, будет создавать неблагоприятную ситуацию для восприятия близко расположенного памятника? Или трассировка транспортных магистралей, перенесение в новое место общественного центра города, создание новых высотных доминант... Критериев нет, оценки субъективны, поэтому когда мы взялись за проект Костромы, то слышали сочувственные реплики коллег: «Лучше не связывайтесь, затюкают со всех сторон».

Для некоторых это, вероятно, покажется неожиданным, но науки о реконструкции и развитии исторических городов до сих пор не существует. Правда, к разработке некоторых вопросов, но в чисто искусствоведческом аспекте, наконец, приступил Институт истории, теории и перспективных проблем советской архитектуры, реставрационные мастерские изучают возможности консервации и восстановления памятников. Но живой организм города для проектировщика — это целый комплекс проблем. И чисто урбанистических, и социологических, и демографических. Например, кто может с уверенностью утверждать, к каким последствиям приведет избрание архитектором той или иной планировочной схемы? Вообще-то, интуиция — неплохая вещь. Но только строгий научный анализ и расчет могли бы подсказать проектировщику правильные конкретные решения, а заодно и удержать от скороспелых суждений.

Специалистам виднее, что целесообразнее — создать ли единый научно-исследовательский центр или поручить разработку вопросов реконструкции разным учреждениям, каким-то образом, разумеется, координируя ее. Ясно одно — научная методика нужна немедленно, практики ее ждут.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ строительства, стремительный рост городов и возникающая в связи с этим опасность для национальных культурных богатств сегодня стали проблемой разных стран и континентов.

Разумеется, частная собственность на землю и на то, что на ней построено, неуемное желание выжать сверхприбыль не очень благоприятствуют сохранению памятников, если только это не широко разрекламированные для привлечения туристов уникумы.

Преимущество зодчих нашей страны и архитекторов социалистических стран совершенно очевидно. У наших друзей накоплен замечательный опыт по включению памятников в современную застройку, по развитию городов в духе органической преемственности их облика. Особенно внимательно оберегаются панорама и силуэт тех городов, которые сохранили яркую самобытность. При этом немалую пользу в обмене идеями, выборе наиболее оптимальных реконструктивных вариантов приносят открытые, а зачастую и международные конкурсы. Возможно, и нашему Союзу архитекторов, Госстрою СССР стоило бы подумать о проведении подобного соревнования хотя бы на уровне эскиза реконструкции какого-нибудь из небольших старинных городов. Ведь в редких конкурсах типа костромского участвуют каждый раз 5—6 одних и тех же организаций, и архитекторы, как говорится, варятся в собственном соку. Стоит ли сомневаться, что и зодчим Польши или Венгрии было бы весьма лестно предложить свою концепцию преображения, скажем, Тутаева или Валдая. Сколько любопытнейших и неожиданных решений могло бы обнаружиться!

...ПОЧТИ как в московских Лужниках звенит футбольный мяч на месте давно уже высохших угличских Лужиц. На пробитые двуколками, протоптанные прадедами дороги ложится асфальт, дымят фабричными трубами бывшие пустыри окраин. И неоновые лампионы весело разгоняют ночную мглу, нависшую над древними, как мир, городами. Но каждый камень, каждый резной наличник этих городов тихо излучает и другой, несказанный свет — тепло Отчизны. Сделаем же все, чтобы сохранился этот свет и для нас, и для поколений, которые придут вслед за нами.

КОСМИЧЕСКИЙ корабль облетает планету за полтора часа. Самолет доставляет пассажиров из Москвы в Хабаровск за восемь часов. Тем не менее давайте поговорим о железных дорогах.

Что я имею в виду?

Главное, что я хочу сказать,—это то, что по сравнению со всеми предыдущими годами колоссально вырос грузооборот. Пассажиров перевозится видимо-невидимо. Строятся новые вокзалы, реконструируются старые. Дожили до того, что из Москвы в Одессу можно доехать в вагоне с кондиционированным воздухом.

Я-то недавно в Киев ездил по самым что ни на есть служебным делам. Захожу в вагон, а на моей полке сидит гражданин. Я ему протягиваю билет — так, мол, и так, простите, место семь. А он мне — так, мол, и так, прощаю. Но при этом протягивает билет, где тоже место семь. И вагон этот. Всего обидней, что и поезд тот же самый.

Что в тропиках с одного поля снимают два урожая — это мы слыхали. А вот снять два урожая с одной вагонной полки — тут уж бесспорный приоритет Московской и Юго-Западной железных дорог. Как говорят интеллигентные люди, отдай и не грешни.

Короче говоря, пришлось обращаться к проводнику. Проводник сказал, что он ничего не знает. Пошел к бригадиру — выяснилось, что и бригадир ничего не знает и знать не хочет. Он билеты не продавал и не покупал. Я высказал скромное предположение, что столь ответственный товарищ должен знать хоть что-нибудь. Ну хоть самую малость. Но эти мои поползновения бригадир отверг решительно и с достоинством. Пришлось, скрипя всеми суставами, лезть за служебным удостоверением. После чего свободная полка обнаружилась в соседнем купе.

Естественно, после этого я к бригадиру никаких претензий не имею. Я так же, как и он, считаю, что человечество делится на две основные категории: корреспондентов и всяких прочих. И обязанность должностного лица — заботиться прежде всего о первой, лучшей части рода людского. Тут бригадир сориентировался правильно.

Но ведь среди всяких прочих могут оказаться нештатные авторы или, не дай бог, члены общественных редколлегий. Как бы чего не вышло. Пожалуй, на всякий случай имеет смысл заботиться обо всех.

Да, так к чему я рассказал эту малоинтересную историю? К тому, что за всеми билетными хлопотами я както не заметил, кондиционированный был в вагоне воздух или нет. Обидно, но не заметил.

Отсюда вывод такой: чтобы как следует ошарашить пассажира новой техникой, надо предварительно подготовить его восприятие хорошим или, на худой конец, нейтральным обслуживанием. Ибо раздраженный пассажир невменяем: не воспринимает ни мягкость, ни купейность, ни цельнометалличность. Так сказать, вагонная цивилизация не доходит до потребителя.

Многочисленные сигналы с мест заставляют утверждать, что в последнее время выявилась некая закономерность. Если уровень цивилизации на железных дорогах идет круто вверх, то уровень культуры обслуживания полого идет вниз.

Раньше вагоны были деревянные и некрасивые. Зато проводники стелили пассажирам постели. Да нет, товарищи, это не легенда — так действительно было!

Теперь же проводник бежит вдоль вагона, расшвыривая по купе спальные принадлежности. А частенько пассажир выстаивает очередь перед служебным отсеком, чтобы получить белье. Так сказать, явочным путем вводится самообслуживание.

Еще дальше зашел прогресс в вагонах-ресторанах.

Поскольку газета у нас литературная, позволю себе сделать небольшое литературно-критическое отступление.

Железным дорогам в современной поэзии здорово повезло. Стыки, перестуки, дорожные огни и т. д. вызывают у поэтов яростные порывы вдохновения. Но ни один стихотворец пока не воспел то место, где он, собственно, и проводит все время пути,— вагон-ресторан. Дым над трубой, сверкающие рельсы и пр. — все это приходит потом, когда, выйдя с чемоданами на перрон, любимец муз начинает лихорадочно припоминать, что именно мелькало за окном между закуской и щами. Почему же весьма проблематичные дорожные огни обстоятельно воспеты, а вагон-ресторан проигнорирован? Может, в самом предмете есть нечто, убивающее вдохновение?

Но вернемся к прогрессу.

Недавно два министра — торговли и путей сообщения — подписали специальный приказ о том, чтобы отпускать обеды по сокращенному меню, «включающему не более двух видов комплексных обедов на весь рейс».

Приказ хороший. Причем на местах в порядке личной инициативы делают его еще лучше. Ибо раз «не более», значит, возможно и «менее».

И вот, например, идет поезд в Архангельск. Какой поезд — неважно. Допустим, № 16. Кто директор вагона-ресторана, тоже неважно. Предположим, О. А. Багрова. А в меню — вот это уже существенно — имеется один суп и три вторых: тефтели, жареная ветчина и печенка. Печенку, однако, не подают. Она присутствует незримо. Так сказать, почетный член меню.

Но эту аномалию директор вагона-ресторана объясняет очень вразумительно. Тефтели продадут по дороге в Архангельск, зато на обратном пути выбросят печенку. Выгода очевидна. Внимание повара не будет рассеиваться. Все силы ресторанного коллектива сосредоточатся на одном решающем звене, в результате чего организация труда станет прогрессивней приблизительно на 2,3%.

Здорово придумано, верно?

Так здорово, что просто неловко останавливаться на достигнутом. Я бы лично предложил двинуть прогресс еще процента на полтора. Скажем, из Москвы в Архангельск подавать суп, а на обратном пути — второе. А который любит компот, тот пусть едет в Мурманск.

Кстати, весь этот НОТ не есть какая-то кустарная, домороченная выдумка. Это продукт изучения мирового опыта. Заместитель начальника Главдорресторана Министерства торговли РСФСР Е. П. Коненкова рассказала, что один из видных работников Министерства торговли РСФСР — и назвала фамилию — наблюдал такую систему во Франции.

Ну что ж, очень хорошо, что товарищ этот ездил во Францию. Потому что мог ведь поехать и в Люксембург. И тогда в вагонах-ресторанах, видимо, продавались бы одни леденцы. Ибо через Францию поезд, худо-бедно, идет часов восемь, а Люксембург со всеми его остановками займет каких-нибудь сорок минут.

Словом, Франция — это хорошо. Но еще лучше было бы, если бы товарищ этот съездил в Иркутск. Причем всю дорогу питался исключительно размороженными тефтелями. Тогда я берусь заранее предсказать фамилию человека, который потребует книгу жалоб на иркутском вокзале.

И еще вопрос. Ресторан — это звучит гордо. В ресторане даже на лимон наценка. Здесь предполагается за соответствующую цену соответствующее качество. Любую харчевню на колесах именуют рестораном. Может, стоит в зависимости от ассортимента как-то дифференцировать эти торговые точки? Наряду с вагоном-рестораном ввести вагон-столовую, вагон-ларек, вагон-забегаловку?

Кстати, в вагонах-ресторанах еще одно нововведение: железное расписание. Завтрак с 9 до 11, обед с 13 до 16, ужин с 19 до 21. Опять-таки во имя организации труда. Но тогда нужно было бы к ресторанному расписанию подогнать и железнодорожное. Иной пассажир садится в поезд как раз в 16. За что же оставлять его без обеда? И вообще, надо ли увеличивать толчею и в без того тесном зальчике, где и при старой-то, консервативной системе люди по полчаса ждали, пока освободится столик? Почему двенадцать вагонов должны приспосабливаться к тринадцатому?

Я думаю, опытному читателю не надо объяснять, что речь выше шла об отдельных вагонах-ресторанах, не типичных, так сказать, не характерных для общей картины.

Правда, у читателя уже возник, наверное, вопрос: а где же не отдельный вагон, характерный для общей картины?

Отвечу со всей откровенностью: не знаю. Я этот самый не отдельный вот уже лет десять ищу. На всех вокзалах его, типичного, высматриваю. Чтобы впредь только в нем, характерном, и обедать. Пока вот не нашел. Однако надежды не теряю. Как найду — немедленно сообщу...

Впрочем, пассажиру, который едет, все-таки не так плохо. Он ест, он спит, а километраж идет. С комфортом или без, — но ближе к цели. Но вот вам пассажир, который сидит в зале ожидания. Зал ожидания, как правило, не едет никуда. Не получая морального удовлетворения, такой пассажир воспринимает материальные тяготы особенно остро.

Не сомневаюсь, что наши вокзалы строили и оборудовали талантливые, опытные архитекторы. Но, мне кажется, на предназначение вокзала они смотрели слишком оптимистически. Вот, мол, пассажир сошел с поезда, выпил стакан кофе в буфете, закомпостировал билет, просмотрел журнал «Семья и школа», — и объявляется посадка на поезд такой-то, будьте любезны пройти на третью платформу. Так что вокзал — нечто вроде фойе при кинотеатре.

К сожалению, железная дорога не кино. Здесь перерыв между сеансами достигает порой нескольких суток. А что делать несколько суток в фойе?

Опять же, творцы вокзалов исходили, видимо, из того, что транзитный пассажир, застрявший, скажем, в Москве, поступает, как правило, следующим образом: сдает чемодан в камеру хранения, налегке гуляет по городу, посещает два театра и одиннадцать музеев, ночует в гостинице «Националь», а дня через три, усталый, но довольный, едет, куда ему надо.

Как правило, так оно и происходит.

Но как исключение бывает и по-иному.

Как исключение пассажир везет с собой троих детей, и эта орава надежно оберегает его от посещения достопримечательностей.

Как исключение пассажир не может устроиться в гостиницу «Националь», как, впрочем, и в любую другую.

Как исключение пассажир в дороге помял брюки, потерял две пуговицы и испачкал рубашку. Привести в порядок все это хозяйство на вокзале негде, а идти в город обтрепанным пассажир стесняется.

Как исключение пассажир не имеет свободных денег на рестораны, а где найти столовую поскромней, не знает.

Как исключение пассажир — старуха, всю жизнь прожившая в глухой деревне и боящаяся огромной Москвы: мол, только выйдешь с вокзала — тут оно все на тебя и набросится. А что набросится и зачем — этого бабушка не знает в силу недостаточной эрудиции.

Есть и еще исключения. Я бы сказал, что они подтверждают правило слишком уж массированно. Исключений столько, что на вокзале не продохнуть. Тысячи людей здесь не читают журнал «Семья и школа», а живут, пусть сутки, двое, но живут. Плохо живут, что уж тут...

Сегодняшний вокзал—символ неуюта. Он даже вошел в поговорку. Живем, как на вокзале, — значит, худо живем, тесно, скандально и бестолково. Самое грустное, что эта бестолковщина вошла в традицию, мы с нею свыклись, даже не представляем, что на вокзале можно жить и по-иному.

Мне пришлось немало поездить. И почти в любом городе худший из ресторанов — ресторан на вокзале. А худшая из гостиниц — вокзальная комната отдыха.

Не будем говорить о периферии, — вот вам огромный Казанский вокзал в Москве. Речь не о толкостях — самый неприхотливый пассажир, только и мечтающий поесть да выспаться, здесь вряд ли воплотит в жизнь свою скромную мечту.

На Ярославском вокзале, тоже в Москве, дела обстоят несколько лучше — он недавно реконструирован. Надо бы порадоваться, а радости нет. Да, в залах менее тесно. Да, у буфетов малость посвободней. Да, в комнату матери и ребенка попасть полегче. И все-таки, что же это за реконструкция, которая ни одну из вокзальных проблем не решила до конца? Неужели все пассажирские тяготы, пусть даже в меньшем объеме, сознательно запланированы на десятилетия вперед? Я не специалист по части архитектуры. Я понимаю, что на старой площади тесно. И был бы очень благодарен, если бы знающий специалист объяснил, почему нельзя было на тех же реконструированных квадратных метрах выстроить многоэтажное здание, где разместилось бы все, необходимое пассажиру. Ведь не так уж много ему в принципе необходимо — гостиница, столовая, ремонтные мастерские, душевые, кинозал, несколько магазинов, экскурсионное бюро — что еще?

Техническая оснащенность наших железных дорог растет быстро. И чем быстрее она растет, тем заметнее становится разрыв между цивилизацией и культурой в этом деле. Космические скорости экспрессов приходят в вопиющее противоречие с уровнем обслуживания. Втройне стыдно становится за то, что многие наши вокзалы напоминают постоялые дворы эпохи раннего феодализма. Причем ренессансом тут пока не пахнет.

Теперь, по логике газетной статьи, я должен начать учить руководящих железнодорожных товарищей, как конкретно следует улаживать пассажира, и как жарить ромштексы, и как стелить постели, и как обставлять комнаты отдыха на вокзале. Так сказать, разработать принципы и подвести базу. Дескать, если в этом вопросе чего до сих пор и не хватало, так это теоретика, но не горюйте, товарищи, — вот он я!

Но делать это мне решительно не хочется. Ибо обсуждаемый вопрос не только наболевший, но и порядком надоевший. Ибо руководящие железнодорожные товарищи по части всех этих проблем умнее меня ровно в шестьдесят семь раз, и смешно, если я вдруг стану учить, скажем, Главдорресторан! Но одно я им скажу: не надо напрасно уповать на то, что пассажир терпелив и что податься ему все равно некуда. Не худо бы учесть, что прочие виды транспорта развиваются быстро...

Я со своей стороны предложил бы лишь одно дополнение к мудрым служебным инструкциям, точно определяющим, как надлежит проводнику проверять наличие колосников в топке, а повару вагона-ресторана разогревать тефтели. Я рекомендовал бы первый пункт любой инструкции формулировать так: «Люби пассажира — когда-нибудь ты сам можешь оказаться им».

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ВОЗЛЮБИ ПАССАЖИРА!

ПОЕЗДА СТАЛИ БЫСТРЫМИ, ВАГОНЫ УДОБНЫМИ, НО ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ — ПО-ПРЕЖНЕМУ ДЕЛО ВЕСЬМА ХЛОПОТЛИВОЕ.

ПОЧЕМУ?

Письмо в редакцию

ТАМ, ГДЕ ПОГИБ ЧАПАЕВ

МАЛЬЧИШКАМИ мы зачитывались этой книгой. Сердце сжималось от скупых трагических строк, которыми она заканчивалась:

«Передовые казацкие разъезды тихо подступили к околице, сняли часовых... За ними подъезжали, смыкались, грудились и, когда уже довольно накопилось, двинулись черной массой.

Прозвучали первые тревожные выстрелы дозорных... Поздно была обнаружена опасность, — казани уж расселялись по улицам станицы... Поднялась беспорядочная, слепая стрельба...

— Спускай его на воду, — приказал Петька.

И все поняли, кого это ЕГО надо спускать. Четверо ближе стоявших, поддерживая бережно окровавленную руку, сводили Чапаева тихо вниз по песчаному срыву. Вот кинулись все четверо, поплыли. Двоих убило и тот же миг...»

Потом, позже, затаив дыхание смотрели мы замечательный фильм братьев Васильевых, и у скольких из нас, кто приходил сюда во второй, в третий, в седьмой раз, билась и трепетала в груди искренняя и трогательная надежда:

— А может, выплывет...

И вот спустя пятьдесят лет после трагической ночи мы стоим на крутом берегу Урала. На том самом месте...

Урал здесь неширок — метров шестьдесят, семьдесят самое большее. Да и неглубок — местами его переходят вброд. Мальчик, стоявший рядом с нами, не утерпел, спросил:

— Ну как же не смог Василий Иванович переплыть?

— Так в то время Урал вдвое шире был и вдвое глубже, — поясняет старожил.

Мелеет своенравная, капризная река, мелеет...

Почти к самому крутояру подступили избы Лбищенска. Бывшего Лбищенска. Сейчас село называется его именем — Чапаево.

На главной улице Чапаева в тени деревьев стоит двухэтажный деревянный выкрашенный в голубое домик. На стене — мемориальная доска. Здесь в 1919 году помещался штаб легендарной 25-й Чапаевской дивизии. Теперь в домике музей. Мы входим в тесные комнатки первого этажа. Они заставлены стендами, на стенах — картины, схемы, карты, выписки из документов и приказов тех лет.

Слева — пулемет. «Максим». И сразу вспоминается тачанка. Анка за пулеметом и Василий Иванович в бурке с простертой вперед рукой. Тот ли, Анкин ли это пулемет — установить сейчас, конечно, трудно.

Но вот по скрипучим ступенькам мы поднимаемся на второй этаж. И сразу у входа стоит пустой деревянный стол. На нем два поржавевших от времени чайника. Один побольше, другой поменьше.

И опять в памяти возникает знаменитое чапаевское: «—Приходи ко мне в полночь и заполночь.. Чай пью— и чай пить садись».

Но на столе — ни табличек, ни записочки. Других экспонатов, рассказывающих о походной жизни Чапаева, нет. И невольно думается: может, эти сосуды забыла впопыхах уборщица сегодня утром?

Но, пожалуй, самое убогое впечатление в этом музее производят картины и рисунки. Их много. С нами был народный художник Н. М. Семенов. Он только горестно качал головой, глядя на эти творения...

С тяжелым чувством покидали мы этот дорогой сердцу каждого советского человека уголок. Необъяснимо равнодушие к священной памяти одного из любимых народных героев, совершенно необъяснимо.

На южной окраине Чапаева, над самой уральской кручей — братская могила. Здесь сложили буйные свои головы около двухсот славных бойцов-чапаевцев.

Помните самую последнюю фразу из книги Фурманова:

«Проходили и Лбищенск, застывали над братскими могилами, пели похоронные песни, клялись бороться, клялись победить вспоминали тех, что с беззаветным мужеством отдали свои жизни на берегах и в волнах неспокойного Урала».

Когда-то, лет тридцать назад, на этом месте поставили монумент. Изредка его подкрашивают под золото. Постамент облупился, углы раскрошились. Сама братская могила заросла травой. Имена красноармейцев нигде не написаны.

Вокруг памятника стоят пахлые, жидкие деревца. Весь сквер огорожен мрачным забором.

И снова стоим мы на уральском берегу. На том самом месте. Мелеет Урал...

Но разве может мелеть память народная?

Мы словно бы увидели на том месте дорогого всем нам Василия Ивановича. На лихом коне. С саблей наголо. Таким, каким водил он своих чудо-богатырей в бой за Советскую власть. За нашу с вами Советскую власть, товарищи.

Нам очень хочется верить, что село Чапаево станет своеобразным памятником легендарному начдиву и его славным товарищам.

А. МЕРКУЛОВ,
А. СУКОНЦЕВ

Село Чапаево
Уральской области

МОСКОВСКИЙ ТУРНИР ВИРТУОЗОВ РАКЕТКИ

Открывшийся в воскресенье традиционный Московский международный турнир собрал 80 сильнейших теннисистов 11 стран. Среди них — 5 игроков первой десятки Великобритании во главе с капитаном Д. Барреттом, большая группа ведущих мастеров стран народной демократии. Латинской Америки. Из США ожидаются Д. Хелдман, занимающая почетное место в объединенном списке сильнейших профессионалок и любительниц мира, и одна из лучших американских теннисисток П. Бартнович. Наши гостьи вместе с Н. Ричи выиграли «Федерейшн-Кап» — командное первенство мира среди женщин. Д. Хелдман — П. Бартнович победили прошлогодних чемпионок Уимблдонского турнира Б. Кинг и Р. Казальс. Советский Союз представляют заслуженные мастера спорта Т. Лейус и С. Лихачев, чемпионы Советского Союза Т. Киви, Г. Бакшеева, М. Чувырина, В. Коротков, победительница московских турниров 1968 и 1969 годов О. Морозова и другие.

З. ФРАМ,
член оргкомитета Московского международного теннисного турнира

* *

«Литературная газета» учредила специальный «Приз вдохновения»; он будет вручен участнику или участнице турнира, показавшим мастерство, наиболее отвечающее названию приза.

СКОЛЬКО ИМЕТЬ ДЕТЕЙ?

СКОЛЬКО В СЕМЬЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ДЕТЕЙ, ЧТОБЫ В СТРАНЕ ПОВЫСИЛСЯ УРОВЕНЬ РОЖДАЕМОСТИ! СЛЕДУЕТ ЛИ ПЛАТИТЬ МАТЕРИ ЗА ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА! КАК СОЧЕТАТЬ ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИНЫ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА С ЕЕ ОБЯЗАННОСТЯМИ МАТЕРИ, ХОЗЯЙКИ!

Вот уже более полугода на страницах «Литературной газеты» идет дискуссия, начатая статьей кандидата экономических наук В. Переведенцева «Сколько иметь детей! Экономический аспект» («ЛГ», № 47, 1968).

Насколько остры затронутые проблемы, свидетельствует редакционная почта: получено около шестисот писем от людей самых различных профессий. Свое мнение высказали социологи, демографы, юристы, экономисты, врачи, рабочие, домохозяйки, учителя, инженеры и многие другие наши читатели («ЛГ», №№ 4, 13, 16, 1969).

Сегодня мы публикуем два письма, выражающих наиболее типичные точки зрения наших читателей, и редакционную статью, подводящую итоги дискуссии.

ЭФФЕКТНО, НО НЕЭФФЕКТИВНО

УСТАНОВИТЬ плату за воспитание детей? Этот шаг, безусловно, вызовет весьма серьезные социальные, экономические и демографические последствия. Однако, на мой взгляд, совсем не те, на которые рассчитывает В. Переведенцев.

Государственные пособия на детей — известный и используемый в ряде стран способ стимулирования рождаемости. Но вопрос о применении такого стимула очень сложен, тут нужно учитывать многие обстоятельства, и прежде всего тенденцию прироста населения. Эти тенденции в разных странах различны. В Европе и Северной Америке естественный прирост в три-четыре раза ниже, чем в Азии, Африке и Южной Америке. Основной причиной этого (есть и много других) демографы считают возникновение в наиболее развитых в экономическом отношении государствах так называемой планируемой семьи. «Планируемая семья» — результат изменения положения женщины в обществе.

Советский Союз был первой страной в мире, освободившей женщину от домашнего рабства, осуществившей не только политическое раскрепощение женщины, но и создавшей реальные условия ее фактического равноправия.

Однако всякое новое общественное явление противоречиво. Разрешать эти противоречия можно, лишь двигаясь вперед, а не возвращаясь к старому, уже отвергнутому современным обществом семейному и бытовому укладу. И тут я не могу не согласиться со статьей С. Березовской («ЛГ», № 4, 1969), которая убедительно доказывает, что плата за воспитание детей неизбежно приведет к возрождению дискриминации женщины в обществе и в семье.

А вот приведет ли эта мера к желаемому эффекту, то есть к увеличению темпов прироста населения? Ведь нежелание иметь, скажем, больше двух детей вызывается не материальными соображениями, не отсутствием средств для того, чтобы вырастить третьего ребенка, а боязнью полностью лишить себя участия в общественной жизни, оказаться снова на кухне.

Естественно поставить вопрос: в каких районах предлагаемая В. Переведенцевым мера стимулирования рождаемости даст наибольший эффект? Очевидно, там, в первую очередь, где многодетные семьи являются социальной нормой и где, следовательно, мать не работает. Гарантированный доход на каждого ребенка здесь явится действенным стимулом дальнейшего увеличения семьи.

А можно ли рассчитывать на существенное изменение темпов рождаемости там, где она действительно на тревожно низком уровне? Нет, ибо сработает та обратная связь между уровнем жизни и тенденцией естественного прироста населения, о которой мы говорили. В. Переведенцев видит эту трудность. Поэтому-то он надеется на только на материальный эффект предлагаемой им меры, но и на то, что «плата за труд» по воспитанию детей изменит общественную психологию, сделает материнство в глазах общества первейшим гражданским долгом женщины, и это поставит все на свое место. Безусловно, материальное поощрение одновременно несет в себе и общественное признание. Однако материнство — не профессия, как правильно заметил В. Хмелевский («ЛГ», № 4, 1969), оно является естественной потребностью и само есть награда матери «за ее труд». Но многократное материнство связано с издержками (не материальными), цена которым — жизнь в изолированном мирке из четырех стен.

А между тем лучший путь не только давно известен, но в значительной мере освоен нашим обществом.

Итак, каков же вывод?

Если хотя бы половину средств, которые предлагают отдать в семьи в качестве платы «за воспитание детей», израсходовать на увеличение штатов детских учреждений, то на одного воспитателя пришлось бы не 25—30, а 10—15 детей. А это привело бы и к снижению заболеваемости детей (а следовательно, к сокращению потерь времени у матери), и к улучшению их воспитания (которое и сейчас в детских садах лучше, чем во многих семьях, так как далеко не каждая мать может воспитывать ребенка, а не только кормить его, одевать и т. п.). Тогда бы женщину не страшили рождение еще одного ребенка и связанные с этим заботы.

М. МОЖИНА,
кандидат
экономических наук

НОВОСИБИРСК

ВОЗДАСТСЯ СТОРИЦЕЙ!

«ЛИТЕРАТУРНАЯ газета» обсуждает один из животрепещущих вопросов нашей жизни. Экономист, социолог и другие участники дискуссии вполне подтвердили важность проблемы, поставленной в статье В. Переведенцева. Центром обсуждения стала женщина-мать. Поэтому, будучи матерью трех детей и к тому же педагогом, не могу не высказать своего отношения к вопросу.

Нужно, конечно, учитывать, что советская семья, пройдя полувековой путь развития, качественно изменилась, начиная от природы и объема домашних забот, кончая принципами и характером воспитания детей. Но особенно необходимо учитывать в данном случае то, что домашний труд значительно сократился, а воспитание детей, наоборот, все больше усложняется.

Желание лучше воспитать своих ребят — вот что прежде всего заставляет теперь многих женщин временно оставаться дома. Ведь родительские обязанности далеко перешагнули у нас былые границы простой передачи сыну или дочери узкосемейных традиций. Нет, семья должна вырастить — разумеется, вместе со школой — образованного, трудолюбивого коллективиста. Чем больше в семье детей, тем эта цель достижимее, но тем и труднее содержать ребят.

Странно, что при обсуждении очень ценных и смелых предложений В. Переведенцева некоторые товарищи упорно не желают видеть качественных изменений в природе семейного воспитания и в положении матери в семье и в обществе.

Я полагаю, прав В. Переведенцев, поставив вопрос о ежемесячной оплате материнского труда. Это бы, конечно, стимулировало рождаемость. Ибо денежная сторона и сама по себе важна, но дело не только в ней. Дело еще и в том, что такая мера подчеркнула бы общественную значимость материнства в нашей стране.

Я думаю, необходимо переключить хотя бы на какое-то время большее число матерей исключительно на воспитание детей, от которого зависит в значительной степени успех коммунистического строительства в нашей стране. Общество наше социалистическое, и каждый имеет право получать по труду, который он отдает на благо общества. А труд матери по воспитанию детей — это именно труд на благо общества, труд, от которого во многом зависит дальнейший рост творческих и производительных сил.

Воспитание детей в семье требует от матери и от отца не только любви к детям, но и образования, нравственного совершенства, духовного богатства и даже внешнего обаяния. Тот факт, что большинство наших женщин справляется с материнскими обязанностями, говорит, кроме всего прочего, и о том, что расходы государства на образование женщин необходимы и вполне оправданны даже в том случае, когда матери не работают по специальности, а растят своих детей.

К сожалению, неоплачиваемость материнского труда, перспектива остаться в старости без пенсии да и «чин» домохозяйки порой омрачают счастье женщины. И тогда она идет на любую работу. При этом не всегда справляется с материнскими обязанностями: на внимание к детям не остается ни времени, ни сил. А мы часто удивляемся, откуда берутся невоспитанные, не подготовленные к жизни молодые люди...

Галина ФУРМАН

МОСКВА

Третий не лишний

ЧИТАТЕЛЬ ВЫСКАЗАЛСЯ. СЛОВО ЗА НАУКОЙ

КАК, вероятно, помнят читатели, в статье В. Переведенцева, положившей начало дискуссии, рассматривался, по существу, лишь один аспект проблемы — экономический. Хорошо понимая, что эта проблема чрезвычайно многогранна, имеет немало других важных аспектов — социальный, этнический, моральный, юридический и т. д., — редакция сознательно пошла на такое сужение полемики, полагая, что не следует пытаться объять необъятное. Читательская почта показывает, что направление разговора выбрано правильно, ибо большинство авторов писем придают экономическим факторам рождаемости решающее значение. Зарплата, жилье, детские учреждения — вот три «кита», на которых, по их мнению, держится естественное воспроизводство населения.

Но вот что озадачивает, если принять такую точку зрения. Падение рождаемости совпало по времени с увеличением доходов трудящихся и улучшением жилищных условий. В 1959 году на горожанина приходилось в среднем 8,3 квадратных метра общей площади жилищ. А в 1968 году, когда городской житель имел 10,3 квадратных метра, рождаемость упала. Особенно заметно снизилась она в Москве, хотя на одного столичного жителя в начале прошлого года приходилось уже 13,3 квадратных метра площади.

Выходит, проблема гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Ведь вполне естественно предположить, что лучшие жилищные условия, более высокие доходы населения должны стимулировать рождаемость. Если же при этих условиях происходит ее снижение, значит, имеются и какие-то другие причины.

Какие же?

Одна часть специалистов — это главным образом экономисты и демографы — видят причину в том, что рождение первого ребенка или увеличение числа детей в семье влечет за собой снижение материального и культурного уровня жизни независимо от того, каким он был до появления детей.

Отсюда и предлагаемая мера: платить за детей и таким образом дать матерям возможность некоторое время уделить исключительно семье, воспитанию ребенка. При этом предлагаются самые различные варианты сроков и размеров оплаты. Одни полагают, что мать должна находиться с ребенком до года, другие — до двух-трех лет, некоторые — за более длительные сроки. Многие за то, чтобы ввести для матерей сокращенный рабочий день при полной оплате или пропорционально отработанному времени.

Существует и совсем иная точка зрения. Ее приверженцы объясняют демографический спад не материальными соображениями супругов, но недостаточным количеством детских садов и яслей, а также тем, что население не удовлетворяет работа учреждений сферы услуг. Если бы, утверждают эти товарищи, женщина не боялась с появлением ребенка «погрязнуть в быту», если бы она была уверена, что увеличение семьи не заставит ее бросить работу, рождаемость значительно бы возросла.

Судить о том, насколько правильны те или иные объяснения и выводы, — дело специалистов. Пока что все эти высказывания не более чем гипотезы, то есть предположения, требующие дальнейшего углубленного изучения.

Заметим, кстати, что никто из участников дискуссии не ставил дилеммы: работать ли женщине в общественном хозяйстве или рожать детей. С самого начала речь шла о целесообразности работы всех женщин в общественном хозяйстве, однако не во все периоды жизни. При этом длительность перерыва в работе ставилась в зависимость от состояния сферы обслуживания. Однако некоторая часть наших читателей (среди них есть экономисты и юристы) восприняла это как призыв ограничить участие женщин в общественном производстве. Явное недоразумение! Что же касается перерыва в работе, то он и в настоящее время узаконен, причем у большинства матерей он существенно больше декретного отпуска.

С чувством особого удовлетворения хочется отметить, что, судя по откликам на материалы дискуссии, почти никто из женщин не мыслит своей жизни вне производства и коллектива, без работы в народном хозяйстве.

Мнения читателей различны и по другим вопросам, связанным с демографическим спадом. Например, сравнивают преимущества и недостатки семейного и общественного воспитания детей. Одним кажется, что наилучшим был бы такой путь: ясли-интернат, детский сад-интернат, школа-интернат. Другие убеждены, что в определенные периоды жизни ребенка никакое, даже самое идеальное воспитательное учреждение не заменит ему матери. В связи с этим критикуются недостатки в работе детских учреждений.

Нет единства во взглядах читателей, в том числе специалистов, и на некоторые другие стороны обсуждаемой демографической проблемы. Например, к какому уровню рождаемости мы должны стремиться? Воспроизводство населения должно быть расширенным, это ясно. Ну, а более конкретно? Какие показатели следует считать оптимальными с точки зрения экономического роста страны и социального развития нашего общества?

Недавно в Минске состоялось совещание по проблеме «Производственная занятость женщин и семья», на которое собрались демографы, социологи, экономисты, юристы, философы. Участники совещания констатировали, что в настоящее время наметились противоречия между профессиональной деятельностью женщины и ее особой социальной ролью жены и матери. Суммарная — производственная и домашняя — трудовая нагрузка женщины чрезмерна. Работая на производстве, она, как показали многочисленные обследования, имеет в два с половиной — три раза меньше свободного времени, чем мужчина. Что же предлагают ученые?

В интересах поощрения материнства полностью оплачивать отпуск по беременности и родам всем женщинам, поскольку рождение ребенка одинаково трудно для любой из них, независимо от заслуг, членства в профсоюзе и стажа работы.

Далее. Нужно выплачивать пособия по временной нетрудоспособности матери за все дни болезни ребенка и карантина в яслях или детском саду (сейчас пособие выплачивается, как известно, только в течение трех дней).

Совещание пришло к выводу, что в нынешней демографической ситуации необходимо весомое материальное стимулирование рождаемости путем выплат пособий, начиная со второго ребенка.

Для женщин, воспитывающих детей, следует установить льготный режим на производстве, запретить привлечение их к сверхурочным работам, освободить матерей от третьих (ночных) смен везде, где это не противоречит жесткой производственной необходимости (непрерывный технологический процесс, работа органов связи и т. п.).

Участники совещания подчеркивали, что общественный труд женщин вполне может сочетаться с домашними заботами и без ущерба для рождаемости. Однако для достижения этого необходима большая подготовительная работа — выработка конкретных практических предложений, совершенствование трудового, пенсионного законодательства и т. д.

Таково мнение ученых.

По всем этим и многим другим вопросам наши читатели, естественно, хотели бы услышать и мнение руководителей ведомств, от которых в значительной мере зависит практическое решение проблемы. Несколько месяцев назад редакция направила материалы дискуссии руководителям Комитета по вопросам труда и заработной платы Совета Министров СССР, Министерства финансов СССР, Комитета по использованию трудовых ресурсов Совета Министров РСФСР. Но, к сожалению, мы пока не получили от них ответов. Каковы причины молчания? Не свидетельствует ли оно о том, что по одной из кардинальных проблем жизни и развития нашего общества мы не имеем достаточной практической и теоретической ясности?

Проведенная дискуссия позволяет, на наш взгляд, сделать главный вывод: необходима глубокая научная разработка всего комплекса вопросов, связанных с естественным приростом населения, необходим поиск оптимальных путей к такому уровню рождаемости, который бы отвечал потребностям страны сегодня и в будущем. Однако все это наталкивается на одно весьма серьезное затруднение: в стране нет ни одного научно-исследовательского демографического института. А ведь в довоенные годы у нас было два академических института демографии — в Ленинграде и Киеве!

Между тем создание такого института не требует сколько-нибудь значительных затрат. В последние годы часто проходят демографические совещания, собирающие сотни участников. Многие ученые ведут демографические исследования. Но их усилия разобщены, не сконцентрированы на важнейших проблемах, они работают поодиночке или малыми группами в различных учреждениях, ни одно из которых не может выполнить необходимых и трудоемких комплексных исследований.

Итак, стране нужен демографический институт. Мы полагаем, что прошло бы не слишком много времени после его создания, и ученые дали бы глубоко обоснованные рекомендации, предложили бы вполне эффективные меры решения проблемы рождаемости.

В заключение редакция «Литературной газеты» благодарит всех читателей, принявших участие в дискуссии по статье «Сколько иметь детей?».

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДОМ,

Интервью с председателем Комитета стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР, доктором технических наук профессором В. В. БОЙЦОВЫМ

— Василий Васильевич, как вы относитесь к идее создании массовой общественной организации, которая заботилась бы о качестве товаров народного потребления?

— Вы имеете в виду предложение, высказанное «Литературной газетой» в статье «Качество и еще раз качество!»? Там поднят ряд важнейших вопросов. Они волнуют сейчас многих. Тут не может быть двух мнений: общественная организация потребителей нужна.

— Но у нас я сейчас имеются органы контроля за качеством?

— Контроль за качеством товаров народного потребления у нас осуществляют инспекции по качеству при Министерстве торговли и отраслевых министерствах, ответственных за выпуск многих видов товаров.

Вообще число специалистов, занятых этой работой в инспекциях, научно-исследовательских институтах и других ведомствах, составляет весьма значительную цифру. Но деятельность этих инспектирующих органов, научно-исследовательских и других организаций, которым доверена защита интересов потребителя, носит в ряде случаев ведомственный характер, разобщена, лишена единого методического руководства. Сказывается также отсутствие единого государственного органа, который мог бы возглавить эту работу. Наконец, отсутствует прямая, непосредственная связь между производителями и потребителями, очень слабо привлечена к этой работе общественность.

Не вызывает сомнения, что создание массовой общественной организации, которая представляла бы интересы всей многомиллионной армии потребителей, значительно повысило бы эффективность работы государственных органов, защищающих интересы советского покупателя. Вот почему на многих совещаниях уже ставился вопрос о создании такой организации, и эти предложения нашли положительный отклик. Так что «Литературная газета» верно уловила общественное мнение.

— Можем ли мы в чем-либо использовать зарубежный опыт?

— Охрана интересов потребителя — чрезвычайно актуальный вопрос. Во многих странах существуют различные правительственные организации, ассоциации, союзы, которые систематически изучают мнения и требования потребителей, исследуют качество товаров. Опыт их работы нами изучается, на эту тему уже опубликован ряд интересных материалов.

Там привлекаются видные специалисты, проводятся широкие социологические опросы, охватывающие нередко сотни тысяч владельцев холодильников, телевизоров, стиральных машин. В лабораторных условиях исследуется качество многих видов товаров, составляющих круг предметов домашнего обихода. В хорошо оборудованных испытательных центрах в обязательном порядке проверяются качество, надежность, долговечность новых сложных изделий бытовой техники.

Каков практический результат? Во-первых, составляется объективная оценка качества исследуемых товаров. Систематически, через определенные промежутки времени, товары подвергаются контрольным испытаниям. Во-вторых, совершенствуются методы контроля: проводимые испытания базируются на естественных условиях эксплуатации изделий. Наконец, о результатах исследований информируется потребитель. Следовательно, проводится та необходимая работа, нужду в которой испытывает и наше народное хозяйство — как производители, так и потребители товаров.

Во многих социалистических странах (ГДР, Польше, Венгрии, Болгарии, Чехословакии) вопросами качества ведают специальные государственные органы. Привлечены к этой работе научно - исследовательские институты, а кое-где общественные организации, как, например, упоминавшаяся в «Литературной газете» «Опиния».

По мере роста общественного производства, повышения благосостояния трудящихся возникает необходимость обеспечить учет мнений и требований потребителей. Поэтому в социалистических странах идут поиски путей наиболее эффективного решения проблемы.

НИКАКОЕ другое слово не повторяется сейчас в специальной литературе так часто, как «качество». Оно вынесено в названия десятков журналов. Сотни тысяч специалистов во всем мире занимаются проблемой повышения качества.

Поэтому нам кажется очень своевременным появление статьи Л. Великановой «Качество и еще раз качество!». В самом деле, нужен ли и на каких основах следует организовать институт покупателей? Нет сомнений в том, что существующие в настоящее время технические, экономические и организационные методы улучшения качества будут органически и с высокой эффективностью дополнены институтом покупателей.

Нам думается, что он должен носить общественный характер, иметь возможность широко выступать в печати, использовать радио и телевидение как для пропаганды хороших товаров, так и для создания объективного общественного мнения о товарах низкого качества. Работу института покупателей могли бы возглавить профсоюзы. Им это больше всего сродни: охрана прав трудящихся включает в себя и охрану трудящихся от плохой продукции. Общество покупателей вправе рассчитывать на поддержку научно-исследовательских институтов и территориальных лабораторий Комитета стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР.

Но прежде, чем улучшить качество, надо научиться его измерять. Можно ли сказать, например, о пальто, что оно в полтора раза хуже другого? Довольно нетрудно сравнить их по цвету, фасону, прочности ткани, мастерству пошива, то есть по отдельным показателям; труднее, но все-таки можно сказать, какое из них в общем хуже, а какое лучше (не пытаясь определить — насколько). Но вот дать достаточно точную количественную оценку, насколько один образец одного и того же товара лучше другого, для большинства видов продукции пока что еще невозможно. А качество нужно научиться измерять так же, как и количество, — числом.

Необходимость измерять качество возникла не сегодня. Собственно говоря, все началось с измерения твердости, веса, прочности, упругости, теплопроводности и других отдельных свойств веществ. Но как сравнить между собой в комплексе изделия, насчитывающие десятки, а иногда и сотни важнейших показателей? Как измерить всю совокупность свойств продукции?

Только широкое развитие электронно - вычислительной техники открывает дорогу комплексному измерению качества, так как в основе любых научных методов такого рода измерений лежит статистическая обработка большого количества исходных данных. Выполнять ее вручную, без помощи вычислительных машин, очень трудно, а зачастую и практически невозможно. (В сборе и накоплении такой информации, несомненно, большую роль может сыграть институт покупателей.)

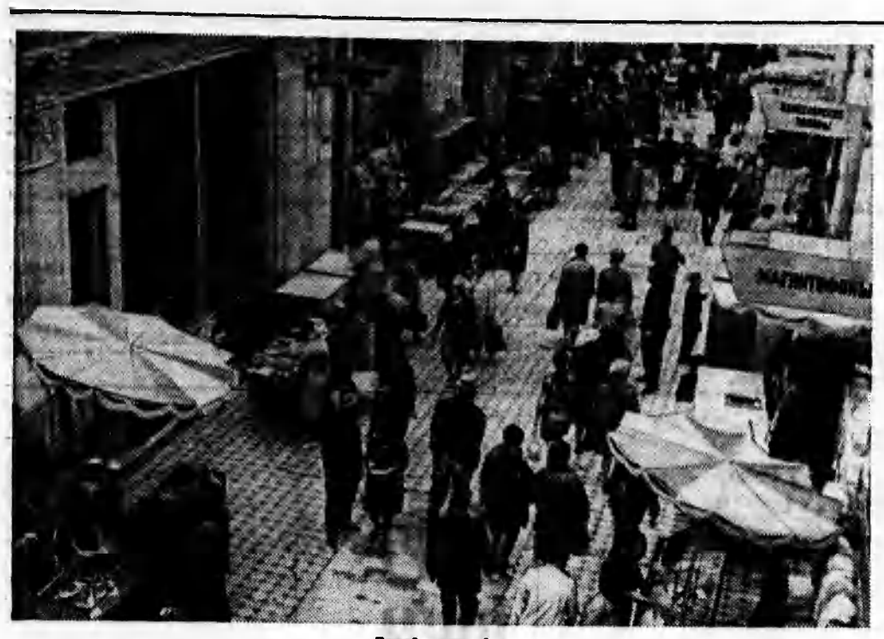
В капиталистических странах каждая фирма, борясь

«ПОКУПАТЕЛЬ ВСЕГДА ПРАВ!» — утверждала автор статьи «КАЧЕСТВО И ЕЩЕ РАЗ КАЧЕСТВО» («ЛГ», № 28 от 9 июля с. г.) Л. Великанова и выступила с предложением: «А не создать ли в стране институт покупателей?».

Статья вызвала обширную почту. Читатель (он же и покупатель) горячо поддерживает предложение. Одобряет его и председатель Комитета стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР В. В. БОЙЦОВ.

ЧИТАТЕЛИ ОБСУЖДАЮТ ПРОБЛЕМЫ, ПОДНЯТЫЕ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ГАЗЕТЫ

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

Всегда в продаже

Поединок у доски

Фото О. ГАЛУШКО, Л. НИСНЕВИЧА и Н. СВИРИДОВОЙ

ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НУЖНА!

— Расскажите, пожалуйста, о тех мероприятиях, которые проводятся в нашей стране Комитетом стандартов в интересах потребителя.

— Начнем с вопроса: кто такие потребители? В этой роли выступают и один человек, и целые производственные коллективы (ведь каждое предприятие одновременно и производит, и потребляет сырье, полуфабрикаты, комплектующие изделия).

Там, где затрагиваются интересы всего нашего народного хозяйства, скрещиваются интересы нескольких отраслей промышленности, действуют государственные стандарты. Они устанавливают требования к важнейшим видам сырья и продукции общего применения. Государственные стандарты, таким образом, защищают прежде всего интересы промышленных (коллективных) потребителей.

— А как с товарами народного потребления?

— Требования к их качеству устанавливаются не столько государственными, сколько отраслевыми и республиканскими стандартами и техническими условиями, которые разрабатывают сами производители. К тому же эти нормативно-технические документы устанавливают лишь общие требования к качеству и надежности и в большинстве случаев не предусматривают требований к внешнему виду, отделке, оформлению товаров.

— Нужно ли, чтобы интересы индивидуального потребителя защищались государственными стандартами?

— Мы считаем, что это необходимо. Итак, что же сделано нами практически в интересах потребителя? Прежде всего за последние годы пересмотрен весь фонд действующих стандартов. Многие стандарты с устаревшими показателями отменены, в других случаях срок действия их ограничен. Наряду с увеличением числа государственных стандартов происходит более частое их обновление. Все это способствует внедрению передовых показателей качества в практику работы промышленности, в том числе и в производство товаров народного потребления. Уровень показателей качества в стандартах значительно повышен. В интересах потребителя мы вводим в стандарты требования технической эстетики и эргономики.

Чрезвычайно важную роль с точки зрения интересов потребителя играет проводимая, по решению правительства, обязательная регистрация республиканских и отраслевых стандартов и технических условий. Ведь по этим документам выпускается основная масса товаров народного потребления. Но содержащиеся в них требования, установленные производителями, далеко не всегда соответствуют тем требованиям, которые предъявляют к покупаемым товарам потребители.

И самое главное, что эти нормативно-технические документы проходят сейчас строгую проверку в Комитете стандартов, где они регистрируются в обязательном порядке. Если оказывается, что показатели качества в них недостаточно высоки, не удовлетворяют требования потребителей, эти документы возвращаются на доработку. Так были возвращены четыре с лишним тысячи из представленных на регистрацию комплектов документов. Проверку смогли пройти 27 тысяч стандартов и технических условий, уровень требований которых достаточно высок.

В обширной и разнохарактерной нормативно-технической документации, по которой раньше выпускались товары, наведен наконец порядок: издан ГОСТ 1-68 — «Государственная система стандартизации», установивший единую государственную дисциплину в этом вопросе. К 1970 году большую часть технических условий заменят республиканские и отраслевые стандарты.

Общегосударственным мероприятием огромного значения, проводимым по решению Центрального Комитета партии и Совета Министров СССР, является государственная аттестация качества. Покупатели уже оценили изделия высшего качества, удостоенные отличия — Государственного знака качества. Они пользуются повышенным спросом, промышленные предприятия материально заинтересованы в выпуске высококачественных изделий. Опыт проведения аттестации качества позволил сейчас перейти к новому этапу в этой работе — к широкой аттестации. Она основана на использовании экономических стимулов и повышает рентабельность работы промышленности.

А потребитель, наверное, заметил, что цены на аттестованную продукцию, отличающуюся высоким уровнем качества, остались без изменений! Выгоду получил прежде всего именно он.

Чрезвычайно серьезный ущерб интересам потребителя наносит несоблюдение и несвоевременное внедрение стандартов, что сказывается, естественно, на качестве товаров. Комитетом стандартов совместно с органами народного контроля проводится сейчас широкая проверка работы предприятий. Она показала, что народное хозяйство терпит огромный убыток из-за несоблюдения требований стандартов.

В течение первого полугодия 1969 года мы запрещали производство определенных видов товаров (или отгрузку партий уже произведенных товаров) более чем в 1000 случаях; почти половину составили товары народного потребления.

В ближайшем будущем силами лабораторий государственного надзора за стандартами и измерительной техникой будет проведена комплексная проверка качества по большой номенклатуре товаров народного потребления, в том числе по всем основным маркам телевизоров, радиоприемников и магнитофонов, фотоаппаратов и кинокамер, изделиям бытовой химии, велосипедам, мотоциклам, лодочным моторам, мебели. Эта проверка охватит большой круг предприятий. И коснется она не только готовых изделий, но и используемого для их производства сырья, полуфабрикатов, комплектующих изделий. Так, наряду с проверкой качества обуви и одежды будут проверяться нитки, кожа и ее заменители, хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани, синтетическое волокно, фурнитура и т. д. Результаты проверки найдут широкое освещение в печати.

Но исключает ли все это необходимость привлечения к делу общественности, самих потребителей? Наоборот, эти мероприятия создают хорошую основу для деятельности организации потребителей, которая могла бы с успехом включиться в проводимую нами работу.

— Какую, по вашему мнению, пользу получат от создания этой организации производители?

— Промышленность нуждается в постоянной, систематической информации, в контакте с потребителем, ибо в этом — залог ее успешной работы.

В заключение необходимо сказать, что сама система социалистического планового хозяйства создает особо благоприятные условия для деятельности такой организации потребителей. Ее создание соответствует духу экономической реформы, смыслу проводимых ныне мероприятий, направленных на повышение жизненного уровня советского народа.

— И последнее: какое содействие мог бы оказать работе организации потребителей Комитет стандартов?

— У нас в стране сейчас действует свыше 300 лабораторий государственного надзора за стандартами и измерительной техникой. Они имеются во всех крупных промышленных центрах. Комитет стандартов имеет научно-исследовательские институты, занимающиеся проблемами качества и надежности. Все эти службы, очевидно, могли бы быть привлечены к содействию организации потребителей.

На мой взгляд, серьезную помощь этой организации мог бы оказать и Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики.

И КОНФЕТА...

КАК ИЗМЕРИТЬ ИХ КАЧЕСТВО?

за рынок сбыта, внимательно следит за успехами конкурентов, постоянно сравнивая качество выпускаемой ими продукции со своей. Однажды отделение по продаже всемирно известной фирмы «Жиллетт», выпускающей лезвия для безопасных бритв, пришло в ужас: конкурент «выбросил» на рынок полуавтоматический магазин лезвий! Отделение срочно потребовало от конструкторского и производственного отделов внедрения чего-либо подобного. Но когда отдел обеспечения качества произвел оценку, то выяснилось, что роль новинки в комплексной оценке качества сравнительно невелика и она вообще нецелесообразна. А вот по некоторым другим показателям изделия «Жиллетт» отстают от конкурирующих, что снижает комплексную оценку. На эти показатели и было предложено обратить внимание.

Вопрос правильного ценообразования также тесно связан с умением объективно оценивать качество продукции. Это признает большинство экономистов. Но для того, чтобы найти зависимость цены от качества, опять-таки нужно уметь измерять его.

Такое измерение стало особенно необходимым и в связи с появлением «автоматических проектировщиков». Это комплекс электронно-вычислительных машин, которые «научились» проектировать некоторые виды изделий. Исследования по созданию подобных комплексов проводятся и в Советском Союзе. Самое главное в этих системах проектирования не то, что они являются автоматическими, а то, что они выдают оптимальное, то есть самое лучшее, с точки зрения выбранного критерия, решение.

Критерий оптимальности, закладываемый в программу работы этих комплексов, может быть самый различный. Чаще всего ставится задача обеспечить минимальную стоимость проектируемого изделия. Но может интересовать и иной критерий — максимальное качество. Переналадка «автоматического проектировщика» на решение этой задачи в принципиальном отношении не представляет больших трудностей. Но для этого требуется комплексное математическое выражение свойств объекта.

Не случайно во многих странах в последнее время появляется все больше методик комплексного количественного измерения и оценки качества. Измеряют качество автомашин и авторучек, экскаваторов и рекламной упаковки, велосипедов и обуви, дизелей и вина, жилых домов и конфет и сотен других видов продуктов труда.

К середине шестидесятых годов стало ясно, что в стадии становления находится новое научное направление, занимающееся общими вопросами комплексного количественного измерения качества продукции. Группа советских исследователей, инженеров, экономистов и архитекторов на симпозиуме, проведенном в ноябре 1967 года в Москве, предложила назвать эту новую отрасль науки квалиметрией (от латинского «квали» — качество и греческого «метрео» — мерить).

Предложенный термин оказался достаточно удобным и понятным как для специалистов разных отраслей знания, так и для людей разных национальностей. Судя по откликам отечественной и зарубежной печати, термин повсюду принят.

У квалиметрии много нерешенных проблем, причем по мере решения одних проблем будут появляться другие. Это естественное состояние любой развивающейся отрасли науки. Например, измерение и оценка качества требуют массы информации о различных свойствах, данных об эксплуатации изделий, характеристик лучшей мировой продукции. Эти сведения динамичны — они все время пересматриваются и пополняются. Понадобится создать информационный центр или систему центров, где будет перерабатываться и храниться необходимая информация.

В решении сегодняшних проблем квалиметрии большую роль могут сыграть сотрудничество и объединение усилий ученых и практиков, сталкивающихся с вопросами измерения качества в самых различных отраслях народного хозяйства.

С целью такого объединения намечено проведение Первой всесоюзной конференции по квалиметрии. По согласованию с Европейской организацией по контролю качества (ЕОКК), в члены которой СССР вступил несколько лет назад, аналогичная международная конференция намечена к проведению в Москве в 1971 году. К этому времени квалиметрия должна превратиться в науку, активно способствующую техническому прогрессу нашей страны.

Обо всем этом мы рассказали для того, чтобы ясно стало, что для прозвучавшего со страниц «Литературной газеты» предложения о создании столь необходимого нам института покупателей появляется и научная база.

А. ГЛИЧЕВ,
профессор, доктор экономических наук
В. ПАНОВ,
кандидат экономических наук
Г. АЗГАЛЬДОВ,
кандидат технических наук
Э. РАЙХМАН,
инженер

Из редакционной почты

ЖАЛЬ, ЧТО ТОЛЬКО В АКЧИ

На мой взгляд, организация труда, существующая в опытном хозяйстве, о котором сообщается в статье «Эксперимент в Акчи» («ЛГ», № 21, 1969) является самой рациональной, и широкое внедрение такой организации дало бы возможность в короткий срок достичь самой высокой в мире производительности труда в сельском хозяйстве.

Я хорошо представляю себе, что все это не легко и не просто, но для расширения этого эксперимента, по-моему, есть и возможность, и необходимость. Ведь хозяйство с такой организацией труда не обязательно создавать на голом месте. Его можно организовать на базе существующего совхоза.

Лично я, имея диплом инженера-механика, охотно соглашусь работать при такой организации труда рядовым членом звена. Это мое желание не является случайным. Несколько лет назад я занимал должность главного инженера совхоза, и приходилось мне выполнять работу самую различную (снабженца-экспедитора, мастера-наладчика и т. д.), но не инженерную, и я был бессилен хотя бы несколько улучшить положение дел в хозяйстве, может быть, в некоторой степени из-за своих индивидуальных качеств, но больше всего из-за неправильной организации труда, требующей постоянного контроля за тем, как люди работают. В этих условиях труд специалиста совсем неэффективен. А когда люди по-настоящему заинтересованы, никакой контроль не нужен, и куда приятнее самому заниматься производительным трудом, работать в поле на тракторе или комбайне. Я уверен, что в опытном казахстанском совхозе специалисты не переживают тех неприятных чувств, которые испытывал я, будучи главным инженером.

А. ТАРЛЕЦКИЙ

ТОРЖОК
Калининской области

ВЫБОР, НО БЕЗ ОШИБОК

Нужна ли нам служба профессиональной ориентации? Полезна ли она? Такой спор возник на страницах «ЛГ» (№ 12, 1969) между С. Батышевым и авторами статьи «Ошибки выбора» Д. Кайдаловым и М. Мониной. Будучи причастным к некоторым исследованиям в этой области, позволю высказать свое мнение.

Профессиональная ориентация проводится почти во всех социалистических странах, а всего—более чем в 50 государствах мира. Во Франции, например, ею занимается около 250 центров. Можно ли все это объяснить только «анкетным поветрием», о котором пишут Д. Кайдалов и М. Монина? Они пытаются доказать бесплодность профессиональной ориентации, и тоже неудачно. По данным Британского института промышленной психологии, 90 процентов лиц, последовавших рекомендациям, успешно овладели профессиями, а у половины из тех, кто пренебрег советом, в работе появились трудности.

Я касаюсь здесь зарубежной практики потому, что на нее ссылались авторы статьи «Ошибки выбора». Не стоит, однако, забывать, что большой положительный опыт профориентации существует у нас самих. Например, в отечественных авиационных училищах психофизиологический отбор существует уже несколько лет и целиком себя оправдывает. Доктор медицинских наук И. Карцев разработал систему профотбора для некоторых профессий: сборщиков часов, операторов энергосистем и т. д. Его метод дает вполне надежные результаты.

Таким образом, производственная эффективность профессиональной ориентации (в том числе и ее заключительного этапа—профотбора) не оставляет сомнения. То же самое можно сказать и о народнохозяйственной необходимости этого дела.

Обратимся к цифрам. Текучесть кадров на предприятиях достигает 20 и даже 30 процентов, причем до половины рабочих увольняется из-за неудовлетворенности профессией. Выучить человека специальности токаря, фрезеровщика, слесаря и т. п. стоит сейчас 160—200 рублей. Известно, что к 1970 году число занятых в нашем хозяйстве достигнет 92 миллионов человек. Вот и считайте: по самой скромной мере сохранение текучести на том же уровне обернется потерями миллиарда рублей в год!

Только в Казани институты теряют из-за отсутствия профессиональной ориентации до 7 процентов студентов — столько молодежи отчисляется или переходит в другие вузы. Непроизводительные затраты на обучение при этом составляют до миллиона рублей в год.

Теперь — тоже вслед за Д. Кайдаловым и М. Мониной — переключим внимание на индивидуальные интересы людей, которым предлагает услуги профессиональная ориентация. Авторы «Ошибок выбора» сами впадают если не в ошибку, то в крайность, когда говорят о ненадежных инструментах ориентации. Разумеется, их можно улучшать, но это еще не резон, чтобы отмахиваться от существующих. Методики психофизиологических исследований, существующие у нас, апробированы различными способами и одобрены учеными. Они сегодня годны для применения и достаточно надежны.

Говоря, что профессиональная ориентация кладет «печать на всю жизнь», Д. Кайдалов и М. Монина слишком увлекаются спором со сторонниками крайней, «оценочной профориентации», которых немного, и забывают, что можно обойтись без вынесения каких-то приговоров, скрепленных еще и «документом».

Ведь как строится профессиональная ориентация? Сначала подростка просто информируют о специальностях, путях овладения ими, условиях труда и т. п. Потом его консультируют, советуют, куда лучше пойти учиться или работать, где он сможет быстрее и успешнее освоить дело. При этом консультант называет широкий «спектр» профессий, а последнее слово выбора остается за человеком, и больше того — он может даже полностью пренебречь рекомендацией. На последней стадии, когда производится профессиональный отбор, тогда человека могут не взять, скажем, в летчики. Но и в этом случае у него остается широкая свобода выбора, потому что, помимо названной специальности, существуют сотни других, которые ему вовсе не противопоказаны. Мы должны помогать людям, не ограничивая, разумеется, их прав.

В жизни нередко бывает так, что желающих овладеть профессией больше, чем нужно в хозяйстве, или наоборот. Как быть? С. Батышев трижды прав, когда замечает, что прежде профессиональной (в узком смысле слова) нужна широкая социальная ориентация готовящегося вступить на трудовой путь. В частности, важно, чтобы школа внушала молодым уважение к физическому труду, сознание того, насколько важна и благородна в нашем обществе должность рабочего. На базе правильной социальной ориентации плодотворно пойдет и профессиональная.

Профессиональная ориентация у нас уже делает полезные практические шаги. В школах Литвы созданы консультационные пункты, работает 12 кабинетов профессиональной ориентации, в штате которых — врачи, психологи, педагоги. При министерстве высшего и среднего специального образования республики создан институт профессиональной ориентации на общественных началах, а в прошлом году появился Межведомственный комитет по профессиональной ориентации.

Большой интерес представляет и ряд научных работ в области профессиональной ориентации во Львове, Ленинграде и других городах. В конце этого года намечается провести всесоюзную конференцию по профессиональной ориентации. Будем надеяться, что она поможет позитивному решению важной проблемы.

В. СЕНАТСКИЙ

КАЗАНЬ

ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ МУЖЧИНЫ УХОДЯТ ИЗ ШКОЛЫ?

Недавно бывшая одноклассница спросила меня:

— Почему ты до сих пор не ушел из школы? То, что я уже не вырвусь, простительно: у меня двое детей. Но ты же мужчина!

Из 300 с лишним наших однокурсников в школе задержалось менее 20. И лишь двое мужчин.

Что особенно тревожно: уходят из школы не просто мужчины, а те из них, что тяготеют как раз к конкретной педагогике. Специалистов, которых влекут чисто административные функции, в школе предостаточно. Все они находят применение своим силам и на уровне школы, и в многоступенчатой системе органов народного образования. Зато остро ощущается нехватка мужчин, работающих непосредственно со школьниками (главным образом с подростками), особенно — классных руководителей.

Автор статьи «Мужчина уходит из школы...» главной причиной этих тревожных обстоятельств считает материальное положение учителя. Конечно, серьезность роли материального фактора ни в коем случае нельзя недооценивать. Но все-таки не это главное. Подавляющее большинство хороших специалистов, покидая школу, руководствуются отнюдь не меркантильными соображениями. Более того, нередко они уходят на более низкие оклады. Что же их влечет? Надежда на возможность творческого роста. И у меня лично не поднимется рука бросить в них камень.

Начну с фактов, о которых в школе не принято даже говорить, настолько к ним привыкли. Приходилось ли вам слышать, чтобы кто-то с полным правом мог заглядывать в рабочую тетрадь инженера, в записную книжку писателя, в план лекции преподавателя вуза? Личные бумаги учителя, например, поурочные планы нередко находятся под неусыпным надзором завуча, инспекторов, и горе ему, если они оформлены «не так».

И вот педагоги вынуждены заниматься делом, от которого, при всем желании, нельзя стать умнее. Энергия, потраченная на «оформление» бумаг и доведение их до «кондиции», безвозвратно потеряна и для учителя, который если не отлучается, то застывает на старом теоретическом уровне, и для детей.

И что примечательно: чем меньше педагог работает над теоретической литературой, над актуальными проблемами современной науки, тем в большей степени его устраивает подобная система. Разве плохо? Ведь многие инспектора, появившись в школе, прежде всего бросаются к бумагам. А за внешним блеском бумажной отчетности можно скрыть любые провалы и пороки в педагогическом деле.

Все это вовсе не означает, конечно, что в школах совершенно перевелись культурные и масштабные руководители. Мне, например, в свое время повезло: я начинал работу в хорошей школе, где директором была создана живая, чуждая формализму атмосфера...

Еще одна решающая, как мне кажется, сторона дела. Увы, все большая часть времени учителя тратится на работу на элементарном уровне. Он вынужден неоправданно много времени и энергии, запас которых отнюдь не безграничен, тратить подчас на безнадежно слабых учеников. Встречаются ребята, просто до анамалии неспособные к какому-либо предмету и в то же время сравнительно сносно, а иногда и вполне благополучно «одолевающие» другие науки. Им бы прочерк в аттестат. Но вместо этого способнейший словесник или математик вынужден повторять азы с этой частью класса, буквально обездоливая тех, от кого можно ожидать интересной, творческой отдачи.

Отказ от формальных критериев, по которым оценивается работа учителей и целых педагогических коллективов,— то главнейшее условие, которое поможет решить проблему «мужчина в школе». Да и не только эту проблему!

Г. НИКАНОРОВ,
учитель

МОСКВА

«Замороженная» заработная плата, глубокая депрессия, вызванная непрерывным ростом цен, раскаты забастовочной борьбы — такой рисует жизнь в Англии художник газеты «Морнинг стар». И, как всегда, оптимистические прогнозы британского бюро политической погоды не оправдываются...

АНГЛИЯ, 1969

Итак, второразрядная держава... Нелегко англичанам делать это невеселое признание. Но таково прямое следствие политики, которую на протяжении всех послевоенных лет, независимо от того, находятся ли у власти консерваторы или лейбористы, проводят правящие круги Англии.

Подчас кажется, что чувство реальности начисто утеряно британской буржуазией. Она продолжает мечтать о возврате былого могущества, забывая о том, что все изменилось с тех пор, как Британия владычествовала на морях. Не стало огромной колониальной империи, потеряны важнейшие экономические и стратегические позиции за морями. Не Англия, а США и ФРГ определяют курс НАТО в европейских делах. Непосильные и ничем не оправданные военные расходы, атлантические обязательства Англии вызывают один за другим финансовые кризисы, и некогда могущественный Английский банк вынужден просить помощи то в Цюрихе, то в Бонне, то в Вашингтоне. О падении престижа Англии на мировой арене говорят неопровержимые факты.

Как поднять свои акции? Если судить по британской «большой прессе», то в Лондоне полагают, что активная антисоветская, антисоциалистическая политика поможет укрепить позиции Англии в глазах международной реакции. И английская дипломатия в последнее время берет на себя неблаговидную роль проводника курса на обострение напряженности в мире. Средства массовой информации Англии, контролируемые правящими кругами, ведут разнузданную кампанию против нашей страны — придумывают небылицы о «советской военной угрозе», изображают в кривом зеркале жизнь в Советском Союзе.

Мы публикуем статьи писателя Б. Изакова—о политике английских правящих кругов и журналистов Л. Юрьева и К. Львова о том, как британская буржуазная печать пытается выслужиться перед самыми оголтелыми реакционными кругами Запада.

Борис ИЗАКОВ

ДЕРЖАВА ВТОРОГО РАЗРЯДА?

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ БЛИЗОРУКОЙ ПОЛИТИКИ

В ИЮЛЕ в Лондоне опубликован в виде «Белой книги» доклад правительственной комиссии сэра Вэла Дункана, назначенной год назад для пересмотра «функций и масштабов» дипломатической службы Англии. Выводы комиссии, рекомендовавшей сократить штаты дипломатической службы в связи с изменившейся ролью Британии в международных делах, содержат любопытное признание: «В наши дни Британия является одной из крупных держав второго разряда».

«Держава второго разряда»!.. В частных беседах и в печати такая точка зрения на современную Англию высказывается самими англичанами нередко. Но, кажется, впервые она фигурирует в официальном документе.

«ЛИКВИДАЦИОННОЕ БЮРО» ИМПЕРИИ

...Я помню предвоенную Англию с ее высокомерными дипломатами, чопорными леди и джентльменами, бессловесной и богобоязненной молодежью. В Лондоне тогда любили повторять, что над Британской империей никогда не заходит солнце, — ведь она раскинулась на всех континентах. Ее корабли бороздили океаны, и слова гимна «Правь, Британия, над волнами» не были пустым звуком. Где-то за водной далью десятки и сотни миллионов людей с черной, коричневой, желтой кожей гнули спину на плантациях и в рудниках, чтобы золото потоком текло в подвалы Английского банка.

Этой Англии больше нет.

После войны она потеряла территории с 640-миллионным населением (в круглых цифрах). Сегодня у нее осталось десятка два с половиной небольших — преимущественно островных — заморских владений с общим числом жителей приблизительно в 10 миллионов.

В последние годы мне доводилось бывать на Британских островах и в бывших владениях Англии, откуда ее изгнал подъем освободительного движения народов: у египетских пирамид и дальше, в самом сердце Африки, — на суданской земле, где сливаются Белый и Голубой Нил, на «Зеленом острове» — в Ирландской республике и на тропическом острове Сингапур, в иракском междуречье, которое образуют Тигр и Евфрат. Могу засвидетельствовать: везде, где правила Англия, она оставила свои следы — массивные здания колониальной администрации, комфортабельные клубы с непременными площадками для гольфа, железнодорожные линии и порты там, где это диктовалось торговыми интересами и стратегическими соображениями колонизаторов, казармы и тюрьмы — повсюду. И везде, где хозяйничали британские колонизаторы, они оставили страшное наследие нищеты, безработицы, голода.

Так называемое Содружество наций, пришедшее на смену Британской империи, меньше всего является содружеством: точнее его назвать ликвидационным бюро империи, и как таковое оно просуществует в своем нынешнем виде безусловно недолго. Содружество позволяет Англии сохранять — пока что — определенные экономические позиции на некоторых бывших имперских территориях и эксплуатировать их богатства. Но интересы сегодняшней Англии и других стран Содружества расходятся коренным образом, и раздоры между ними приняли острый и затяжной характер.

Колониальная империя утрачена безвозвратно.

Значит ли это, что Англия с ее мощным промышленным потенциалом, с современным уровнем ее науки и техники, с высококвалифицированным рабочим классом, с ее опытом в организации мировой торговли и мореплавания исторически обречена в наши дни стать «державой второго разряда»? Ничуть не бывало. Если что и делает Англию второразрядной, то это политика ее правящих кругов. Потеряв империю, они не сумели найти для своей страны новой роли и должного места в современном мире.

ПО СТОПАМ КОНСЕРВАТОРОВ

По всем вопросам как внутренней, так и внешней политики правящие круги Англии держатся традиционного курса, отжившего свой век подхода, устаревших решений.

Пожалуй, этого можно было ожидать от консерваторов — самая система взглядов делает их приверженцами старого и противниками нового. Но английское правительство состоит сейчас из лейбористов. Избиратели отдали им предпочтение именно потому, что те обещали новую политику, новый подход к насущным проблемам. Так было в трудные годы после первой мировой войны, когда народ дважды вручал лейбористам судьбы страны, так произошло и в наши дни.

Конечно, английская лейбористская партия (в дословном переводе — партия труда) никогда не была подлинно социалистической, а тем более революционной партией. Ее лидеры похваляются тем, что не читали Маркса. В свое время, в дни премьерства Макдональда, в Лондоне передавали достоверную историю: когда он возглавил первое лейбористское правительство, король Георг, принимая новоиспеченного премьера, пожурил его за то, что на лейбористском митинге пели «Красное знамя», боевой гимн английских рабочих. В ответ Макдональд покорнейше обещал отучить рабочих от этой скверной привычки (что ему не удалось).

В наши дни, как и при Макдональде, лейбористское правительство по инерции продолжает идти по стопам консерваторов.

Правительство делает ставку на сверхкрупные монополии. Страну захлестнула форменная волна слияний капиталистических фирм, поощряемых к этому Индустриальной исследовательской корпорацией, созданной при содействии правительства и обладающей кругленьким капиталом. От слияния концернов буржуазные экономисты ожидали многого. Между тем по общему объему промышленного производства Англию обогнали в капиталистическом мире не только Соединенные Штаты, но и ФРГ, а в прошлом году — и Япония.

Баланс английской внешней торговли неизменно сводится со значительным дефицитом. Фунт стерлингов ковыляет от кризиса к кризису. В то время как английские богачи вывозят свои капиталы за границу, где они рассчитывают на большие прибыли, представители правительства облачивают пороги Международного валютного фонда и зарубежных банков в поисках внешних займов. Свои и иностранные банкиры навязывают Англии ортодоксальную экономическую политику ограничения потребления трудящегося люда.

Когда в результате забастовочной борьбы было сорвано замораживание заработной платы, правительство ополчилось против забастовок. Министр по вопросам занятости и производительности труда Барбара Касл породила антирабочий законопроект, который предусматривал суровые карательные меры против организаторов и участников забастовок. И это в Англии наших дней при правительстве, которое называет себя рабочим! Консервативная партия приветствовала антирабочий законопроект лейбористов, ее лидер Хит заявил, что законопроект во многом напоминает предложения самих консерваторов. Понадобилось решительное сопротивление рабочего класса, чтобы правительство от своего законопроекта отказалось. Впрочем, дело не обошлось без компромисса: некоторые карательные функции против забастовщиков взял на себя Генеральный совет Британского конгресса тред-юнионов.

Правительство шумно рекламировало свое решение отозвать к 1971 году войска, расположенные «к востоку от Суэца», как Меру сокращения военных расходов. Но объективные подсчеты показывают, что экономия, получаемая от такой эвакуации, составит всего около 80 миллионов фунтов стерлингов, тогда как военные расходы Англии перевалили за два с четвертью миллиарда фунтов. Лейбористское правительство тратит на военные цели больший процент валового национального продукта, чем тратило правительство консерваторов.

Остается добавить, что безработица в Англии при благосклонном содействии правительства охватила более полумиллиона человек и уже давно не опускалась ниже этого уровня.

Зато вы по-прежнему видите в Лондоне кричащую роскошь: 1 процент населения владеет третьей частью всех личных состояний. Витрины ювелирных лавок на Бонд-стрит ломятся от драгоценностей, в потоке уличного движения катят «ролле-ройсы» и «ягуары», аукционный зал великосветской фирмы Сотби не испытывает недостатка в богатых коллекционерах, готовых выбросить большие тысячи за старинную безделушку...

АЛЬЯНС ЛОНДОН — БОНН

Британская дипломатия никак не может оторваться от стародавнего пристрастия к сложным и запутанным интригам, к сколачиванию союзов и группировок одних держав, направленных против других держав. Как и в прошлом, британская дипломатия норовит поссорить между собой иные державы — особенно те, которые посильнее Англии, — руководствуясь стародавним правилом: разделяй и властвуй. Острие этой политики направлено против СССР и других социалистических стран. Именно Англия в союзе с ФРГ действует сегодня в НАТО как застрельщица нагнетания напряженности и усиления гонки вооружений.

Был такой период, когда ослабевшая, теряющая колонии Англия строила свои расчеты на «особых отношениях» с Соединенными Штатами. Этот период явно подходит к концу. В Лондоне и хотели бы его продлить, но в Вашингтоне настроены иначе: экономические затруднения Англии, частые колебания фунта стерлингов делают тесные отношения с ней обузой для партнера. Судя по всему, Англия была бы сейчас не прочь завязать «особые отношения» с ФРГ. Подыгрывая Бонну, лейбористские министры дошли до того, что неоднократно солидаризировались с реваншистскими требованиями пересмотра границ по Одеру — Нейсе и с боннскими претензиями на Западный Берлин.

Между тем в самой Англии очень многие опасаются близкого партнерства с западногерманским милитаризмом. С какой стати, спрашивают они, польстится на такое партнерство Бонн? В военном отношении сотрудничество с Англией уже обеспечено ему в рамках НАТО, в экономическом отношении сотрудничество с ней особой ценности не представляет. Остается одна область, в которой Англия имеет преимущество перед ФРГ: ядерное оружие, а к нему уже давно подбирается бундесвер. В этой связи приобретает особый смысл соглашение между Англией, ФРГ и Голландией о совместном производстве обогащенного урана методом центрифуги. Опасный характер намечающегося англо-западногерманского ядерного содружества для самой Англии и для всеобщего мира вряд ли нуждается в доказательствах.

ВСЕ эти аспекты внутренней и внешней политики вызывают разброд и разногласия в английском общественном мнении, внутри правящей партии, да и в самом правительстве. Престиж лейбористского правительства низко пал и продолжает падать. На целом ряде дополнительных парламентских выборов — даже в исконных рабочих районах — консерваторы нанесли лейбористам тяжелые поражения. Впрочем, избиратели не особенно жалуют и консерваторов. Печать пишет о «кризисе доверия».

Когда я в последний раз посетил этой весной Англию, меня поразило брожение среди молодежи. Прежде она в своей массе держалась в стороне от политики; даже «сердитые молодые люди» пятидесятых годов меньше всего интересовались большими политическими вопросами. Сегодня английская молодежь страстно увлекается политикой, ее волнует решительно все: американская агрессия во Вьетнаме, бесчинства фашистской хунты в Греции, происки белых расистов в Родезии, но, конечно, больше всего устаревшие порядки в собственных учебных заведениях. Молодежь в поисках — она мечется, блуждает, порой спотыкается. Но она все решительнее отвергает ценности буржуазного общества.

С некоторой оговоркой приведу характеристику этого общества из книги «Англичане», принадлежащей перу популярного комментатора телевидения Дэвида Фроста и литератора Энтони Джея: «Огромные долги, хромающая промышленность, устаревшие союзы, недееспособная администрация, несостоятельный экспорт, сурово ограничиваемая зарплата, перегруженные дороги, загнивающие города, безответственные подростки, неверующие церковники, беглые каторжники, телевизионные наркоманы, близорукие бюрократы. Все это пытается сдержать обваливающиеся руины отжившей империи с помощью непригодной армии, сомнительной валюты и королевского казначейства с дырой посредине».

Нарисованная картина современной Англии, потерявшей империю и не нашедшей своего места в изменившемся мире, не слишком далека от действительности...

МУТНАЯ волна антисоветизма захлестывает в последнее время английскую буржуазную печать. Ведется массированная многоцелевая атака на Советский Союз, усиливаются нападки на марксистско-ленинскую идеологию. В кампанию, истоки которой нетрудно обнаружить в политике Уайт-холла, активно включились и издания, до недавних пор кичившиеся традиционной британской «добропорядочностью и сдержанностью».

В. И. Ленин, хорошо изучивший повадки и нравы буржуазной прессы, писал около полувека назад: «Капитализм делал из газет капиталистические предприятия, орудия наживы для богачей, информации и забавы для них, орудия обмана и одурачивания для массы трудящихся...» Эта характеристика нравов прессы Англии сохранила силу и в наши дни: здесь издание газеты — крупная монополизированная отрасль промышленности, тесно связанная с финансовым капиталом, чьи интересы она и отстаивает.

В злобном антисоветском хоре первую партию ведет ежедневная лондонская газета «Дейли телеграф», принадлежащая газетному концерну Берри, который издает, помимо нее, еще десятка два провинциальных газет и журналов.

Некоторые английские газеты пытаются ввести в заблуждение общественность, помещая слово «независимая», отпечатанное мелким шрифтом под заголовком. «Дейли телеграф» отбрасывает этот фиговый листок, она не скрывает, кому служит. «Консервативная» — поясняет подзаголовок. Итак, основная аудитория «Дейли телеграф» — консервативно настроенные круги страны. Англичане называют ее «рупором консерватизма».

Самое характерное для «Дейли телеграф» — зоологическая ненависть к Советскому Союзу, к странам социализма, к прогрессивным силам, ведущим борьбу против капиталистической эксплуатации, против происков империализма.

В подшивке «Дейли телеграф» не найти хотя бы мало-мальски благожелательных отзывов об успехах советского народа, то есть того, что не решаются замалчивать даже правые издания Запада. Зато есть безбрежное море антисоветской клеветы.

«Дейли телеграф» сознательно раздувает несуществующую «угрозу» со стороны Советского Союза, его «агрессивность». Факты? А они и не нужны редакции. Важно лишь найти видимость обоснования для заявлений впавшего в милитаристский раж военного министра Дениса Хили, пообещавшего англичанам одним ударом (!) потопить советский флот.

Всем известна последовательная линия Советского правительства, направленная против американской агрессии во Вьетнаме, дипломатическая и политическая поддержка, щедрая экономическая помощь героическому вьетнамскому народу, ведущему справедливую борьбу против американских агрессоров. Но «Дейли телеграф» пишет: «Россия любыми средствами намерена предотвратить (!) уход американцев из Юго-Восточной Азии... и поэтому не желает помогать урегулированию вьетнамской проблемы».

Особенно широко используют антисоветчики из «Дейли телеграф» действия клики Мао Цзэдуна и ее бешеную клевету на Советский Союз и его правительство. После известных событий, спровоцированных маоистской военщиной на советско-китайской границе в районе острова Даманского, «Дейли телеграф» публикует статьи антисоветского содержания. Газета стремится исказить, оболгать, оклеветать внешнюю политику Советского Союза, посеять к нему недоверие в других странах. Вот дословная выдержка из утверждений «Дейли телеграф»: «Русские начинают говорить все более агрессивным тоном как в отношении Запада, так и Востока. Они дали ясно понять, что готовы применить ядерное оружие как против Западной Германии, так и против Китая...» Не довольствуясь этой ложью, автор провокационной статьи Стивен Констант развивает свой план «ядерной войны» между Советским Союзом и Китаем, с глубокомысленно-серьезным видом теоретизирует, где со «стратегической точки зрения» выгоднее нанести первый ядерный удар. «Было бы ошибкой, — пишет в заключение этот стратег, — бояться предположить очевидное, потому что это кажется очевидным». Вот уж, действительно, от «очевидного» в воображении господина Константа до фактов — дистанция огромного размера!

«Рупор консерваторов» публикует злопыхательские статьи русского эмигрантского отребья, не брезгует любой печатной макулатурой. Неспроста именно в редакцию «Дейли телеграф» пожаловал предатель А. Анатоль: он уверен, — там на корню закупят нудины писания.

Свой вклад в антисоветскую пропаганду вносят «Таймс», «Гардиан», «Санди таймс», «Дейли миррор».

«Дейли миррор», например, с упоением пропагандирует на своих страницах «потрясающий (!) китайский фильм антисоветского содержания, который будет демонстрироваться в кинотеатрах Лондона». Специальные красочные проспекты фильма, выпущенные маоистскими пропагандистами, наводнили британскую столицу.

Пальму первенства по части распространения лжи о Советском Союзе у «Дейли телеграф» пытается перехватить газета «Гардиан». К услугам читателей — целая птицеферма антисоветских «уток».

В «Гардиан» подвизаются опытные, набившие на этом деле руку «кремленологи». Среди них — Виктор Зорза. Почти каждый номер газеты «украшает» его антисоветский опус. То он пригугнет своих читателей «400 советскими подводными ядерными лодками», которые якобы бороздят воды британских морей, то заявит, что «советские военнослужащие захватили бывший французский атомный центр в Сахаре» и т. д.

Не остались в стороне от антисоветской кампании и книгоиздатели. Недавно в издательстве «Констэбл энд компани» вышла клеветническая книга антикоммуниста Хелмута Андикса. На прилавках появилась книга американского ученого Альберта Перри «Раскол нового класса. Русская наука и техника против коммунизма», выпущенная английским издательством «Макмиллан». В ней, по утверждению автора, делается попытка «доработать» и «дополнить» вопросы, поднятые в антисоветской книге югославского ренегата Джиласа «Новый класс».

Английское издательство «Бодли Хэд» не удовлетворилось отдельными наскоками на советскую действительность и выпустило серию книг — «необходимое пособие для всех, желающих узнать об истинном положении вещей в Советском Союзе». О «достоверности» информации можно судить по тому, что главный редактор издания — один из матерых антисоветчиков Конквест.

Асы британской антисоветской пропаганды продолжают заполнять газеты, телевидение, эфир злобным воем. В этой принявшей широкий размах кампании чувствуется опытная рука тех, кто заинтересован в ухудшении англо-советских отношений.

Л. ЮРЬЕВ,
К. ЛЬВОВ

МОРЕ ЛЖИ У БЕРЕГОВ ТЕМЗЫ

В шести графствах Ольстера (Северная Ирландия) не прекращаются ожесточенные стычки трудящихся с полицией. На улицах Белфаста течет кровь. Для усмирения беспорядков полиция использовала бронетранспортеры. Демонстранты требуют от правительства предоставления равных гражданских прав.

ПАВЕЛ КОРЧАГИН НА РОДИНЕ ТЕЛЬМАНА

ГЕРМАНИЯ находилась во власти фашистской тьмы, когда увидела свет книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Первые ее издания на немецком языке вышли в Советском Союзе.

По-разному в разные годы приходила книга Островского к немецкому читателю. Раньше других с нею познакомились немцы, эмигрировавшие из гитлеровской Германии, и прежде всего те, которые жили в нашей стране. Позже, уже в годы войны, о ней узнали, у нас же, многие немцы военнопленные. Это и нашло свое отражение в романе Герберта Отто «Ложь». Там военнопленный Альфред Гоферкорн, замысливший бежать из лагеря, идет в библиотеку за географической картой. А ему советуют прочесть книгу, которая «все ходит по рукам» и которую «только вчера вернули». Гоферкорн взглянул на заглавие «Как закалялась сталь» и решил, что книга — о металлургии, о технологии стали. Библиотекарь разъяснил, что книга о другом, и уговорил его взять ее. «Как закалялась сталь» захватила его с первых же страниц. И это не прошло для него бесследно.

Я поехал в Германскую Демократическую Республику, чтобы познать след Островского — Корчагина на родине Тельмана. В ГДР вышло уже двадцать восемь изданий «Как закалялась сталь», и тираж ее исчисляется сотнями тысяч.

— Эта книга занимает у нас первое место по количеству изданий и по тиражу, — сказал об Островском главный редактор молодежного издательства «Нойес лебен».

В ГДР, как до того в других братских странах, я выступал с лекциями о «живом Корчагине». На поездку ушло две недели. Она была заполнена множеством встреч: с рабочими и студентами, библиотекарями и школьниками, преподавателями и журналистами, издательскими работниками и сотрудниками Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ), с переводчиком «Как закалялась сталь» на немецкий язык Эрнстом Дорнхофом и с дочерью Эрнста Тельмана — Ирмой Тельман.

Дочь Эрнста Тельмана рассказала о том, что о книге Островского она узнала еще в концентрационном лагере от заключенных советских женщин. «Волевое чудо» Корчагина поддерживало многих. Его мужественный образ ассоциировался с известными строками «Фауста», звучащими как девиз: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!» Корчагин звал к жизни, к свободе, а значит — к борьбе.

И я тогда понял, что не случайно именно книга Островского фигурирует в фильме «Эрнст Тельман — сын своего класса», снятом по сценарию В. Бределя и М. Чесно-Хелля. Она отважно боролась в глубоком подполье.

Что произошло потом, после разгрома фашизма? На этот вопрос отвечает один из авторов анкеты, которую я распространил во время поездки среди читателей ГДР.

«К моему поколению принадлежат люди, которым было 15 лет, когда кончилась война: слишком молодые, чтобы быть виновниками, но достаточно зрелые, чтобы понять преступления Гитлера. Мы быстро взрослели от ночных бомбежек, голода и холода. Фашисты пригнали нас к самому что ни на есть краю жизни. Но пришла Советская Армия, а вместе с нею и надежда на светлое будущее, которое нуждалось в нашей действенной силе. Мы чувствовали свою ответственность перед ним и готовы были многое взять на себя. Мы жадно стремились познакомиться с советскими людьми и с советской литературой.

Одной из первых книг, ставшей для нас открытием, была книга «Как закалялась сталь». Мы ее тогда называли просто «Сталь». И это — свидетельство ее популярности. «Сталь» прочитали все члены нашей группы Союза свободной немецкой молодежи. Мы инсценировали «Сталь»: сыграли сцены строительства узкоколейки и VI съезда ФРКСМ. Мы буквально сроднились с дорогими нам образами.

Как же и почему все это произошло? Нас никто ведь не принуждал читать эту книгу. Мы знакомились с ней не по учебной программе. Интерес к ней возник из глубокой и естественной потребности учиться строительству новой жизни и самим становиться новыми людьми.

Для нас «Сталь» была первой встречей со страной и людьми, которых фашисты так подло и зло оклеветали. Книга Островского помогла нам познать правду. И она наполнила наши юные сердца великим чувством дружбы к Советскому Союзу».

«Как закалялась сталь» так прочно вошла в жизнь новой Германии, что писатели, отражая жизнь, не могут не сказать о книге Островского.

Характерный пример. Роман Германа Канта «Актовый зал», известный нашим читателям, посвящен жизни студентов рабоче-крестьянского факультета (РКФ), существовавшего в первые годы становления ГДР. В нем такая сцена. Группа студентов сталкивается с торговцем-спекулянтом. Один из них — Роберт Исваль — негодует: «Меня зло берет, когда я вижу таких типов». Его поддерживает Герд Трулезанд: «Все эти лавочники — эксплуататоры». Но Хелла Шмёде не понимает их раздражения, ее отец ведь тоже торговец. И Трулезанд обращается к высокому авторитету «Как закалялась сталь». Он говорит: «А вы читали Островского «Как закалялась сталь»? Нет? Прочтите, тогда лучше поймете!»

Книга Островского учила их не только мужеству, но и классовой ненависти, без которой немыслимо построить новую жизнь и самим стать новыми людьми.

Интерес к Островскому — Корчагину не угас. Его не могут ослабить никакие «модные течения». Я имел возможность в том убедиться.

Не забыть многолюдной трехчасовой встречи с рабочими металлургического комбината «Макс-Хютте» в Унтервелленборне. Слушали лекцию. Задавали вопросы. Отвечали на анкету. А затем с гордостью показали мне дневник бригад германо-советской дружбы, в который давно уже были аккуратно вписаны строки из «Как закалялась сталь».

В канун пятидесятилетия Октября окружная газета города Карл-Маркс-штадт «Фрайе прессе» уделила много места социалистическим свершениям в Советском Союзе. Речь шла и о формировании нового человека. Центральное место занял Корчагин и Корчагины наших дней.

Островский — Корчагин — любимый герой школьников Опаца. Их преподаватель Рейнхольд Леман умело пользуется книгами Островского как могучим средством воспитания своих питомцев. Они пишут школьные сочинения, устраивают диспуты.

И здесь, в ГДР, на родине Тельмана, Корчагин живет не обычной книжной жизнью героя.

В февральском номере журнала «Армия» напечатана, например, корреспонденция шестнадцатилетней Ангелики Клемм «Я разговариваю с Павлом Корчагиным». Девушка тяжело больна. И она делится с Корчагиным своими переживаниями, советуется с ним, рассказывает о том, как он помогает ей вернуться к жизни. Она беседует с ним, как со своим современником, старшим другом. Интонация доверительная, интимная: «Ты понимаешь, Павел...», «Павел, ты видел меня?», «Ты никогда не был счастлив без работы», «Я пытаюсь делать в малом масштабе то, что ты делал в большом».

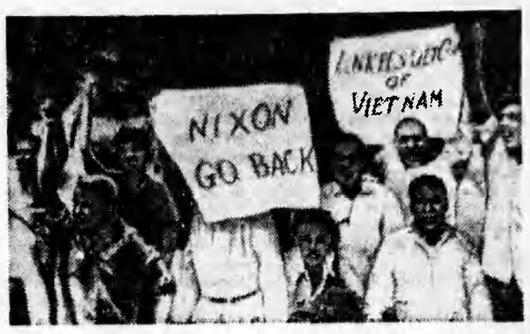
Его энергия и воля продолжают служить вдохновляющим образцом. Он живет в победах новой Германии, в ее молодом поколении — юношах и девушках с золотым солнцем на рукавах синих блуз — эмблемой ССНМ, уверенно смотрящих в будущее и изо дня в день творящих его.

Семен ТРЕГУБ

Перископ «ЛГ»

Горит земля под ногами израильских агрессоров. Опасность подстерегает их на каждом шагу. Даже жалкая повозка бедняка-араба, которую обыскивает израильский солдат, внушает ему страх.

«Янки — вон из Вьетнама!», «Никсон убирайся домой!» — такими плакатами встретили в Нью-Дели президента США, совершавшего недавно поездку по странам Азии.

Профессор Ф. ЗАПОРОЖСКИЙ

ПЕКИНСКИЕ ИНКВИЗИТОРЫ

3. ДЕГУМАНИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛУЧШИЕ творения китайской литературы отличаются ясной гуманистической направленностью, верой в созидательные качества человеческой личности, высокими моральными принципами патриотизма.

В произведениях китайской литературы, созданных в двадцатые годы, *после антифеодального и антиимпериалистического движения «4 мая» 1919 года*, нашли свое органическое соединение национальные традиции классики и взгляды нового передового мировоззрения. Один из основателей Коммунистической партии Китая Ли Да-чжао, имея в виду преемственность лучших традиций прошлого, подчеркивал в 1919 году, что подлинно новой литературой можно считать лишь творчество, характеризующееся гуманистической направленностью, прогрессивными принципами и идеалами.

Горько сознавать, что сам термин «гуманизм» в сегодняшнем Китае, где народ извечно вел неустанную борьбу против бесчеловечности и жестокости, тирании и деспотизма, стал теперь словом бранным, оскорбительным, «ядовитым сорняком».

В своих яньаньских «Выступлениях» Мао Цзэ-дун с позиций «классовости» и «революционности» подверг критике и осуждению само понятие «любовь к человеку». Он утверждал, что «подлинная любовь к человеку возможна, но лишь после того, как во всем мире будут уничтожены классы». В соответствии с этим *антимарксистским* и антигуманистическим положением маоизма понятие «любовь к человеку», «человеческое счастье», «благосостояние» объявлены теперь в Китае «чуждыми», «буржуазными», «реакционными», «ревизионистскими». В духе этих столь же вульгарных, сколь и демагогических установок, подвергнувших остракизму реалистическое искусство, торопливо лепятся положительные герои в сегодняшней китайской литературе — «солдаты Мао», безропотные и покорные. Человек, высший продукт развития природы и истории, предстает в такого рода произведениях как условное обозначение, иероглифический знак или бездушный логарифм.

В книге И. М. Надеева «Культурная революция» и судьба китайской литературы» справедливо указывается, что такая вульгарная установка находится в разительном противоречии с разносторонними эстетическими критериями В. И. Ленина, решительно осуждавшего утверждение о том, будто социализм не признает права человека на личное счастье, будто сущность революционного искусства состоит в аскетическом ограничении, отрицании личной жизни, ущемлении естественных человеческих чувств. «Марксизм, — говорил В. И. Ленин, — не отрицает, а, наоборот, утверждает здоровую радость жизни, даваемую природой, любовью и так далее».

В устах пекинских пропагандистов Мао Цзэ-дун представляется не иначе, как величайший теоретик литературы и искусства: он «впервые в истории пролетарской революции выдвинул самую законченную, самую последовательную и самую правильную программу пролетарской культурной революции и линию в области пролетарской революционной литературы и искусства».

В связи с 45-летием со дня основания КПК журнал «Хунци», теоретический орган ЦК КПК, в редакционной статье «Компас великой пролетарской культурной революции» писал, что выступления на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани — «это компас, с помощью которого мы можем ориентироваться в острой классовой борьбе, отличать благоухающие цветы от ядовитых трав, отличать революционера от контрреволюционера. «Выступления» — это зеркало, через которое вся нечисть предстает в подлинном свете. Это — самое острое оружие...» И, наконец, «в наше время, — декларирует журнал, — товарищ Мао Цзэ-дун поднял марксизм-ленинизм на совершенно новый этап его развития. Идеи Мао Цзэ-дуна являются вершиной марксизма-ленинизма в современную эпоху».

Противопоставление политического критерия художественному не могло не привести и в действительности привело к противопоставлению содержания мастерству, к противоречию между идейностью и художественностью. Все это обрекло творчество многих писателей на бесплодие, в лучшем случае — на поделку литературных иллюстраций к конкретным политическим лозунгам. Крупнейший прозаик и драматург Лао Шэ вынужден был заявить, хотя жестоко за то поплатился, что некоторые создавали свои произведения «не на базе тщательного изучения жизни, а *просто используя политический лозунг*, не зная, однако, как он родился». Славословие Мао Цзэ-дуна стало главным и единственным критерием ценностей произведений литературы и искусства. Основной принцип творчества — нерасторжимость идейного и художественного — грубо нарушен.

Таким образом, никаких объективных, научных критериев в оценке произведений, — только одно универсальное лекало — «идеи» Мао Цзэ-дуна, отступление от которых квалифицируется как политическая измена. В числе предателей, «ревизионистов», «противников» маоизма «боевой листок» «Вэньсюэ чжаньбао» назвал таких известных литераторов, как Чжао Шу-ли, Чжоу Ли-бо, Цзан Кэ-цзя, Шао Цюнь-линь, Чэнь Хуанмэй, Ша Тин, и сотни других представителей творческой интеллигенции.

Голоса протеста художников слова многих поколений в защиту гуманизма привлекали внимание благородной тревогой за судьбы литературы, художественного творчества в стране древней культуры, созданной гением народа. Процессы, происходящие в духовной жизни Китая наших дней, свидетельствуют *о том, что маоизм не способен предложить ничего иного, кроме отказа от гуманизма, кроме вульгарного социологизма и утилитарности в угоду политического авантюризма.*

КУЛЬТОВАЯ поэзия, гимны, ритуальные сценические постановки — ведущий, если не единственный, вид литературной продукции в нынешнем Китае. Проповеди рабского повиновения «новым» и «самым новым» указаниям «великого провидца» приобрели характер истерии, религиозного фанатизма. Абсолютизация маоизма и одновременно предание анафеме любого инакомыслия или малейшего несогласия напоминают суеверный психоз. Пресловутый цитатник возведен в ранг священного писания.

На совещании по изданию произведений Мао Цзэ-дуна в Пекине в августе 1966 года было провозглашено: «Каждое слово в трудах председателя Мао — это чистое золото... Мысли Мао Цзэ-дуна подобны Красному Солнцу в сердцах всего китайского народа и революционных народов мира. Мы будем передавать их от поколения к поколению. Подобно рыбе, которая не может жить без воды, мы не можем жить без идей Мао».

Только в одном 1967 году в Китае было напечатано 84,4 миллиона экземпляров избранных сочинений Мао Цзэ-дуна, 350 миллионов экземпляров цитатника, 47 миллионов экземпляров избранных текстов, тиражом в 57 миллионов изданы стихотворения Мао.

Возникновение культа Мао Цзэ-дуна в литературе относится к началу 50-х годов. Вскоре после освобождения Китая в свет вышел поэтический сборник «В Китае явился Мао Цзэ-дун». Уже здесь прославление Мао приобретает черты чудовищной гиперболизации. Его образ сравнивается с солнцем, созвездиями, небесными светилами... Постепенно это становится штампом, обязательным для всех видов и жанров литературы и искусства. Вот пример «астрономической терминологии»:

«Встречаю Красное Солнце, читаю бесценные труды председателя Мао», «Вы в наших сердцах, самое красное, самое красное, самое красное солнце», «Идеи Мао окрасили небо в красный цвет» и т. д.

Во многих стихотворениях повторяются одни и те же шаблоны:

«Идеи Мао Цзэ-дуна — это незаходящее солнце», «Идеи Мао Цзэ-дуна имеют всемогущую силу, его знамя излучает сияние», «Великий председатель Мао — сияющее солнце».

Словом, от сюжетов и образов здесь утренней свежестью не веет.

У одного из новых героев Лю Сюэ-бао — «образцового солдата Мао Цзэ-дуна» — не сходят с уст такие слова:

«Мое самое великое счастье — вечное здоровье самого красного, самого красного-красного солнца председателя Мао, что живет в нашем сердце», «О, председатель Мао, председатель Мао! Любовь и тебе выше неба, любовь к тебе глубже моря. Наши революционные бойцы поклялись: жить, чтобы бороться за тебя, смерть посвятить тебе!»

Тема фанатичного самопожертвования, смерть, как доказательство преданности маоизму, приобрели все права гражданства. Разрушение, смерть, противные самой природе человека, возведены в некую добродетель, в пафос воинственности. В этом раскрывается маоистская концепция эстетики разрушения и войны. Война и смерть изображаются как явления, доставляющие удовлетворение, радость.

В стихотворении «От души поем красное солнце» приводится почти бухгалтерский реестр добродетелей Мао Цзэ-дуна. Здесь славится

«кормчий, великое воплощение правды, великий талант, сияющая Большая Медведица, солнце в сердцах, спасительная звезда, надежда всего мира...»

— и все это в одном стихотворении.

Космическая орнаментальность переходит самые фантастические грани: во всем мироздании нет ничего равного «лучезарности кормчего», даже солнце оказывается лишь неким подобием:

**Солнце, взойдя, озаряет все вокруг,
Солнце подобно Мао Цзэ-дуну...**

Эта гиперболизация превзошла панегирические преувеличения ритуальных гимнов древности и средневековья, с непременным изображением канонизированной личности — императора, основателя династии.

В фанатическом исступлении нагнетается атмосфера идолопоклонства. Феноменальное славословие обрело власть нерушимой нормы для всякого произведения. При этом любой эпитет непременно употребляется в превосходной степени. Но панегирическая лексика сама по себе никогда не была способна создать явлений художественной литературы. Культовая поэзия, представляющая собой, по сути, зарифмованные строки, вскоре выработала набор клише, которые, подменив всякую образность, механически включились в примелькавшиеся сусальные вирши.

В стихе Фу Цзин-чэна «Великий руководитель Мао Цзэ-дун» есть строки:

«Преобразовываем небо, обновляем небо, кто руководит нами? Великий Мао Цзэ-дун... Кто развил марксизм-ленинизм? Великий полководец Мао Цзэ-дун... В чьих руках руль мировой революции? В руках великого кормчего Мао Цзэ-дуна!»

Подобные славословия встречаются почти в каждом сочинении.

Песня «Центральная сила в руководстве нашим делом», созданная к «выдержкам из произведений Мао Цзэ-дуна», состоит из набора фраз: «Да здравствует председатель Мао! Да здравствует он десять тысяч лет! Да здравствует он миллион лет!» В статье некоего Цзи Хун-сюя «Гимн всепроникающим военным идеям Мао Цзэ-дуна» говорится:

«Революционные народы мира непременно и быстро вооружатся идеями Мао Цзэ-дуна... Они овладеют идеологией Мао, этой грозной, не имеющей равных духовной атомной бомбой, они непременно победят во всем мире».

Весьма показательно, что еще совсем недавно «идеи» Мао интерпретировались официальной пропагандой, как явления национальные, как конкретизация марксизма в специфических китайских условиях. Теперь маоизм уже открыто претендует на всеобщее значение, на универсальность. И мотив победы и торжества «не имеющих себе равных идей» Мао Цзэ-дуна во всем мире назойливо повторяется все чаще, раздается все громче.

Нелепость ситуации самоочевидна, но «кормчего» это нисколько не смущает. И есть серьезные основания полагать, что доктрина идолопоклонства исходит непосредственно от самого «великого мудреца». Все это, так сказать, лишь артикуляция, звуки, «музыкальные дацзыбао», слушая которые трудно удержаться от иронической улыбки. Но благодаря «соавторству» «кормчего» поделки эти, выдержанные в духе квазимарксистской фразеологии, приобретают силу законов, указов, вердиктов, отличающихся от протоколов и документов только барабанным сопровождением.

Недавно песенный репертуар пополнился сочинением, составленным на основе «новейшего указания» Мао Цзэ-дуна: «Широкие массы кадровых работников отправляются заниматься физическим трудом».

«Мудрейшее указание» об отправке кадровых работников на «перевоспитание» в деревню вызвало «поэтический пафос», «слезы счастья». Газета «Гуанмин жибао» писала: «На лицах людей слезы радости — широкие массы кадровых работников отправляются в низы заниматься физическим трудом». Те же слезы (тогда они назывались безутешными) были и во времена деспота Цинь Ши-хуанди, которым Мао всегда восхищался и который отправлял опальных ученых для «исправления» физическим трудом на строительство Великой Китайской стены.

В июле этого года в Пекине с необыкновенной пышностью отмечался своего рода юбилей отправки в 1968 году первого армейского «отряда по пропаганде идей Мао Цзэ-дуна» в политехнический институт «Цинхуа». В специальном выпуске агентство Синьхуа воскресило историю этого события, которое, как подчеркивается агентством, «открыло новую эру» для Китая. Известно, что хунвэйбины, «строго придерживаясь указаний» штаба маоистов, добросовестно расправлялись с «агентами Лю Шао-ци» и другими опальными лицами. Но в ходе «культурной революции» часть молодежи и преподавателей «попала под влияние ревизионистских идей». Ими словами, плохо повиновалась маоистским директивам. Это и послужило причиной для распоряжения Мао Цзэ-дуна о занятии «Цинхуа» армейским подразделением. Судьба студентов и преподавателей, прошедших идеологическую сортировку, решилась просто: «еретики» были отправлены в деревню, в производственные бригады, «где они будут жить в домах бедняков и вместе с ними работать, учиться, есть, спать и критиковать ревизионизм». Говоря без «лощеного академизма», солдаты разогнали институт. «Вот так, — с восторгом резюмирует «Жэньминь жибао», — было полностью ликвидировано это скопление интеллигенции в одном месте».

И разве не возникает вопрос: что же все это, если не рабство мысли, рабство ума, рабство человеческого духа?! Поистине справедливо давнее восточное речение: что «не отняла у иных смерть, отнимает теперь жизнь».

НА ПОЧВЕ культового идолопоклонства обозначились попытки возрождения жанра мифотворчества. Главная их особенность — прямолинейность хунвэйбиновского фанатизма. Вот примеры:

«Жемчужинам моря, богатствам в недрах гор не сравниться с драгоценными трудами председателя Мао. Ярко-красные цветы гранатового дерева блекнут перед красным цветом великого знамени идей Мао Цзэ-дуна. В небе Млечный Путь долог-долог, а сердечная доброта председателя Мао не поддается измерению».

«Тысячи гор ликуют, десять тысяч вод поют песни, лица наших бедняков и середняков обращены к красному солнцу. Почему мы так звонко смеемся? Это председатель Мао встретился с нашими представителями. Почему слезы текут, не останавливаясь? Председатель Мао пожал нам руки, мы собственными глазами видели красное солнце. О время, остановись! О слезы, не лейтесь, красное солнце незакатное!»

Создание ореола легендарности очень скоро перешло в обожествление личности. Известно, что злокачественные образования растут в несколько раз быстрее, чем нормальная ткань. И вот Мао уже нарекается сверхчеловеком. Бурно зреет культ неземной личности, культ божества. Не чудовищно ли такое каноническое перевоплощение человека, который не перестает называть себя коммунистом и который превратил свои идеи в некий фетиш, в длани будды, всех и вся настигающие?

Абсолютное большинство произведений не только литературы, но и искусства представляет собой схематическую иллюстрацию высказываний и цитат Мао Цзэ-дуна. Спектакль «Восток заалел», например, завершается сценой, в которой массы на площади Тяньаньмынь в упоении и экстазе протягивают руки к фосфоресцирующему портрету Мао Цзэ-дуна.

Обожествление персоны Мао Цзэ-дуна неизбежно ведет к фетишизации вещей и предметов, связанных с его именем. Трагикомическая история с плодами манго — достаточно красноречивый пример. Одной из «рабоче-крестьянских агитбригад» за заслуги по распоряжению Мао Цзэ-дуна были подарены плоды манго. На плоды, помещенные в раствор формалина, дабы «сохранить их для потомков», приезжали смотреть организованные делегации. Обладатели «драгоценного дара» выделили от щедрот своих несколько плодов и послали своим коллегам в другие города. А для тех, кому не хватило настоящих плодов, сделали муляжи, но и бутафорские плоды манго доставлялись к месту назначения под усиленной охраной, где их ждали ликующие толпы. Эта фантастическая история, характеризующая будни Китая, не могла не найти своего отражения в стихах. И стихи эти, быть может, самое жалкое и грустное явление даже на фоне духовного оскудения сегодняшней китайской поэзии.

«Слезы радости льются, жаркая кровь клокочет, плоды манго принесли глубокие, как океан, чувства председателя Мао...»

В СВОИХ «Выступлениях» в Яньани Мао Цзэ-дун требовал развернуть среди деятелей литературы и искусства «настоящую и серьезную кампанию по исправлению стиля работы». Тогда мало кто отдавал себе отчет в истинном значении этих слов. Многие стремились найти в них действительную озабоченность судьбами художественного творчества в интересах сражавшегося китайского народа. Впоследствии, однако, «исправление стиля работы» обернулось проработочными кампаниями, одна ожесточеннее другой, в ходе которых шла расправа с «инакомыслием» и «еретизмом» в среде творческой интеллигенции. Карательные походы против нее следовали один за другим в 1951, 1954, 1955, 1957, 1958 годах.

Однако по масштабам преследований художественной интеллигенции и массовых репрессий история китайской литературы не знала ничего подобного развернутой маоистами в 1966 году «культурной революции», которая поистине оказалась общенациональной трагедией для духовной жизни Китая.

В одной из хунвэйбиновских листовок приводилось следующее указание Мао Цзэ-дуна:

«Нужно выдворить из городов оперных певцов, поэтов, драматургов, прочих деятелей литературы и искусства, отправив их всех в деревню. Иначе ничего не создашь и не напишешь. Если не отправишься в деревню, не обретешь свободу, а отправишься — обретешь!»

Вскоре язык хунвэйбинов приобрел значение директивной нормы. И в редакционной статье «Гуанмин жибао» уже декларировалось:

«Победившему пролетариату не нужны профессиональные писатели, артисты, композиторы и художники; ему нужны наполовину писатели — наполовину рабочие, наполовину артисты — наполовину солдаты, наполовину художники — наполовину крестьяне...»

Таков логический финал руководства маоистов литературой и искусством. Вульгаризаторский, антимарксистский подход «Выступлений» Мао Цзэ-дуна в Яньани неотвратимо привел к отказу в литературном творчестве от профессионализма и художественного мастерства. Лишение литературы и искусства, всего художественного творчества живой души — образности, эстетической значимости — обрекло его на деградацию, полное вырождение.

(Продолжение следует)

Продолжение. Начало см. «ЛГ», №№ 31, 32.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

Пере Смешник

БЕРЕГИТЕ ВРЕМЯ

Бор. ПОЛИЩУК

На телевизионном экране минут пять мельтешат слова: «Берегите время!» Наконец появляется диктор:

— Добрый вечер! Начинаем передачу о цене одной минуты.

Многозначительно подняв палец, он продолжает:

— Всего одна минута, а как она весома! За минуту страна наша успевает выработать 1 140 тысяч киловатт-часов электроэнергии, 15 470 квадратных метров ткани, 18,5 тонны сахара-песка, 194 тонны стали, вводит в строй 5 квартир. Вот что такое одна минута. Так будем же ее беречь!

И, улыбнувшись, диктор говорит:

— Вы смотрели передачу «Берегите время!». Ее подготовили режиссеры Ефим Петрейко и Василий Кухоль, ассистенты режиссеров Дмитрий Покропивный и Иван Лебедь, оператор Юрий Киевский, ассистенты оператора Петр Васюта, Николай Киселев, Станислав Корж, звукооператор Леонид Глебов, технический редактор Степан Ивашкевич, редакторы Григорий Брунь, Олег Остапенко, Евгений Яровой, литературный консультант Федор Махиня, оператор по освещению Павел Груша, художники по костюмам Сидор Иванченко и Яким Выдра, оформление Паласа Близнюка, Анатолия Пасечника, Трофима Губина, Ростислава Клименко, консультанты сцены Никита Жолудь и Александр Петухов, гримеры Авдей Максимчук, Анастасия Белоусова, Валерий Жбан и Ольга Гончаренко. Вел передачу Богдан Дятлик.

На экране снова вспыхивают и десять минут мелькают слова «Берегите время!».

Перевел с украинского
Ян ОСТРОВСКИЙ
(«Перець», № 8, 1969)

ФОТО-АТЕЛЬЕ

Писем пришло не по-летнему много.

Давайте выбирать...

Вот как «видит» фотографию О. Максимова («ЛГ», № 30) Н. Ревзина из Кишинева: «Мы — вундеркинды». В. Мучкин (Пенза) утверждает, что это «Плоды просвещения». А. Снытко из Астрахани убежден, что «Учиться никогда не поздно». Одесситка Б. Могилевская предполагает, что это «Мать-героиня пишет диссертацию». А. Глинский из Минска надеется, что на снимке «Заправочная станция», в то время как Х. Иванов (гор. Чугуев) настаивает на том, что на снимке «Слет молодых авторов». Москвич А. Коломейчук высказывает мысль, что именно здесь, «У истоков цивилизации». «Стоянка разрешена», на что его земляк В. Гвоздев возражает: «Чтут» отца своего».

В. Кривченко (Москва) резюмирует все вышесказанное:

«Дети до 16 лет не допускаются».

Администрация «Клуба ДС» благодарит товарищей за участие и предлагает новую работу «Фотоателье».

Что бы это значило?

Фото К. ГОРЕВА
(Ленинград)

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

К ВОПРОСУ О «КУКУМИС САТИВУС»

В НОМЕРЕ от 2 июля с. г. на 16-й странице «Литературной газеты» была помещена статья под названием «О вреде огурцов», которая так и начинается: «Каждый съеденный огурец приближает вас к смерти». В связи с этой статьей я совершенно потерял покой и сейчас, в разгар овощного сезона, даже не могу смотреть на так называемые огурцы. Моя жена уже успела засолить на зиму бочонок «огурчиков», но я дал ей указание уничтожить последний.

Однако, несмотря на выступление «Литературной газеты», колхозы и совхозы нашей области продолжают сбор урожая огурцов и сплавляют их торгующим организациям, которые в свою очередь продают огурцы населению. Спрашивается, до каких пор это может продолжаться? Ведь с огурцами не шутят.

Дорогая редакция! Объясните, пожалуйста, своим читателям: может быть, если уж огурцы нельзя есть, то можно ли будет употреблять огуречный рассол? Вы извините меня за прямоту, но я поделился с вами своими мыслями...

Г. ДАНИЛЕВСКИЙ
КИНЕШМА

Кроме этого письма, редакцией получено еще около четырех писем примерно такого же содержания. В связи с вышеизложенным администрация «Клуба ДС» уполномочена заявить, что огурец (cucumis sativus) — это однолетнее овощное растение семейства тыквенных, стебель стелющийся, с жесткими волосками и усиками. Цветки однополые, желтые, причем чем выше порядок ветвления стебля, тем, естественно, больше женских цветков. Родина огурца — Ост-Индия. Ценность огурца — в его вкусовых качествах, способствующих более лучшему усвоению пищи. В огурце 95% воды, 2,5% углеводов, 0,7% клетчатки и 0,4% золы. Короче, калорийность огурца вдвое меньше, чем калорийность капусты. Норма высева семян — 7 кг на 1 гектар легких суглинков, богатых перегноем. Урожайность огурцов в совхозе «Марфино», что под Москвой (ехать с Савеловского вокзала), — 150 тонн с гектара... Вы извините администрацию «Клуба ДС» за прямоту, но она поделилась своими мыслями, которые у нее появились по прочтении кинешемского письма. Администрация твердо убеждена, что теперь вопрос о «кукумис сативус», то есть об огурцах, может быть снят с повестки дня — к удовлетворению как потребителей огурцов, так и их производителей.

Владимир ГОНИК

ИКАР

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ВО СНЕ Иван Иванович летал.

Он ошалело смотрел в темноту. Успокаиваясь, благодарил судьбу — всего лишь сон.

Он засыпал, и вновь приходил этот сон, в который раз за ночь: Иван Иванович летел, разбросав руки и ноги, распластанный, как звериная шкура. Он пролетал знакомые в детстве места: двор, в котором вырос, дома, в которых жил, какие-то забытые солнечные поляны.

Потом он на мгновение застывал, распластавшись, и начинал скользить вниз по школьной формуле, которую он забыл.

Иван Иванович разбивался — ужас цепко и долго держал за сердце.

Утром болела голова. А нужно было идти на службу, зарабатывать хлеб насущный — легко ли после ночных смертей.

Иван Иванович огорченно потянулся. Замер. Он почувствовал, как его подняло над полом и он мягко полетел через комнату. «Лечу», — подумал он.

Иван Иванович долетел до стены, ткнулся в нее и опустился на диван — страшно подумать: ногами! Съест Мария Петровна. Он быстро опустил ноги на пол.

Из кухни вошла жена.

— Мамочка, я летаю, — растерянно сказал Иван Иванович.

— Летай, милый, летай, — сказала жена.

— Но мне на службу надо!..

— Вот и лети, милый...

Он летел вдоль домов, обгоняя трамваи, радуясь своей выдумке; на лету он заглядывал в окна.

«Удобно, — подумал Иван Иванович. — И на билетах экономия».

Он прикинул, сколько выгадает в неделю, в месяц и в год, и позволил себе задержаться лишь у одного окна: целовалась пара, и Иван Иванович с минуту порхал против окна, заглядывая внутрь. Женщина заметила его и опустила штору.

«Опаздываю», — подумал Иван Иванович.

Он подлетел к окну своего отдела на шестом этаже и постучал в стекло. Он висел у окна, глядя в комнату. Наконец его впустили.

— Закройте за собой, дует! — крикнул кто-то.

— Иван Иванович, я-то думал, что вы не опаздываете, — сказал начальник.

— Я торопился, извините, очень спешил, летел, задержался лишь в одном месте, — бормотал Иван Иванович свои оправдания.

Он пролетел над столами через всю комнату и с лета упал на свой стул. На столах от ветра заиграли бумаги.

— Свинство, — злились сослуживцы, — носится, как угорелый.

Он летел с рулоном чертежей. Потолки в коридорах были низкие, приходилось поджимать ноги, когда по коридору кто-то проходил. Радио передавало концерт по заявкам, Иван Иванович летел, насвистывая полонез Огиньского. Это было ошибкой. Кто насвистывает полонез Огиньского, пролетая мимо кабинета директора?

Дверь отворилась. Иван Иванович почувствовал, как его нога что-то задела. Он повис под потолком, и директор смотрел в его лицо, подняв голову. Они молча смотрели друг на друга, директорская шляпа мягко и медленно катилась по коридору.

— Спуститесь, — сказал директор.

Иван Иванович вдоль стены робко опустился на пол. Он поднял шляпу и почистил ее рукавом.

— Извините, — сказал он.

Директор любил поговорить по душам: с людьми нужно работать, к каждому можно подобрать ключ. Он усадил Ивана Ивановича в кресло и приветливо сказал:

— Голубчик, зачем вам это? Подумайте! Сегодня вы летите по коридору, завтра улетите от семьи, а там сядете и на скамью подсудимых. Я вас очень прошу... Чтобы мне не пришлось принимать меры.

Директор был рад: ему удалось поговорить по душам, и он был рад своей способности понимать людей. Иван Иванович тихо просидел на своем месте до конца работы. Потом отправился к врачу.

— Что вас беспокоит? — устало спросил врач. Он был молод.

— Я летаю, — сказал Иван Иванович.

— Куда? — спросил врач и записал в графе «Жалобы»: «Летает».

— Куда захочу...

— Давно?

— С утра. Проснулся и полетел.

— А раньше с вами бывало?

— В детстве, во сне...

Врач все это записал. Он записал и другие ответы Ивана Ивановича, попросил его раздеться, устало выстукал и послушал грудь и спину. Выписал рецепт.

— Это у вас на нервной почве, — сказал он.

* * *

Он чувствовал всю полноту своего греха, как школьник, сбежавший с уроков, но он брел и не хотел возвращаться домой: шли часы и минуты, и еще часы, вина его становилась все больше, он оттягивал расплату. Он забрел в городской парк, и здесь сладким отголоском детства его схватил за сердце шатер цирка шапито.

Он сидел в первом ряду. Пахло опилками и мочой. Весь этот пестрый мир акробатов, жонглеров, собачек, красных униформистов, танцующих лошадей, клоунов завертел его и оглушил, и Иван Иванович пришел в себя, когда вдруг стало тихо, и потом раздался нарастающий сухой треск барабанов: прекрасная женщина, выхваченная из темноты узким лучом света, держась зубами за трос, понеслась в высоте.

Все замерли и следили за ней. Вот она застыла. Умолкли барабаны. Стало тихо до ужаса. Иван Иванович задержал дыхание. Женщина дернулась, упруго бросила себя вверх, и через мгновение она, улыбаясь, сидела на трапеции, вытянув свои чудесные ноги. Грянул марш «Нам нет преград...», зажегся свет, грохнули аплодисменты. Она, улыбаясь, качалась под куполом. Ее черное шелковое тело блестело и гибко играло в лучах софитов. Она послала всем воздушный поцелуй.

И сердце Ивана Ивановича не выдержало. Он вскочил ногами на скамейку, неловко взмахнул портфелем, что-то крикнул и полетел к этому блестящему шелковому телу.

Он летел в свете всех ламп. Внизу смеялись люди.

— Хороший клоун, — говорили они. — Ловко подстроено.

Она, улыбаясь, ждала его на трапеции. Иван Иванович подлетел, уцепился свободной рукой за перекладину. Потом тяжело подтянулся, уселся рядом. Она улыбалась. Блестел шелк на ее теле, блестели ее глаза. Люди внизу смеялись и аплодировали.

Ее глаза, ее чудесные зубы были возле его лица.

— Пошел вон, — шепнула она, улыбаясь. — Срываешь номер, старый хрен.

Иван Иванович обомлел. Музыка играла «Присядем, друзья, перед дальней дорогой...». Он почувствовал, как у него внутри что-то оборвалось.

— Проваливай, — шепнула красавица, улыбаясь.

Музыка играла «Все выше, и выше, и выше...».

Иван Иванович прижал портфель локтем, оглядел ряды смеющихся людей, взглянул в прекрасное улыбающееся лицо, вздохнул и улетел в круглую дыру в куполе, где темнело звездное небо.

ЗВЕНИГОРОД
Московской области

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА РОГА И КОПЫТА

● В МИРЕ НАУКИ

Последние исследования ученых показали, что знаменитая фраза «Жена Цезаря вне подозрений» принадлежит, оказывается, вовсе не Юлию Цезарю, а его жене.

● ВЕСТИ С ПОЛЕЙ

Недавно петух Клинцовской птицефермы, разгребая кучу жемчуга, нашел навоз. Да, плохо еще обстоят дела с удобрениями в этом районе!

● ХОРОШИЙ ПОЧИН

В магазине № 19 повесили новый плакат: «Покупатель, будь, пожалуйста, всегда прав».

● ГЕРОСТРАТ ИЗ ГАСТРОНОМА

На днях директор гастронома тов. Овчинников Г. В. сжег тару.

● НЕСПОРТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Историки утверждают, что случаи неспортивного поведения наблюдались еще в Древнем Риме. Так, например, идущие на смерть гладиаторы забывали иногда приветствовать Цезаря.

● ОБЪЯВЛЕНИЕ

Если вы потеряли друг друга и хотите устроить сцену ревности — встречайтесь у фонтана центральной линии ГУМа.

ФРАЗЫ

Беда никогда не приходит одна: даже его роман вышел в двух томах.

Б. РАБИЙ

■

Умолчание — золото.

Гения признали заживо.

Припадки откровенности тоже могут иметь летальный исход.

Хорошо протоптанная дорога иногда превращается в траншею.

Л. БЕЛАЯ

■

Жил чужим умом. И еще как жил!

В. МЕНЬШИКОВ

■

Для взрослых надо писать так же, как для детей, только хуже.

Еф. БОРИСОВ

■

Есть из одной тарелки — еще не значит иметь одинаковые вкусы.

О. СЕИН

ЧУДАКИ

(Зарубежная карикатура)

За заслуги

АДМИНИСТРАЦИЯ «КЛУБА 12 СТУЛЬЕВ» ПРИГЛАШАЕТ ОДАРЕННЫХ МАШИНИСТОК ДЛЯ РАБОТЫ В РЕДАКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ».

Редакционные машинистки пользуются преимущественным правом читать материалы «Клуба ДС» раньше главного редактора и его заместителей, не говоря уже о членах редколлегии.

В редакции «Литературной газеты» систематически работают два лифта, буфет, кинозал, аккуратно выдается зарплата.

Машбюро оборудовано первоклассной техникой.

Сотрудники редакции — в основном люди вежливые и воспитанные. Среди них очень много грамотных товарищей. Работают все здесь лишь пять дней в неделю, а в остальные дни отдыхают.

Администрация «Клуба ДС» заранее благодарит одаренных машинисток за желание работать в «Литературной газете». К сожалению, вакансий в машбюро не очень много.

Обращаться по адресу: Цветной бульвар, 30, тел. 295-00-00, доб. 25.

СПОРТЗАЛ

В РАЗГАР СЕЗОНА

Недавно в Москве закончилось первенство ЖЭКа № 18. Приводим одну из интереснейших партий этого турнира.

А. Галкин — Г. Машков

Дебют четырех дуплей.

1. 2 — 2 2 — 4
2. 4 — 0 2 — 6

Пока игра развивается так же, как в партии Коган — Дойль (Цветной бульвар, 1962 г.).

3. 6 — 0!..

Теоретическая новинка, заметно усиливающая известный дебютный вариант. Временная жертва шестерочного дупля, безусловно, является результатом тщательной домашней подготовки. Раньше здесь играли: 3. 6 — 6; 6 — 3; 4. 3 — 2, 2 — 1; 5. 1 — 0; и нельзя 5. ... 0—2, так как рубится двоечный.

3. ... 0 — 1
4. 0 — 0 1 — 1

Пожалуй, преждевременно. Лучше было бы 4... 0—3; 5. 3—6; 6—1! и только после этого дуплиться.

5. 1 — 6 6 — 4
6. 0 — 2?!..

Заметно обостряет игру. В партии Мусин — Пузин (III подъезд, 1966 г.) с перестановкой ходов случилась примерно та же позиция (без азичного и мыльного дуплей), но там Мусин сыграл 0—3, сохраняя незначительное дебютное преимущество.

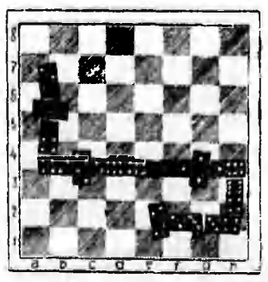
6. ... 4 — 3
7. 3 — 2! 2 — 2!

Сложнейшая, почти не поддающаяся анализу позиция! (см. диаграмму).

8. 2 — 5?..

Ошибка. Следовало играть просто 8. 2—1, удерживая двоечный конец. Теперь же приходится с него слезать.

8. ... 5 — 4!
9. 2 — 1 4 — 1
10. 1 — 3 3 — 3?

Подобный промах можно объяснить только нехваткой опыта! Зачем же давать противнику брать длинный конец?

11. 3 — 6! 1 — 5
12. 6 — 6 5 — 5
13. 5 — 6 Рыба!

Соперники записали в свой актив по 15 очков. Прекрасная партия, внесшая немалый вклад в дебютную теорию!

Комментарии международного гроссмейстера Вл. Владина.

«БЮРО ПРОГНОЗОВ «КЛУБА ДС»

Как известно, в последнее время писатель Арк. Арканов подвизается в «Клубе 12 стульев» на должности «и. о. ясновидца» с окладом по штатному расписанию. Не далее как в прошлом году тов. Арканов прогнозировал итоги футбольного первенства Европы, прогнозировал хорошо, о чем свидетельствовал успех нашей сборной, пропустившей вперед себя только команды Италии, Югославии и Англии. Любопытно, что наша команда пропустила вперед лишь чемпионов мира, чемпионов Европы и финалиста европейского футбольного коллоквиума. Таким образом, тов. Арканов зарекомендовал себя с положительной стороны. В связи с этим сегодня он делится с дорогими читателями своими прогнозами на финал Кубка страны по футболу между ростовчанами и парнями из Львова.

КТО ЕСТЬ «WHO»!

Итак, через четыре дня состоится то, чего ждут сотни, тысячи, если не миллионы честных любителей футболе. На всех шести континентах замерли в ожидании этого волнующего момента.

Еще бы! Ведь 17 августа — финал! «Карпаты» (Львов) — СКА (Ростов-на-Дону)! Что же можно сказать в преддверии столь знаменательного события, которое вряд ли когда-нибудь еще повторится. Как расценивать шансы сторон?

Положение СКА несколько предпочтительнее, хотя и не очень.

«Карпатам» тоже палец в рот не клади, хотя и не совсем.

А как другие команды?

Мне кажется, что почти не имеют шансов выиграть кубок в этом году киевские динамовцы, которые по праву считаются лучшей клубной командой страны.

Вряд ли могут надеяться на выигрыш кубка московские динамовцы и столичные торпедовцы, в игре которых явно намечается тенденция к сдвигу. Много и полезно перемещаются по полю их форварды. Если бы торпедовцы выиграли у «Судостроителя», а динамовцы победили в добавочное время ростовчан со счетом 2 : 1, то тогда было бы, выражаясь языком физиков, совсем другое дело.

Теоретически, да и, пожалуй, практически лишили себя шансов на кубок московские армейцы, у которых особенно сильна линия защиты во главе с А. Шестерневым. Впрочем, как говорится, все уже позади.

А, может быть, кубок завоюют тбилисские динамовцы, почти четверо из которых входят в сборную страны?

Не сказал еще последнего слова и донецкий «Шахтер». И не скажет.

А что вы думаете, окончательно смирились с потерей кубка железнодорожники? Да. Окончательно.

Неплохие шансы заполучить столь желанный трофей имела фрунзенская «Алга», но она выбыла из соревнований еще в 1/32 финала.

Реальные надежды взять кубок сохраняет только московский «Спартак». Ведь, как известно, кубок 17 августа будет установлен перед Западной трибуной, и спартаковцы могут всей командой взять его и унести. Но, неизвестно, пойдет ли Н. Симонян на этот эксперимент. Ведь в составе «Спартака» много молодых необстрелянных дебютантов. И все-таки каков же будет результат финального матча 17 августа?

На этот счет существует меткая народная мудрость: «А не все ли равно?». Ведь в любом случае победит дружба. А это у наших футболистов в последнее время считается самым главным. Тому примером недавний матч между двумя нашими и двумя шведскими сборными футбольными командами. В Москве мы 0 : 1 проиграли, а в Ленинграде мы 1 : 0 выиграли. В итоге ничья — 1 : 1. То есть победила дружба!

Арк. АРКАНОВ

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Телефоны для справок: 294-04-62, 295-00-00 доб. 63

А-09149 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30.

ИНДЕКС 50067

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).